

АТатьяна Люшина

Счастье
любит тишину

Annotation

Варя гордилась мужем и была готова тысячу раз повторить всему миру, что ее Юрочка самый умный, добрый и прекрасный человек. Но однажды он встретил другую женщину и ушел, сказав жене, что просто не способен контролировать вспыхнувшую страсть. И тогда Варвара осталась одна, не понимая, как ей жить дальше...

- [Татьяна Алюшина](#)

- -
-

Татьяна Алюшина

Счастье любит тишину

© Алюшина Т., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Никто не знает, почему все тяжелые и беспросветные мысли приходят к человеку именно в три-четыре часа ночи и изматывают, мучают, не давая уснуть.

А вот у него наоборот.

Вся теперешняя жизнь Костромина превратилась в странную темную субстанцию бытия, из которой выделялись особым светлым куском лишь работа и самое дорогое, словно выхваченное из всепожирающей его черноты ярким прожектором и защищенное этим лучом от темноты, воспоминание о бывшем счастье.

С тех пор как случилась с Юрием эта напасть, он перестал нормально спать. Будто в наказание или в назидание, или для просветления его ума – бог знает отчего и для чего, но вот уже несколько месяцев, как он просыпался посреди ночи, где-то с трех до четырех утра, и уже не мог заснуть.

И тогда, как спасение, как исцеляющая родниковая вода, как обезболивающее к незаживающей ране, к нему приходили воспоминания.

Яркие, насыщенные солнцем, прозрачной синевой неба, наполненные невероятной очаровательной улыбкой Варюхи, ею самой – ее движениями, взглядами, голосом, ее смехом, ее радостью жизни – радостью их жизни.

И смотрели оттуда, из их счастливого пространства на двоих, эти ее потрясающие, невозможные глаза!

И он лежал, не шевелясь, чтобы не спугнуть такие болезненно-прекрасные воспоминания, и старался насытить проплывающую перед мысленным взором картинку прошлого с запахами, звуками, ассоциациями, и смаковал каждую мелочь, спасаясь в светлом прошлом от того мутного и черного, что властвовало над ним сейчас.

Спасался, как в молитве.

Чаще всего отчего-то возникало в памяти воспоминание о том, как они встретились и познакомились. Да-а, смешная вышла история.

В тот год Костромину исполнился тридцать один год, и он уже сделал серьезную карьеру, можно сказать: небывалую для обыкновенного паренька, приехавшего из провинции в столицу без протекций, каких-либо знакомств, родных и друзей в Москве.

Покорять столицу Юрий не собирался и даже в голове не держал бредовых мыслей на данную тему, просто вот уж несколько лет как мечтал учиться в одном из самых знаменитых вузов страны.

Вот втемяшилось мальчишке попасть конкретно в это учебное учреждение и получить специальность инженера-электрика!

Ну, кто про что – люди вон в артисты табунами рвутся, в финансисты какие, менеджеры, опять-таки поголовно, в юристы очень даже многие желают, словом, в работу чистую, прибыльную и не пыльную.

А он, поди ж ты, – в электрики наметился.

Случилось так, что еще в детстве интерес к этому делу прорезался у Юрия серьезный, захвативший все его мальчишеское любопытство и воображение. Дело в том, что его отец – Максим Петрович Костромин – работал инженером на одном из заводов города Ростова и имел великое увлечение – устраивание световых феерий различного масштаба и назначения от дискотеки в школе сына, на которой подвешивался к потолку крутящийся шар, как и у всех, но зато только у них бегали по всему актовому залу разноцветные лучи, зажигающиеся в различных точках в определенном ритме под музыку. И до участия в общегородском фестивале светового представления на фасадах зданий на День города и в иные праздники.

И был у отца гараж, давным-давно переоборудованный под мастерскую, машина за ненадобностью была продана лет десять назад. Там Максим Петрович проводил все выходные и праздники, занимаясь любимым хобби. Понятное дело, что мальчика своего Юру он начал приводить в мастерскую, как только тот пошел и начал что-то лопотать на своем детском языке.

А уж как мальчику интересно все было в той мастерской, и не передать! Ну еще бы! Пацан, а тут такое разгуляево для постижения мира и всякие штучки мужские! А отец терпеливо отвечал на все его бесконечные вопросы, не отнекивался. А как Юра постарше стал, так они уж вместе с отцом только что не жили в той мастерской, занятые какими-то проектами. Мама вздыхала и безнадежно махала рукой:

– Раньше только отец пропадал в гараже этом, теперь обоих оттуда не

вытащишь!

Но особенно не расстраивалась, так, для порядка и острастки ворчала, а как мудрая женщина про себя тихо радовалась, что сын проводит столько времени с отцом и увлечен одним с ним делом. Между прочим, реально приносившим вполне достойный приработок в дом-семью, ой как прочувствованный в девяностых-то годах!

А когда Юра твердо решил стать инженером именно в этой области, то, пересмотрев справочник вузов, в которых имелся нужный ему факультет, выбрал именно столичный известный вуз, хотя и в самом Ростове был хороший институт.

Решил – и все!

И поступил без каких-либо проблем с первого же раза.

Юра вообще был деятельным, упертым в каких-то своих решениях, но и легко преодолевал трудности, оттого и учился хорошо и в охотку, и подрабатывать успевал все годы учебы, и в веселой общежитской жизни принимать участие, и амуриться с девушками не забывал, у которых, кстати, пользовался бо-о-ольшим успехом.

Ну, еще бы! Он парнишка мало того что видный – высокий, стройный, спортивный и привлекательный внешне, к тому же веселый, легкий, без заморочек, с замечательным чувством юмора и компанейский, да еще и всегда при деньгах, которые не жлобился тратить на девушек и веселье.

Родители деньгами помогали, но Юра и сам зарабатывал неплохо, подражаясь на различные работы. Хватало и на жизнь, и на погулять, особенно если учесть, что учился он в конце девяностых годов.

Заканчивая учебу, Костромин уже твердо решил, что получит еще одно образование – на факультете оптико-электронного оборудования. Вот приспичило, и чувствовал, что надо оно ему! Пригодится обязательно!

И вполне в его характере – решил, и все!

Посоветовался с родителями – второе-то высшее образование, оно платное, а он пока не топ-менеджер газпромовский, залежей денежных не имеет. Родители поддержали, вздохнули, правда, но поддержали, продали старенькую бабушкину дачку, которой особо не пользовались, но любили и сохраняли, берегли. А тут уж что поделаешь – надо сынку помочь, куда ж деваться.

Но деятельный сынок сидеть на их шее не собирался: поступил на второе образование и нашел работу инженера-электрика в одном из строительных трестов. Жил с работягами в общежитии, черт знает где на окраине Москвы, поэтому чаще всего ночевал в строительном вагончике на объекте. Экономил деньги, квартиру не снимал, держал в голове, что

родителям надо бы долг отдать – это он сам для себя так решил, они-то про долги какие-то думать не думали и такими категориями в отношении сына единственного любимого и не мыслили. А он уперся!

Да нормально! Чего там – молодой же, упертый, здоровый!

Прорвемся!

И прорвался! Где-то через год пригласили его работать по специальности в один из самых крупных строительно-монтажных холдингов страны и сразу дали высокую должность – место начальника отдела в одном из треступравлений, входящих в состав холдинга. Что-то там в верхах у начальства произошло с этим его трудоустройством – вроде как умер его предшественник на этой должности, а предыдущее начальство Юрия в частном разговоре с нынешним упомянуло, что, мол, есть некий Костромин, очень толковый инженер, молодой, правда, но не пьющий и работоспособный, да к тому же перспективный и талантливый.

Как-то так звезды и начальники сошлись, но работу Юра получил, а с ней и достойную зарплату, и комнату в профильном общежитии.

Да, красота небывалая! Повезло!

Костромину вообще везло и с работой, и с коллегами, и с начальством, и с женщинами. Жизнь его баловала.

Например, подкинула она, жизнь то есть, ему знакомство с одним очень непростым пареньком – Владом Потаповым, носившим кличку Сивуч, вообще-то так называют северного морского льва, но кликуха ему шла, прижилась – высокий, крупный, но при этом быстрый и сильный. Главное же его достоинство для Юрия заключалось в том, что Влад был классным хакером, причем из разряда официальных, в том смысле, что работал на правительство. Что-то там засекреченное и правоохранительное, правда, из бывших «свободных художников», пойманных за хвост, но это его личная история, покрытая мраком тайны государственных органов.

Не суть.

Важно то, что у Юры давно засела в голове идея программного управления электросетями. Да не банального подключения-выключения и тому подобное «три притопа два прихлопа», что он давно уж освоил самостоятельно в процессе учебы, а по серьезному, «по-взрослому» – привязка всех схем и объектов на дистанционное управление, разработка специальных режимов, программ, сведение всех цепей в единую схему и так далее.

И Юра уговорил Влада обучать его на уровне профессионального хакера-программиста.

Около года Юра занимался в свободное время, которое можно было

улучить лишь глубокой ночью, а куда деваться, сам подписался на это дело, чего уж теперь!

Но Костромин добился того, чего хотел!

Теперь он имел в своем арсенале навыки первостатейного хакера и знания такого высокого уровня программирования, в которые не посвящал никого. А совсем незачем и ни к чему такую инфу о себе распространять – занимались они с Владом анонимно, с соблюдением некоторых конспиративных приемов: Сивучу тоже совсем не светило, чтобы его кто поймал на преподавании, могло и по затылку прилететь очень даже всерьез, особенно от его работодателей. Вот и тихарились оба.

Что, впрочем, не помешало Костромину совершенно наглым образом подать документы на прохождение экзаменов на получение сертификата и лицензии специалиста международного уровня по «комплексному коммуникативному программированию и монтажу, управлению и мониторингу многоуровневых производственных систем электро- и оптоволоконных комплексов и объектов».

Звучит закрученно, а в простоте это считалось еще одним образованием, дававшим право официально заниматься любыми компьютерными разработками электронных и оптоволоконных систем, привязывать их к разным объектам. Это значительно облегчало ему основную работу, особенно в пункте, связанном с проверкой правильности протяжения электрики на сданных объектах.

Подавая документы на получение сертификата, в пункте «учебное заведение», в котором получено образование по предмету, Юрий указал: самообучение экстерном. И эта откровенная наглость, как ни странно, проканала, его допустили до экзаменов, которые Костромин благополучно сдал, прошел специальную комиссию и получил заветный диплом и сертификат специалиста в данной области.

Таким вот образом к двадцати шести годам Костромин получил второе высшее образование по оптико-волоконным системам и получил диплом коммуникационного специалиста-компьютерщика.

И как попер по карьерной лестнице... не догонишь!

Начальство его любило и ценило. Да и было за что, если честно – упорный, работоспособный, не по годам серьезный в работе и ответственный, инициативный специалист, каких поискать и не найдешь, надежный и умный, очень умный мужик. Да к тому же обладавший редкими качествами – первое: не карьерист, в мышинных забегах и интригах за теплое место для пятой точки никогда не участвовал, делом занимался вместо этого, и второе: не пьющий. То есть совсем не пьющий.

Ну, это качество Костромину по наследству от отца досталось.

Батя рассказывал ему, а потом не раз вспоминал, как в молодости, будучи студентом, однажды напился на пикнике в лесу. Да и напился-то громко сказано – хватило четырех рюмок водки, то есть около ста пятидесяти – двухсот грамм, чтобы он отключился. Как товарищи ему потом говорили: махнул за четвертый тост, улыбнулся и лег под деревцем, свернувшись калачиком – и все! Как не будили – бесполезняк! Пришлось приятелям его на руках до автобусной остановки тащить, а потом и домой доставлять.

И вот проснулся он поутру и, еще не открыв глаза, понял, что попал в чистилище! Или уже в ад! У него болело все! Страшно болело, жутко! Все кости болели, к телу вообще притрагиваться было невозможно – любое движение, любое прикосновение отдавалось такой жуткой болью, что он балансировал на грани потери сознания.

И жажда! Такая, что он и не подозревал, что так может быть вообще – вот-вот – адская, это точно! Поджаривали рогатые, верняк!

Тогда родители его два дня спасали – отпаивали какими-то отварами, клюквенным морсом, ничего другого ни есть, ни пить он не мог. На третий день кое-как встал с кровати, чувствуя себя полуразвалившимся стариком.

К врачам ходил, а как же! Думал же, что болезнь какая страшная с ним приключилась, а оказалось, нет, не болезнь, а вот такая у его организма индивидуальная непереносимость алкоголя.

С тех пор и не пил. Не то, чтобы совсем уж в сухой завязке. По праздникам, на дни рождения, когда за столом собирались, Максим Петрович две малипусенькие рюмочки коньяку пропускал, в общей сложности грамм пятьдесят, чокаясь с гостями и под серьезную закуску.

Все, это норма для него. Ничего иного с алкогольной составляющей не принимал никогда.

Вот и Юрий в отца пошел – непереносимость спиртного. Да он и не любил, даже запах алкоголя его отвращал, что, впрочем, не мешало ему участвовать во всех студенческих загулах и веселиться наравне с хмелеющими товарищами.

Вы когда-нибудь были на крутой студенческой пьянке? Нет? Да?

Так вот, как правило, после первой же рюмки всем становится по барабану, кто что и сколько пьет, народ занят общим весельем, шутками-прибаутками, хохотом, заигрыванием, флиртом и прочим.

Практически до самого пятого курса никто из одноклассников и друзей по общаге и не подозревал, что Костромин не пьет, а он и не распространялся о такой особенности, да и зачем? Объяснять кому-то?

Выяснившийся факт показался открытием вселенского масштаба – как это? Да ладно, да не может быть! Юрик, ты ж с нами всегда...

А он и всегда. Первую рюмку делал вид, что пьет, переставлял соседу по столу, а потом наливал себе воды. Никто и не замечал, а для куражу ему напиваться не требовалось, он и так веселился от души и участие принимал во всех идиотских мероприятиях пьяных товарищей и... и спасал их не раз, и вовремя выдергивал смываться при необходимости, и тащил на себе в общагу, и прикрывал от последствий, и лечить страждущих с бодуна приходилось ему же.

Но! Эта его особенность однажды даже сыграла Костромину на руку в работе.

Наверное, никому не надо объяснять, что такое сплоченный мужской коллектив строителей. Эдаких мужиков, заматеревших в этом деле. Нет? Не надо объяснять? Вот и ему не требовалось – он уж насмотрелся, когда подрабатывал во время учебы, первая запись в трудовой книжке появилась у него в семнадцать лет: «разнорабочий» в строительно-монтажном тресте.

Так вот, вышел Юра на работу в первый день – начальник начальником, в костюмчике, только касочка красная на голове, мальчонка двадцати двух годов, а, на минуточку, две тысячи первый год – разруха во всем, только-только выколупываться страна из кое-чего сильно пахнущего начинала, а в строительном деле ситуация такая, что слов приличных не подобрать. И мужики в его подчинении не гастарбайтеры какие, а все как на подбор зубры местные, в возрасте от тридцати пяти и выше. Можно представить их отношение к мальчонке: только-только со студенческой скамьи – и руководить ими взялся!

Да сейчас-с-с!

Ну и понеслись проверки на слабо со всеми вытекающими провокациями и саботажем. Костромин не зря уж пять лет по стройкам оттарабанил, в психологии таких вот работяг разбирался, и в том, на что они способны, тоже, и отпор давал соответствующий. Кому и в рожу от него прилетело, кого уволил к той самой матери, кого и в каталажку отправил за особо лютой саботаж с последствиями. Но авторитет свой, который довольно быстро умудрился завоевать у пролетариата хитроватого, закрепил окончательно и бесповоротно после одного случая.

Накануне ноябрьских праздников в обед мужики-строители сели кружком за стол и выставили водочку под закуску, считай, уж точно никто вечером работать не станет, без вариантов. Хорошо хоть день отстояли под сорванный от матов и крика голос Костромина. Ну и позвали они начальника молодого с ними-то разделить застолье предпраздничное,

выказали уважение достойное.

Костромин на зов подошел, посмотрел на разложенную на газетках немудреную снесь, на мужиков, добреющих в предчувствии принятия водочки, и, тяжело вздохнув, признался с некой грустинкой в тоне, специально наигранной:

– Не, мужики, нельзя мне, – и выдохнул тяжело.

– А что так, Максимыч? – участливо поинтересовался бригадир. – Болен, что ли, иль закодировался?

– Вот именно, – кивнул Костромин.

– Да ты чё! – посочувствовал и не поверил бригадир. – Такой молодой, и уже того... – Он щелкнул пальцем по горлу известным жестом и уточнил: – Нельзя?

– Нельзя, – подтвердил грустно Юра и посмотрел с наигранной тоской на бутылку водяры на столе.

– Ну, ты даешь! – восхитился один из мужиков. – Чё, заливал всерьез? Без базара кодернулся?

– Так я ж на стройках с семнадцати лет, – снова прямо не ответив, пояснил он. – Подрабатывал, пока в институте учился. Сами понимаете, – и еще разок, закрепив успех, вздохнул тягостно.

– Ну, дыть... – выказал общее сочувствие бригадир, несколько даже смутившись.

– Да-а-а, – протянул с большим уважением один из работяг, с особым сочувствием глядя на Костромина. – Видать, поколотила тебя жизнь, паря.

Юрий пожелал работягам приятного аппетита, дежурно-начальственно напомнил не засиживаться и не злоупотреблять до недоразумений, попрощался и ушел.

С тех пор мужики бывалые проявляли к нему немалое уважение, особый респект молодому начальнику.

А стройки в любом городе – это закрытое сообщество, где бригады, прорабы и тресты управления мигрируют от одного заказчика к другому, от одного подрядчика к третьему, и слухи в них распространяются так же быстро, как у медитирующих на скамейках под домом бабuleк.

Таким вот образом за Костроминым и закрепилась слава бывалого крутого паренька-начальника, который про рабочих и их нужды все знает-понимает, и начальник справедливый да толковый, хоть и суров и осерчать может, и даже врезать если что, но за дело, да к тому же и сам лихоманки-жизни хлебнувший не по годам. Почитай, с детства на стройках вкалывал, аж здоровье потерял.

И с этой вот славой он и покатыл дальше возводить свою карьеру.

А она росла, уж поверьте!

К тридцати одному году Костромин стал заместителем начальника одного из стройуправлений, входивших в тот самый главный холдинг. Их отделение занималось в основном строительством под ключ загородных коттеджей и домов в элитных поселках по всему Подмосковью и дальше по ближним к Москве областям.

Интересная должность и дело интересное, да только мотаться приходилось, как Ивану-царевичу на Сером Волке, посланному царем дурковатым за разными диковинами туда-сюда. А куда деваться? Такая вот работа.

Как-то пришел Костромин в одно крупное архитектурное объединение, с которым его фирма плотно сотрудничала. Ему требовалось встретиться с хозяином агентства, он же его генеральный директор в одном лице, по одному хлопотному и малоприятному делу – архитекторы сделали проект особняка для весьма известного и очень, ну очень медийного господина, но электропроводку в нем наметили настолько забубенную и бестолковую, что ее реально невозможно и даже опасно было делать по намеченному плану.

Заказчик же, ни ухом ни рылом не понимавший в строительстве и проектировании, и уж тем паче в электросетях, подмахнул проект, как говорится, «не глядя», когда ему показали, как это все шоколадно будет выглядеть в конечном исполнении на трехмерном макете в компьютерной графике, а как дошло до строительства, тут и поперли орехи на каждом шагу.

Гондаров, хозяин того самого архитектурного объединения, матерился до небес, когда они разговаривали по телефону:

– Да я этого Федорова турну к такой-то матери!! – бушевал он. – Нет, ты представляешь, мне его рекомендовали как талантливого специалиста, да еще протезировали непростые люди, мои же заказчики и партнеры! Я работы его посмотрел, очень даже достойно, крепко сделано, ну и взял. А тут выяснилось, что он идиот мажорный, институт отсидел за деньги папаши для престижа, мол, я крутой, не менеджер вам какой, а гляди ты: архитектор, мать его разтак!! Папаня-то за него сам просить не стал, понимал, что я досконально проверю, уж больно много про этого деятеля знаю, не поверю, что сынок умным вырос. Но у парня любовница-покровительница нашлась такая, что даже папаша с ней на «вы» и шепотом, вот она и попросила за пацана настойчиво. А работы они мне подсунули его одnogруппника, талантливого мальчишки с периферии, который тут тыкается-мыкается в Москве, пытаюсь найти работу. Они б еще

из этого дурня медика сделали, вот повезло бы нашей медицине!! Я когда его на первый проект поставил, ему все работы тот самый пацан и сделал, а я что, это проверить мог как-то?! Посмотрел – классно сделано! А тут одноклассник-то сплюхвал: половину этого проекта рассчитал-расчертил, потом заболел и в больницу угодил. Так этот придурок сам проект и закончил! Я когда узнал, Юр, веришь, думал придушу крысеныша, а его папашу вообще засажу, есть у меня на него много чего, так меня прорвало от этих новостей! А потом поутих и вздохнул, признаваясь, что пригодится еще папаша-то идиота. Ну, а самого на куски порву! Не поленюсь, самолично обзвоню всех коллег, предупрежу. Или вон Зинаиду попрошу, у нее лучше получится, – и тут вспомнил что-то и взревел от досады. Ах да! Еще и эта напасть на меня!

– Какая? – усмехнулся пылкости возмущения Костромин.

– Да Зинаида моя заболела! И серьезно. Пришлось в клинику класть, оперировать будут, и сколько она после этой канители восстанавливаться станет – кто знает! А у меня тут бюро без нее пропадай! Давайте закроемся!

Зинаидой Кузьминичной звали секретаршу Гондарова, даму неопределенного уже, после сорока лет, возраста, архитектора по образованию и воистину гениального делопроизводителя, которая работала с Антоном со дня основания фирмы.

Он берег ее, как страна свой Алмазный фонд, и считал практически членом семьи и чем-то вроде Родины-матери на работе. Она настолько находилась на своем месте, что представить кого-либо иного на нем было невозможно, даже умозрительно. Зинаида «фильтровала» проекты, прошения, посещения, отсеивая все вздорное, рвавшееся через ее приемную к любимому начальнику с удивительным чутьем, жесткостью и точностью. Вот сто пудов, если бы она была на месте, проект слажавшего дебила не прошел бы дальше мусорной корзины у ее стола.

– Да ладно, – поддержал шефа Юра. – Обойдется. Как-нибудь перетерпите без нее.

– Не зна-а-аю, – протянул задумчиво Гондаров, продолжая делиться переживаниями: – Ты не представляешь, какие мне кадры присылают из агентства ей на замену! Двух девчуль уже турнул так, что только ягодички по коридорам сверкали, когда они ноги уносили. Сегодня вон третью прислали. И я не понимаю: вроде же агентство солидное, серьезное, я четко изложил, что мне требуется, а они мне «постельный» вариант отправляют. Как сглазил прям кто. А... – от досады протянул он и вернулся к предмету их беседы просительным тоном, присовокупив к имени Костромина

отчество для убедительности: – Так ты, Юрий Максимович, давай сам посмотришь и по-быстрому толково все исправишь, как ты умеешь. А? Понимаю, что тебе не по статусу, да только кто ж кроме тебя с этим влет справится? А нам шустро надо, ты ж понимаешь! Я в долгу не останусь, ты знаешь.

– Да, знаю, Антон Михайлович, – вздохнул в ответ тяжело Костромин и поспешил успокоить: – Ну, давай я к часикам трем подъеду и вместе посмотрим, что можно сделать. Сам понимаешь, короб выведен, а это полная... Но варианты есть, я уж прикидывал.

– Вот за это тебе спасибо великое! – обрадовался Гондаров и поспешил закончить разговор: – Давай. Жду.

Вот по такому неприятному, но, увы, иногда случавшемуся в строительстве форс-мажору и прибыл Костромин в известное архитектурное агентство.

Распахнув дверь в приемную, он в самый последний момент успел остановиться, чтобы не налететь со всего разгона на большую коробку с логотипом крупной фирмы-производителя канцтоваров, стоявшую прямо на входе в комнату.

Ругнулся сквозь зубы – и какого, спрашивается, она тут стоит, а? И, обойдя препятствие, вошел в приемную и замер от открывшейся его взору картины!

Вполне себе волнующей, надо сказать, картины!

На лежавшей на полу специальной папке для чертежей больших форматов стояла на коленях девушка, вернее, самой девушки было не видно, зато очень, ну очень хорошо и в самом наилучшем ракурсе для мужского богатого воображения вырисовывался ее замечательный, такой прямо... ум! задик, плотненько обтянутый так называемой юбкой-карандаш, прелестные ножки из-под нее, заканчивающиеся острыми каблучками модельных туфелек.

Картинка, что и сказать, – на загляденье! Красота! Девушка, понятное дело, не просто так себе стояла на коленях, а с конкретной целью: практически забравшись под стол, она доставала улетевшие туда бумаги.

Костромин постоял, полюбовался тылом незнакомки и решил, что не мешало бы и фасад увидеть. Он подошел к ней сбоку, присел на корточки и обратился к занятой делом барышне:

– Здравствуйте!

– Ой-й-й-й, – ответила девушка.

И произнесла она это странно: не ойкнула-пискнула от неожиданности и испуга, а как-то протянула таким тоном, словно ее застукали за чем-то

запрещенным, но вполне невинным, например, за тайным поеданием варенья, которое специально спрятали до праздничного стола, и она как бы извиняется, заранее зная, что простят и особо журить не станут. Да и вообще не дернулась, не перепугалась и не засуетилась, что следовало ожидать в такой ситуации, а замерла с протянутой за бумагами рукой и, повернув голову, посмотрела на него.

– Здравсь-сь-сьте, – произнесла она медленно, так же медленно кивнула и, продолжая стоять на коленях, вдруг перевела руку в его сторону и протянула для рукопожатия.

Костромин подивился, но ладошку ее принял.

– Варя, – представилась девушка и спохватилась: – В смысле: Варвара. Варвара Добродеева.

А для Костомина вдруг остановилось время, замерло сердце, охнув в груди, – он задержал ее руку в своей ладони, сжал чуть покрепче, словно боялся, что она ее сейчас заберет, и не мог отвести взгляда от лица девушки.

У нее было абсолютно русское лицо, эдакое этнически однозначное в современном представлении русского облика – не совсем чтобы круглое, но и не строгий овал, очень белокожее с легким румянцем на щечках, с чуть вздернутым курносом, но тонким носиком, с потрясающими пухлыми губками и круглым подбородочком, с бровками, как два изогнутых лука, с высоким лбом. И конечно же, светло-русые волосы, собранные в замысловатый пучок на затылке с небольшими кучерявящимися локонами на висках и на лбу.

Это все прекрасно и необычайно мило, но ее глаза!!

Он обалдел, когда заглянул в ее глаза!

Большие, какие-то блюдца прямо, а не глаза, светло-зеленые, цвета молодой весенней травы, с такими веселыми чертиками природного задора и жизнерадостности, скачущими в них, и чудными, непонятными отсветами огоньков, словно две лампадки горят где-то в их глубине.

Он смотрел прямо ей в глаза и не мог оторваться.

И тут она сама сжала его ладонь посильней и, придерживаясь за его руку, передвинулась, села на пол и улыбнулась...

У Костомина от этой ее улыбки горло перехватило и сердце, очнувшись от обморока, бухнуло внутри – на щечках у девушки появились две потрясающие ямочки, а выражение лица стало совсем уж юным и веселым.

«Господи! – расстроился моментально Юрий. – Сколько же ей лет-то? Шестнадцать, что ли?»

– Конфуз вышел, правда? – спросила девушка и вдруг задорно, звонко рассмеялась. – Я пришла на собеседование с самым генеральным директором! – принялась объяснять она весело. – Боялась, прямо жуть! Испереживалась, готовилась, – она осторожно вытащила свою ладонь из его руки и, доверительно наклонившись поближе, поделилась: – Ночь не могла спать, так волновалась. – Отстранилась и снова легко рассмеялась – А тут эта глупая коробка! Я на нее налетела, сама как-то удержалась на месте, прямо «как лист перед травой» замерла, а папку выронила, пока руками махала, ловя равновесие, ну и разлетелось все. – И вдруг спросила: – А вы на коробку не налетели? – И посмотрела на него вопросительно.

Костромин продолжал рассматривать ее и вдруг сообразил, что она его о чем-то спросила, и... и как-то вернулся в реальность – сердце забухало недовольно, отчитывая за заморочки странные, мысль выстроилась в рабочее состояние, а действительность потекла дальше своим ходом.

– Что? – переспросил он девушку.

– Я говорю, вы вот не споткнулись о коробку. Я не слышала, – повторила она вопрос.

– У меня хорошая реакция, – улыбнулся он ей и спросил: – Сколько вам лет?

– Двадцать два, – четко ответила девушка Варвара Добродеева, как отрапортовала прапорщику на плацу, и снова задорно рассмеялась: – Меня часто про возраст спрашивают! Я без паспорта и не хожу, так получилось, что выгляжу как школьница.

– Двадцать два – это очень хорошо, – серьезным тоном заверил он ее, а потом улыбнулся и предложил: – Давайте-ка я вам помогу собрать все это.

В этот момент за его спиной раздался легкий скрип открываемой двери, звук удара, мат раскатистым мужским баском, за которым последовал неласковый вопрос, грозным тоном:

– Что тут за хрень?!

– Да вот, – повернув голову на голос, весело ответил Костромин хозяину данного учреждения, вошедшего в свою приемную из коридора и, так же как они с барышней до него, столкнувшегося в буквальном смысле с коробкой с канцеляркой на пороге, – девушка пришла к тебе на собеседование, Антон Михайлович, но встретилась с препятствием в виде коробки и рассыпала свои работы. Собираем.

– Да? – поутих в возмущении Гондаров, подошел к столу поближе и уточнил: – А я назначал собеседование?

– Назначали, – вывернув неудобно голову, чтобы видеть его, уверила

Варвара.

– Точно, назначал, – вспомнив, удивленно посмотрел он на девушку и снизошел: – Ну, тогда надо посмотреть, что у вас там.

Нагнувшись, всмотрелся в какой-то лист на полу у его ноги и вдруг поддержнул штанины вверх, присел рядом с Костроминым на корточки.

– Ну-ка, ну-ка, а это что такое? – совсем другим, заинтересованным тоном произнес Антон Михайлович, поднял лист с пола и принялся внимательно его рассматривать.

– Это эскиз законченного объекта, – пояснила Варвара Добродеева.

– Да вижу, что эскиз, а полное изображение есть? – поинтересовался Гондаров.

– Конечно! – уверила девушка, огляделась, поперекладывала листы на полу, встала на корточки, дотянулась до одного из них, улетевшего под спинку секретарского стола, достала и, снова сев на пол, протянула: – Вот!

Дверь скрипнула, послышался очередной звук удара, крепкое словцо, сказанное женским голосом, после чего пострадавшая с жарким любопытством свидетельницы преступления поинтересовалась:

– А что у вас здесь происходит?

Гондаров и Костромин переглянулись, поднялись, повернулись и на пару посмотрели на появившуюся на пороге девицу в мини-юбке и на огромных каблуках, таращившуюся на них с нескрываемым интересом.

– А что происходит? – беспечным тоном повторил вопрос Гондаров и, наигранно ища поддержки в лице Костромина, посмотрел на него с удивлением и продолжил: – По-моему, все в порядке: телефон разрывается от звонков, на пороге стоит коробка с канцелярией, посетители ползают по полу, а секретаря нет!

– Ой! – пискнула девица, только тут оценив происходящее, и принялась активно оправдываться: – Я ж только на минутку! Вы ж сами сказали, Антон Михайлович: никаких личных разговоров по телефону в приемной, вот я и вышла. А курьер меня прямо возле двери остановил, спрашивает: куда коробку поставить, я и сказала, куда хочешь, вот он и поставил...

– Синеокова, – перебил ее уставшим тоном начальник и тяжело вздохнул: – А кроме экзотической русской фамилии у вас что-нибудь выдающееся еще имеется? Ну, там профессионализм и навыки работы секретарем, хоть какая-то ответственность? Заметьте, про трепет перед начальством и опасение вылететь к чертовой матери с волчьим билетом с работы я уже и не говорю.

– С каким таким билетом? – искренне недоумевая, переспросила

девица.

– Беда-а-а, – протянул Гондаров и пожаловался Юре: – И так вот уже неделю, представляешь? Где они их только берут таких?

– Ну, не все так страшно, – не очень убедительно попытался посочувствовать Костромин.

– Так и что мне делать? – встряла в их беседу девушка с чудной фамилией Синеокова.

– Берите свою сумочку и идите, – махнул рукой Гондаров.

– Куда? – не поняла она посыл.

– Ой. – Начальник в который раз тяжело вздохнул и предупредил: – Иди уже. А то я точно тебе сейчас скажу, куда и как! Да еще ускорения придам!

На этот раз по его тону и выражению лица девица поняла все правильно, лишних вопросов задавать не стала и так бочком-бочком обошла стоявших на ее пути мужчин, подобралась к столу, достала из ящичка свою сумочку и тем же макаром осторожно пробралась к двери, пискнув на прощание:

– До свидания!

Получив в ответ горячее пожелание теперь уже бывшего нанимателя: «Да боже меня упаси!», шустрой змейкой просочилась за дверь.

– Нет, я с ума сойду от этих идиоток! – взревел Гондаров, жалуясь Юрию как родному. – Эта уже третья, представляешь? Я на эту фирму по кадрам такую телегу накатаю, я их ослаблю на всю Москву! И что мне делать? Я ж без Зинаиды пропаду тут окончательно, а она еще пару месяцев точно работать не сможет! Где я нормальную секретаршу найду?

– Кхм-кхм, – раздалось тактично-осторожное покашливание за спинами у мужчин.

Они одновременно развернулись – сегодня у них как-то все получалось в унисон, день, видимо, такой выдался. Особенный.

Варвара Добродеева за то время, пока шли тут «проводы» очередной девицы и сетования на жизнь генерального директора, успела собрать и сложить в папку все рассыпавшиеся листы и стояла прилежной пятиклассницей: ножки вместе ступня к ступне, папочка прижата к боку, сумочка на тонком ремешочке на плече и, робко прокашляв, напомнила взрослым о своем присутствии.

– Я могла бы попросить помочь вам Ангелину Степановну. Она хорошая знакомая моей мамы, – предложила девушка сосредоточенно и тут же, не выдержав, задорно улыбнулась: – Правда, ей за пятьдесят и у нее нет модельной внешности. Но она много лет проработала секретарем-референтом начальника одного крупного завода федерального значения и

ушла только потому, что старый начальник умер, а новый оказался самодур. Если вы не самодур, то она вам поможет, Антон Михайлович, – и посмотрела на него, весело улыбаясь.

– Я не самодур. Вот честное слово, – на полном серьезе уверил ее Гондаров и даже руку на сердце положил особым клятвенным жестом.

– Тогда я могу ей объяснить вашу ситуацию, – продолжала улыбаться ему Варвара и уточнила: – Когда вам надо?

– Неделью назад! – тем же серьезным тоном уведомил Гондаров.

– Хорошо! – рассмеялась девушка. – Я ей позвоню и попрошу приехать, если она свободна. – И доверительным тоном сообщила: – Думаю, она согласится. Она энергичная, полная сил и очень деятельная женщина, и ей скучно без работы. Может, я сейчас покажу свои работы, вы меня поспрашиваете что надо, а потом я и позвоню. Или как?

– Или как, – включил начальника Антон Михайлович и распорядился: – Мы вот с Юрием Максимовичем сами посмотрим ваши работы, а вы тем временем позвоните и переговорите со своей знакомой. Я отправлю за ней машину.

– Хорошо, – кивнула девушка, протянула ему свою большую папку и заметила: – Только машину, наверное, не стоит, если она вам срочно нужна. На метро быстрее будет.

– Да хоть в ступе, только как можно скорей! – потребовал Гондаров.

– Я не спрашивала, конечно, это было бы невежливо, – очень серьезно заявила барышня, – но подозреваю, что в ступе она тоже может.

И рассмеялась.

Девочка осталась в приемной вызывать знакомую, а Костромин с Гондаровым в его начальственном кабинете стояли перед большим кульманом и молча рассматривали предоставленный проект.

– Ну, что скажешь? – спросил Гондаров у Костромина.

– Я не архитектор, Антон Михайлович, но мне кажется, что очень толково, – осторожно высказал свое мнение Юрий.

– Толково, – кивнул, соглашаясь, Гондаров. – И весьма достойно. Очень даже достойно, – продолжая рассматривать работу, задумчиво делился он мнением. – Добротнo и талантливо сделано. Только я на месте девочки, – он взял в руку лист с рисунком готового объекта, – занялся бы вплотную графикой и даже гравюрой. У нее дар. Талант определенно. Это точно.

– Ты ее возьмешь? – поинтересовался Костромин.

Гондаров в очередной раз тяжело вздохнул, поставил рисунок на пюпитр к остальным листам, повернулся к Юрию и разъяснил реалии:

– У меня образовалось одно вакантное место в штате. Как и положено в таких случаях, мы уведомили об этом Центр занятости. Заявка не провисела у них на сайте и двух часов, набралось больше сорока соискателей. Мои помощники просмотрели всех и отобрали двенадцать человек, с которыми собеседование проводил уже я. Эта Добродеева последняя, двенадцатая. Три парня очень хороши, перспективные, еще одна девчушка ничего, два парня так, на четверочку, но работать смогут. Остальные ерунда. Добродеева эта молодец, сильная девочка, талантливая. – И он снова выдал коронный на сегодня тяжкий вздох. – Но возьму я на это место одного мальчонку, ничего особенного собой не представляющего как специалист, который никогда не станет даже простым крепким архитектором, зато имеющего связи, которые его рекомендовали весьма настойчиво. Возьму, бог с ним, будет на чертежной должности, но с инженерным окладом. А ребятки эти, в том числе и симпатичная девочка Добродеева, талантливые, но «с улицы», пролетают. Вот такая правда жизни.

– Но это же твое предприятие и ты тут начальник, – напомнил мягко Костромин. – Что бы тебе не делать так, как необходимо именно тебе, а не рекомендаторам всяким и просителям.

– А связи-знакомства? – напомнил тот реалии бизнеса. – Ты – мне, я – тебе? А нужные люди?

– Да и наплевать, – махнул рукой Костромин и предложил: – Возьми девочку, раз талантливая.

– Понравилась? – усмехнулся Гондаров.

– Я на ней женюсь, – весело, но без намека на шутку, уверил его Костромин. И они вошли в приемную.

Знакомая Варвары Добродеевой Ангелина Степановна поработать пару месяцев согласилась. Варвара передала трубку телефона Гондарову, и тот самолично договорился с женщиной, что его водитель ее заберет у выхода из метро и доставит в офис. Сама же Варвара ответила на все вопросы Антона Максимовича по предоставленному ему проекту и прошла собеседование, после чего он официально уведомил, что берет ее на работу, велел приходить завтра с утра в отдел кадров оформляться и выписал одноразовый пропуск.

Повеселевший, теперь уже ее непосредственный начальник вернулся в свой кабинет, а Костромин задержался в приемной.

– Вот это да-а-а! – поделилась с ним восхищением Варвара, приложив ладошки к полыхнувшим алым румянцем от переживаний щечкам и сверкая большими весенними глазищами, в которых разгорелись

празднично два огонечка. – Он меня взял!! Я даже не рассчитывала! Знаете, сколько народу на это место собеседования проходило! Ужас! А он меня взял! Это же ура какое-то!

– Вот что, Варвара, – рассмеялся ее восторженности Костромин. – Мне надо тут поработать с Антоном Михайловичем, но, думаю, часа через два я освобожусь. Вы дайте-ка мне номер своего телефона. Как освобожусь, так и позвоню, и мы с вами договоримся где встретиться.

– Зачем встретиться? – все еще пребывая в восхищенном трансе от неожиданного трудоустройства, спросила она.

– Поужинаем где-нибудь, – разъяснил Костромин. – И поговорим.

– О чем? – все тормозила девушка.

– Ну, хотя бы о том, как в ближайшие выходные вы пригласите меня к себе домой знакомиться с вашими родителями, – ровным тоном уведомил он.

– С моими родителями? – хлопнув ресницами, посмотрела она на него зелеными глазищами-блюдцами, ставшими от удивления, казалось, еще больше. – Зачем?

– Ну, для чего знакомятся с родителями? – усмехнулся он. – Свататься.

Станным образом воспоминания накатывали на Костромина теплой приливной волной, и он плыл в них, нежась в былом счастье и отогреваясь душой. И так же внезапно они исчезали, и он оставался на темном бесприютном берегу, выброшенный из своего родного жизненного пространства глупой одинокой рыбой, позарившейся на призрачную приманку, и бился в последних судорожных конвульсиях всем своим серебристым скользким телом, пытаясь спастись и вновь попасть туда – в недостижимый океан, в родной дом, в свою жизнь...

Он поднимался с кровати совершенно опустошенный после таких вот приступов воспоминаний, чувствуя себя разбитым и потерянным, но все же с согревающей сердце надеждой, что, может, уже завтра или послезавтра, снова придут к нему эти спасительные живые воспоминания об утерянном счастье.

Как правило, было где-то около пяти часов утра, и он отправлялся бегать. Рядом с домом, в котором Юрий теперь жил, находился большой сквер, в котором имелись хорошая гравийная дорожка для бега и площадка с тренажерами. Костромин обзавелся привычкой бегать, наверное, убегая от себя самого, и заниматься на тренажерах.

Никогда спортом серьезно не занимался, так, в школе больше баловался разными единоборствами модными, плавал в бассейне много, а

когда в институт поступил, так даже зарядку банальную не делал, ему «спорта» на работе хватало выше головы – побегай-ка по лестницам и этажам бесконечным, да с оборудованием на плече и мотками кабелей! А уж когда начальством заделался, так и вовсе про спорт не вспоминал, при его-то загруженности. А тут вот пристрастился и находил в этом занятии отдушину, нагружал себя всерьез, не сдерживаясь, и постанывал, и кряхтел, пользуясь полным отсутствием людей в сквере в столь ранний час.

Он вообще открыл для себя много нового, например, особое состояние души и природы в такое раннее время, особое настроение и энергию города и запах свежесваренного, настоящего кофе в круглосуточной дорогой кофейне, в которую он заезжал к шести часам утра перед работой, и то, насколько больше и качественней он успевает сделать и насколько более продуктивно, легче и приятнее ему работается и как нравится ему, что он один, вокруг нет людей, суеты и будничного шума.

Варваре стала сниться их прошлая счастливая жизнь.

В безрадостной черной полосе, которая наступила у нее после Беды, как она про себя называла тот роковой момент, после которого все изменилось и сломалось, эти сны пришли к ней очень скоро, наверное, через неделю, и стали спасением душевным, чем-то обезболивающим на какое-то время. Они удивляли странностью в своей светлой, солнечной радости и почти тщательной подробностью, передавая даже настроения, запахи, цвета того уплывшего счастливого прошлого. И почему-то всегда в них сияло солнце и было высокое-высокое чистое голубое небо.

И она плыла в них, словно в теплом океане любви, баюкающем тебя в своих ладонях, а затем неожиданно просыпалась посреди сна и чувствовала, как катятся по лицу слезы. И она хваталась мысленно за то, что видела только что во сне, удерживала его и, не открывая глаз, продолжала те воспоминания, что начались там, стараясь их продлить...

Они странно и смешно встретились.

Она ползала по полу приемной и собирала рассыпавшиеся из папки листы, торопилась, потому что не хотела, чтобы ее кто-нибудь застукал в таком неприглядном виде, и ужасно расстраивалась такому глупому конфузу.

И тут кто-то присел рядом с ней на корточки и поздоровался. У Варвары чуть сердце из груди не выскочило от неожиданности, она перепугалась, что ее таки застукал тот самый грозный Гондаров, о котором так много ей успели наговорить те, кто уже прошел у него собеседование.

Но это оказался не хозяин фирмы, а какой-то совсем другой мужчина, и она почему-то протянула ему руку для знакомства, даже не задумываясь над всей неуместностью этого жеста в приложении к той позе, в которой находилась. А когда он взял ее ладонь, Варвара почувствовала, как ее стукнуло током!

Не тем шибяущим и болезненным, а колким, острым, но отчего-то невероятно теплым, приятным – прямо волной от ладошки вверх по руке, через плечо в голову и обратной волной по всему телу до пяток...

Она посмотрела на мужчину удивленно и замерла внутренне на миг, совершенно ошеломленная.

Он показался ей настолько знакомым, родным каким-то, своим, а потом догнало еще одно странное чувство: то, что он вот так сидит с ней рядом и держит за руку, это настолько правильно и естественно, что иначе просто и не должно быть.

У него было молодое лицо, но некая аура, энергия уверенности, которую он излучал, делала его старше, солидней. Стройный, даже можно сказать худощавый, но какой-то спортивный, что ли, высокий, обычная внешность, темно-русые волосы, хорошая стильная стрижка, высокий лоб, прямой нос, прямые, как две черты, брови, твердый подбородок и полные красивые губы, приятная, располагающая улыбка. И светло-карие глаза с темно-зелеными крапушками, очень умные и веселые такие глаза.

А потом все как-то быстро-быстро завертелось – пришел сам Гондаров, и Варвара поспешила собрать свой проект с пола. И отчего-то неожиданно почувствовала себя брошенной и незащищенной, когда этот, все же незнакомый ей Юрий Максимович прошел в кабинет впереди радушного хозяина, пропустившего его приглашающим уважительным жестом.

Но очень скоро снова все переменялось, и произошло новое действие, когда и ее пригласили в кабинет, и она отвечала на вопросы Гондарова, и все скашивала взгляд в сторону этого Костромина, сидевшего чуть в стороне на стуле, чувствуя его присутствие, будоражащее и волнующее.

А потом он сказал про сватовство!

А она отчего-то не стала возражать.

Вечером того же дня они не встретились: Юрий Максимович позвонил ей и извинился, посетовав, что у него на каком-то объекте случился форс – как водится на всяких объектах – мажор. Варвара даже мысленно выдохнула облегченно, потому что все часы после расставания с ним чувствовала два взаимоисключающих чувства одновременно – горячее нетерпеливое желание увидеть его снова как можно скорей, оказаться

рядом, заглянуть в его веселые карие глаза, чтобы он взял ее за руку и, возможно, по ней еще раз пробежит та самая теплая волна тока; и желание остановиться, отстраниться внутренне, успокоиться и осмыслить, что с ней такое происходит странное до невозможности!

Ну, вот он и дал ей это время!

И она от нетерпеливого ожидания встречи разбила любимую чашку отца! Так была сосредоточена на своих мыслях об этом мужчине, вся по маковку погрузившись в них, не замечая ничего вокруг, что задела ее, когда ставила чайник.

– Влюбилась, – констатировал папа, глядя на осколки любимой чашки на полу.

– Точно, – поддержала его версию мама, подойдя и встав рядом с мужем.

– Влюбилась! – весело призналась Варвара, присоединившись к родителям в созерцании остатков любимой отцовской чашки.

Они постояли втроем над трупиком чашки, в шутовском молчаливом созерцании – они всегда поддерживали друг друга во всякого рода розыгрышах, ироничных сценках и юморных экспромтах, подхватывая на лету замысел или начатую фразу. Ну так вот у них в семье было. Вот и сейчас разыграли сценку «размышления над чашкой» с подачи отца.

– Так! – распорядился папа, глянув на дочь. – Лидуша, доставай «дублера», – имелась в виду запасная чашка, таких же поллитровых размеров. – Ставим чайник, пьем чай, и ты все рассказываешь!

И она рассказала. Про коробку с канцтоварами, про ползание на полу и про гипотетическое обещанное сватовство.

– Значит, ты его первый раз в жизни видела? – уточнял папа. – А он тебя?

– Ага! – бодро и весело признавалась Варвара, прихлебывая чаек.

– И вот так сразу и свататься? – продолжил Леонид Николаевич.

– Сразу, – кивнула она довольно.

– Ну, vedi, посмотрим, что ж толковать без дела, – принял решение папа.

Она и привела. В ближайшую субботу.

Сначала это было то самое свидание.

Варюха нервничала ужасно, пока собиралась, наводила «красоту на внешность», как называл это действие ее папа. А потом бежала к метро, уже опаздывая, ехала и всю дорогу переживала, досадовала на себя страшно, что все-таки надела не то платье – ей в нем неудобно, и зачем только его вытащила вообще! Ну, стильное – это да, и что?! А куда руки

девать – вот так и вот так, когда поворачиваешься, оно натягивается и сковывает движения. И босоножки жмут немного, ну и что, что под платье подходят, но жмут же! Чуть не расплакалась от досады и таких глупых, но важных в этот момент переживаний.

А когда выпорхнула из метро и увидела Юрия, то забыла... обо всем на свете: и о дурацком платье, и о босоножках, и обо всех своих непутевых переживаниях.

Он показался ей таким красивым! Самым красивым из всех мужчин! В Москве! Нет, на свете! Нет, в жизни! Вот! Самым красивым мужчиной в ее жизни!

«Господи! – подумалось Варюхе. – Какая разница, красивым, некрасивым!»

– Здравствуйте! – поздоровалась она, подойдя к Юрию и всматриваясь в его лицо, и тут же исправилась: – В смысле: привет!

– Привет. – Он шагнул вперед, оказавшись совсем близко, взял обе ее ладошки в свои руки, улыбнулся и посоветовал: – Не нервничай так.

– Да! – согласилась Варвара. – Надо как-то поспокойней. – И спросила: – У нас свидание? Я не очень поняла замысел мероприятия.

– У нас свидание, – улыбаясь и все так же удерживая ее ладошки в руках, принялся разъяснять он. – Мини-свидание. Мы прогуляемся немного, выпьем хороший кофе где-нибудь и поедем к твоим родителям. Насколько я помню, они пригласили меня на обед.

– Пригласили, – кивнула она.

...И они пошли прогуливаться и чуть не опоздали на тот самый важный сватовской обед, так погрузились в мгновенно возникший их мир на двоих. Шли и шли, не замечая куда, – переходили по переходам на светофоре, сворачивали на какие-то улицы и переулки старой Москвы – шли, шли, забыв обо всем остальном и о кофе, и о встрече с родственниками, и говорили, говорили, смеялись постоянно и не могли оторвать взглядов от лиц, глаз друг друга.

Так бы и шли дальше, но в настоящую жизнь их вернул настойчивый звонок Вариного смартфона и папин торжественный голос, поинтересовавшийся, когда они подъедут.

– Подъедем? – переспросила не совсем вернувшаяся в реальность Варвара и тут же спохватилась, поняв, о чем он спрашивает, и посмотрела испуганно на Костромина.

А он взглянул на часы у себя на запястье, улыбнулся и приподнял иронично брови.

– Скоро, – подсказал он ответ растерявшейся Варваре.

– Скоро, – повторила она следом за ним и нажала отбой.

Вернувшись в нормальную жизнь, они обнаружили два факта – первый: они настолько далеко забрели, не замечая ничего вокруг, что добраться до места парковки, на котором Юрий оставил свой автомобиль, пешком было проблематично, и второе: через двадцать минут их ждали на торжественный званый обед.

Но Костромин все затруднения решил быстро и просто – тормознул какого-то частника, который подвез их прямо до его машины, а уж доехать до дома Варвары им удалось в кратчайший срок, чему поспособствовало отсутствие пробок в этот час и хорошее знание Юрием центра города.

С обедом тем тоже смешно вышло.

Варя была убеждена, что Юрий совсем не волнуется, держится уверенно, ровно и даже относится к ситуации с нескрываемой иронией, а все остальные – папа, мама и она – напряжены и ужасно нервничают. От этого и случилось некое замешательство в прихожей, когда она представляла родителей и Костромина друг другу, и все как-то засуетились, натужно улыбались, скупно и быстро жали друг другу руки. От этого неудобства Варвара уронила на пол сумочку, они с Юрием одновременно и резко наклонились за ней и со всей силы ударились лбами.

– Ой, ёе-е-е! – вырвалось у Костромина, и он схватился за лоб рукой.

– Ох-х-х-х! – взвыла Варвара и ухватила за свой лоб.

– Больно? – тут же отреагировал Костромин на ее писк, молниеносно притянул девушку к себе, отвел ее пальцы ото лба, присмотрелся. – Шишка будет, вот же! – Быстро поцеловал ушибленное место, погладил пальцами и посетовал: – Как же нас так угораздило?

И все это он проделал абсолютно автоматически, тут же напрочь позабыв про наблюдавших за ними родителей Варвары и про свой ушиб – мгновенно, словно они были совершенно одни в целом свете и такая вот забота о ней это нечто само собой разумеющееся. А старшие Добродеевы стояли пораженные и смотрели на них внимательно, и тут Костромин вспомнил про хозяев и оценил этот их взгляд.

– Надо срочно приложить лед! – обеспокоилась Лидия Андреевна и ринулась в кухню, по пути прокричав: – Льда как такового нет, но заморозка всякая есть, приложим!

Костромин осторожно выпустил Варвару из рук, но она инстинктивно прижалась к нему на какое-то мгновение еще сильнее, и он коротко погладил ее по спине – как бы провел ободряюще рукой.

– Понятно, – вздохнул Леонид Николаевич, зорким заинтересованным отцовским взором заметив все эти «марлезоны», и пригласил: – Давайте в

комнату пройдем, что тут топчемся.

Пока мама с отцом выставляли закуски, Варя с Костроминым сидели на диване, прижимая к ушибленным местам на лбу пакеты с замороженными овощами: он с горошком, а она с мексиканской смесью. А когда наконец все оказались за столом, Костромин на первый же вопрос Леонида Николаевича, заданный максимально тактичным тоном о том, кем он работает, дал полный расширенный ответ о своей биографии.

Как краткий курс истории – где родился и жил, кто родители, кем работали раньше и что делают сейчас, где учился и работал он сам, что окончил, кем стал и где сейчас живет. Спокойно, солидно рассказывал, не рисуясь, но и не принижая себя. И вдруг резко замолчал, не закончив последнюю фразу, видимо, вспомнив о чем-то важном.

– Что-то случилось? – мягко поинтересовалась Лидия Андреевна.

– Да, – подтвердил Костромин и тем же почти официальным тоном пояснил, что именно случилось. – Я забыл все угощения к столу и цветы дамам в машине.

– Ну, – улыбнулась Лидия Андреевна и посоветовала: – Не надо так волноваться, Юрий.

– Как? – поразились Варвара и посмотрела на Костромина удивленно: – Юрий волнуется? Это я ужасно волнуюсь, даже вон лбом стукнулась, а Юрий Максимович, мне кажется, совершенно спокоен.

– Не совершенно, – улыбнувшись, возразил он. – Я волнуюсь за тебя.

Все рассмеялись, и отчего-то в этот момент все разом переменялось и исчезло бесследно всякое напряжение, сковывавшее всех раньше, и чувство нелепости ситуации, а вместо них появились легкость общения и смех, и шутки, и стало тепло и непринужденно.

Мужчины сходили к машине Юрия и принесли два прекрасных дизайнерских букета для женщин и какие-то угощения из дорогого магазина, которые тут же выставили на стол.

И только под самый конец застолья, когда, поменяв сервировку с основных блюд на десерт, сели пить чай с тортом, что привез Костромин, он как бы между прочим и заявил:

– Леонид Николаевич, Лидия Андреевна, а я ведь намерен жениться на вашей Варваре. И думаю как можно скорей, чего тянуть-то.

– Вот так вот, значит, – задумчиво произнес Леонид Николаевич, внимательно посмотрел на Юрия и дал свою отцовскую отповедь: – Вы же заметили, что мы совсем немолодые родители, даже чересчур пожилые. Так вот получилось, что дочь у нас единственная, холимая, лелеемая, папина-мамина девочка. Не балованная, но оберегаемая со всех сторон. Вы

жениться с наскоку собрались, а знакомы только три дня.

– Так бывает, – твердо уверил Юрий. – К тому же пока свадьбу ждать будем, познакомимся поближе, и вы меня получше узнаете, с родителями моими познакомитесь, с друзьями.

– Вот тогда и поглядим, – не спешил с благословением Леонид Николаевич.

Разумеется, он прекрасно понимал, что если Варваре приспичит, то никто его разрешения и спрашивать не станет, но традицию и характер выдержал.

Ни Юру, ни Варвару уже ничего не могло остановить.

Они встретились на следующий день, в воскресенье, и на сей раз таки пошли в известное кафе, где подавали бесподобные кондитерские изделия и кофе делали потрясающий, и долго сидели, разговаривали. И когда официантка мягко поинтересовалась у них, будут ли они что-то еще заказывать и, извиняясь, указала на очередь посетителей, скопившуюся у дверей в ожидании освободившегося столика, намекая, что они тут засиделись, Варвара предложила:

– А давайте, что ли, в кино пойдем, Юрий Максимович?

Она все продолжала звать его по имени-отчеству и на «вы», а Костромин хоть и умилялся этой ее почтительности, но посмеивался и подшучивал над девушкой, назвав «не выкошенной всеми революциями и битвой полов интеллигенцией». Он посмотрел на нее странным, слишком серьезным взглядом и усмехнулся:

– Нет, Варвара, в кино мы с тобой не пойдем. – И доходчиво объяснил почему: – Я так сильно тебя хочу, что мне и сидеть-то трудно, а если меня поместить в непосредственной близости к тебе, да еще и в темноте...

– Ох! – обескураженно пискнула она и тут же покраснела, от стеснения приложив ладошки к полыхнувшим щекам.

А он рассмеялся, наблюдая за ее смущением.

Варя резко отдернула ладони от лица, осознав всю детскую наивность этого жеста, и неуверенно предложила:

– Тогда, может, прогуляемся?

– А ты хочешь гулять? – посмеиваясь, спросил Костромин.

– Я? – переспросила она, посмотрела на него и смело призналась как на духу: – Я бы хотела поцеловаться. – И торопливо, словно оправдываясь, добавила: – А потом можно и погулять.

Костромин хохотал, не мог остановиться, аж глаза ладонью прикрыл.

– Да, – согласилась совершенно расстроено Варвара. – Что-то я опять не совсем то сказала. То есть совсем не то.

– Да то, – продолжая похихатывать, возразил он, поднялся с места, подал ей руку и, заглянув в глаза, спросил: – Ну, что, пойдём целоваться?

– Куда? – растерялась она.

– Да куда угодно, но, думаю, удобней всего в машину.

Боже, что же это был за поцелуй!!

Варвара забыла себя, забыла все на свете, растворившись в этом потрясающем поцелуе, и так ей было блаженно, так сказочно сладко, что, когда он все-таки прервался, девушка аж застонала от досады. А Юрий, отстранившись, перевел дыхание, поцеловал ее еще раз, но легонько и коротко в губы, как бы успокаивая страсти, и погладил по щеке.

– Все, Варвара, надо остановиться, а то я за себя уже не ручаюсь.

– Почему? – совершенно наивно спросила она.

– Потому что вполне готов взять тебя прямо здесь! – довольно прямолинейно пояснил он.

– И что же делать? – растерялась Варя.

– Есть два варианта, – отчего-то разозлился Костромин, – действительно идти гулять, вести легкую приятную беседу и желательно на расстоянии, или поехать ко мне домой.

Варя смотрела на него и думала о том, что знает Костромина ровно четыре дня, да и это «знает» звучало условно, она понятия не имеет, что он за человек, зато четко отдает себе отчет, что совершенно не умеет разбираться в людях и тем более в мужчинах! И хоть папа с мамой сказали, что Юрий им понравился и даже очень к себе расположил, но следом они тут же напомнили, что самые отъявленные аферисты умеют быть настолько обаятельными и представляться прекрасными людьми, что даже очень проницательный человек не заподозрит обмана. И еще рассказали уйму историй и примеры привели таких вот обманов из жизни знакомых и друзей.

Но Варя смотрела на этого практически незнакомого ей мужчину и понимала только одно – ему она может доверить даже свою жизнь. Все вот так просто! Он казался родным ей человеком.

А обман это или не обман, в данный момент не имело никакого значения.

– Тогда, – сказала она, – нам надо поехать к вам домой.

И увидела, как он расслабился от этих слов. Пока она думала, хмурясь от непростых мыслей, и решалась, он сидел напряженно и смотрел ей в глаза, а тут сразу расслабился. И она вдруг лягнула:

– По крайней мере, там можно будет спокойно целоваться сколько захочется.

А он снова расхохотался. Даже голову на подголовник откинул и, продолжая смеяться, протянул руку, обнял ее, притянул к себе и поцеловал быстрым поцелуем.

– Обещаю, – сказал Юрий весело, – целоваться мы будем столько, сколько тебе захочется. И даже больше.

И она снова покраснела, сообразив, какую глупость сморозила.

Конечно, они целовались. Страстно, безудержно, совершенно потрясающе, начав проделывать это еще в лифте и продолжив в прихожей, как только там оказались.

Поэтому для Варвары все дальнейшие перемещения и действия абсолютно растворились в бесподобности этих сумасшедших поцелуев, в полном погружении в них. В себя она более-менее пришла, когда поцелуй неожиданно прекратился.

В головушке слегка просветлело, туман медленно испарялся, и через него она увидела, что стоит возле большой двуспальной кровати, а Юрий очень быстро раздевается, срывая с себя одежду, не сводя с нее горящего возбуждением взгляда. А потом он как-то раз и сразу оказался голым и шагнул к ней.

А Варюха интуитивно отшатнулась и сделала шаг назад.

– Что такое? – спросил он обеспокоенно.

А она, как дунька деревенская, смотрела на него во все глаза и не могла произнести ни слова. До сего момента Варвара никогда в своей жизни не видела голых мужчин. Нет, понятное дело, что она не Фрося из деревни «Красные петухи», где даже электричества нет, а девушка вполне себе современная, и ясно же про кино, Интернет и все такое, где «натуры» более чем в изобилии и при всем желании не пропустишь поучительный эротический натурализм. Но вот вживую голых мужиков ей встречать не приходилось.

– Что? – снова тревожно спросил недоумевающий Костромин.

– Вот это все... – пояснила она нечто непонятное и сделала какие-то махи руками, обрисовывающие очертания его фигуры и остановившиеся где-то в районе паха.

И только теперь, махая руками лебедью подбитой, Варвара Добродеева изволила заметить, что она совершенно голая.

– Так, – четко произнес Костромин. – Понятно.

Он шагнул к ней, притянул к себе и обнял, пока она не успела опомниться от его напора и сбежать.

– Я так понимаю, что голый мужчина в боевой готовности для тебя зрелище непривычное.

– Новое, – кивнула она.

– Понятно, – снова повторил Костромин чуть растерянно, погладил ее по спинке, отклонился, заглянул ей в лицо и предупредил как можно мягче: – Но мы слишком далеко уже зашли, назад будет трудно и глупо возвращаться.

– Нет, нет, – даже как-то испугалась Варвара. – Зачем нам назад. Нам как-то туда... – от ужасной неловкости и смущения несла она бог знает что и сама это понимала, – ...туда, – повторила она и решительно указала рукой, как Ленин на памятнике – вперед.

– Молодец! – похвалил мужчина и начал трястись от приступа сдерживаемого из всех сил смеха. – Вперед, это смело!

– Я что-то не то? – растерянно поинтересовалась девушка и предложила другой вариант: – Ну, можно не вперед, а прямо тут...

Костромин уткнулся головой ей в плечо и уже тихо хохотал, закрыв глаза. Варвара осторожно повернула голову в его сторону, посмотрела на трясущегося от смеха мужчину, вздохнула трагически и выдала новую порцию высказываний:

– А можно сделать так же, как до этого было, чтобы ничего не понимать и не видеть? И я уже вон вся голая, и вы уже тоже голый...

Тут бы уж точно никто не выдержал, и Костромин запрокинул голову и захохотал во все горло, от души, аж до брызнувшей слезы.

– Да, – сокрушенно согласилась девушка, глядя на него. – Неловко как-то получилось.

Хохоча, он рухнул на кровать, увлекая ее за собой, и все смеялся, не мог остановиться, и прижимал девушку к себе, и все порывался что-то сказать:

– Ох, Варюха, ты...

– Это от смущения, – честно призналась она. – И потом все так неожиданно произошло: я от поцелуя ничего и не видела, не помнила вокруг, и это было так... так... – подыскивала она слова, но сбилась, принявшись за дальнейшее объяснение: – И вдруг раз: и вы голый идете ко мне. И такой весь...

– Все, все, молчи! – взмолился Костромин, утирая слезы от смеха. – Ничего больше не говори!

– Ладно, – пообещала Варвара и честно замолчала.

– Все, – снова повторил он, немного успокаиваясь.

Коротко поцеловал ее в губы, продолжая непроизвольно посмеиваться, потом в кончик носика, в висок и в лоб, перевернул и перекатился сам так, что она оказалась под ним, медленно наклонился и поцеловал в губы...

Теперь уж без смеха.

И снова Варвара сразу же перестала соображать и только чувствовала, таяла в этом поцелуе. И неожиданно к тем головокружительным ощущениям, которые она испытывала, добавились новые, совершенно неизвестные ей, но невероятно приятные, и телу стало горячо в тех местах, где он касался его и что-то делал с ней такое удивительное руками, губами, и хотелось чего-то еще, еще и еще... и обязательно вперед, куда она указывала «ленинской» рукой.

Вперед!

И она совсем уж перестала соображать и неслась, куда вел ее мужчина, и на какое-то мгновение почувствовала резкую боль, которая тут же исчезла, а потом началось совсем уж фантастическое и неправдоподобное...

Варвара распахнула глаза и смотрела на Юрия, на его искажившееся от чувств лицо, и на них двоих, слитых воедино, и переживала настолько сильные, незнакомые ей эмоции, прекрасные, великолепные, и чувствовала, точно знала, что надо подняться еще выше, еще, что там непременно ждет самое важное, что должно сейчас случиться...

И оно случилось, она взобралась на свою сияющую вершину и захлебнулась от восторга...

— Ну, ты как там? — спросил откуда-то сверху, через вечность, заботливый голос Костромина.

Варвара шевельнулась и осознала себя в настоящем моменте, поняв, что лежит, плотно прижимаясь к его боку, уткнувшись головой ему под мышку, и ощущает себя какой-то новой, обессиленной, но парящей в утихающем во всем теле блаженстве.

— Жива, — отозвалась она.

— Прости, — тут же повинился Костромин, ухватил ее двумя руками, подтянул повыше, уложил поудобней, пристроил ее голову к себе на плечо и признался: — Никогда не имел дел с девственницами. В наше время это возможно только в подростковом возрасте с ровесницами. А у меня тогда были женщины постарше и поопытней.

Варвара помолчала и взялась объяснять:

— Моя мама родила меня, когда ей было сорок пять лет, я ее первый и единственный ребенок. А папе было уже пятьдесят два. Вы можете себе представить, как они меня воспитывали и на каких примерах, если учесть, что у папы старинная московская семья, и в ней имелось несколько академиков еще до революции и после, в советское время, инженеры талантливые, артисты, писатели и поэты. Какие-то брызги дворянства и

литературной элиты, а с маминой стороны все больше искусствоведы, переводчики и всякого добра не меньше. Мне было лет тринадцать, наверное, когда я, собираясь на школьную дискотеку, решила накраситься, как все наши девицы в школе красились в те времена на такие мероприятия, папа застал меня за этим процессом, посмотрел на мои пудровые от туши ресницы, веки в бирюзовых тенях толстым слоем и, вздохнув, сказал: «Стараться стать такой, как все, и следовать правилам большинства, чтобы не выделяться и не быть за это отвергнутой и наказанной, конечно, легко и безопасно, как червяку в большой куче компоста вместе со своими собратьями. А вот быть человеком по-настоящему внутренне свободным, яркой индивидуальностью, игнорирующей мнение серого большинства, разумеется, тяжело и требует смелости и определенной воли характера. Зато только такие люди и достигают многого и становятся яркими личностями, которые двигают прогресс. И, кстати, которым потом старается подражать то самое серое большинство, что в свое время готово было их уничтожить за то, что они не похожи на всех, а теперь же готовы отдать все, чтобы одеваться, краситься, говорить, жить, как эти яркие личности». И так я себе вдруг ярко представила этого червяка в куче, что запомнила слова отца навсегда, решив, что не буду в компосте никогда. Смыла боевой раскрас и на дискотеку вообще не пошла, не очень-то мне на нее и хотелось на самом деле. Я всегда выглядела моложе своего возраста, к тому же маленькая была, подросла и сформировалась только к десятому классу, а так все ребенок и ребенок, когда у нас девицы уже все выглядели взрослыми, с третьим-четвертым размером груди, еще и одевались-красились соответственно. А я все шутки-прибаутки и смеюсь постоянно. Так что мальчики мной не интересовались, и слава богу, потому как в школе мне они были совсем до лампочки. А в институте, ну, вы же знаете, что такое технический вуз, у нас бесконечное черчение, оно мне даже ночью снилось, а математика, формулы, коэффициенты и градиенты, да я еще и английский язык взялась всерьез учить, никак он мне не давался. В общем, не высыпалась катастрофически, вскакивала, пила на ходу стакан свежего сока, что папа делал для меня каждое утро, хватала контейнер с завтраком и кофе в термосе, кое-как умывалась одной рукой, волосы в хвост и на учебу. Никогда не красилась, а в перемену сидела с учебником в руке на подоконнике и завтракала. Я производила впечатление ребенка-вундеркинда, попавшего в институт лет в четырнадцать-пятнадцать. Нет, находились парни и даже препод один, которые за мной ухаживали, и предложения всякие делали: и встречаться, и жить вместе, и я бы даже не

отказалась с кем-нибудь сойтись, если бы влюбилась, но только вот ни один мне не нравился настолько, чтобы вступать с ним в близкие отношения. Вот не нравился, и все. А быть червячком из общей кучи меня папа навсегда отучил.

– Будем считать, что ты просто ждала именно меня, – предположил Костромин.

– Да зачем, не будем мы ничего считать! – рассмеялась звонко Варвара. – Это так и есть! – И вдруг спросила весело: – Юрий Максимович, а почему вы мне официального предложения не делаете?

– А что, ты хочешь подумать, отказать ли мне или принять предложение? – удивился он. – Или тебе сам процесс важен? Кольцо, мужчина на колено встает?

– Ну как... – задумалась Варвара. – Ну я же все-таки девочка, мне красоты хочется, почувствовать себя особенной. – И тут же поспешила успокоить: – А кольцо совсем необязательно. Мне эта традиция и не нравится совсем, она не наша, не русская.

– Кольцо как раз обязательно, – заявил Костромин. – Я планировал, что мы сегодня вдвоем зайдем в ювелирный и ты сама кольцо выберешь. А насчет красоты... – подумал и вдруг резко сел на кровати и распорядился: – Ну, вставай, поедem делать тебе красиво!

– Нет, нет, подождите! – заторопилась, испугавшись его предложения, Варвара. – Я хотела спросить...

– Что? – усмехнулся он.

– А можно... – начала было она и остановилась, подбирая верное выражение, – повторить все... – на этом моменте Варя стала смущаться и вновь прибегла к помощи рук, делая ими непонятные пассы, – ну, все, что было, и чтобы получилось так же здорово? Так же великолепно. А?

– Варвара, – с самым серьезным видом поинтересовался Костромин, – ты знаешь, что смех и секс две совершенно несовместимые вещи?

– Не-ет, – покачала она удивленно головой и уверила: – Теперь вот буду знать, вы мне растолковали.

– Так вот, ты или отдавайся со страстью, или смеши меня, что-то одно, – так же серьезно произнес Костромин и строго спросил: – Ты когда ко мне на «ты» начнешь обращаться?

– Ну-у-у... – произвела Варя неопределенные круговые жесты одной рукой и призналась: – Понятия не имею. Когда получится, наверное.

– Ох, Варвара, – попенял ей Костромин, притянул к себе, обнял и рассмеялся.

Костромин часто вспоминал тот их первый раз.

Разумеется, бывало у них с Варюхой множество и других запоминающихся моментов интимной близости, если честно, то вся их сексуальная жизнь оказалась наполненной и прекрасной, они идеально подходили физически друг другу, и в постели у них все складывалось замечательно. Но, как у каждой пары, случались в их жизни особо яркие моменты близости, которые, как правило, запоминаются на всю жизнь.

Но тот первый раз был самым особенным, самым значимым и запоминающимся, в тот раз возникло их волшебство на двоих...

Лежа на кровати в темноте ночи, он улыбался, вспоминая тот их первый раз, Варюху, такую непосредственную, смешную, размахивающую руками от смущения и смешившую его до слез.

Как он разделся, шагнул к ней и вдруг увидел выражение неподдельного удивления на ее лице и как она отшатнулась от него, и выражение ее лица изменилось, у нее случился легкий приступ паники. В разгоряченном желании мозгу успело просвистеть сразу несколько вариантов такого поведения девушки, один неприятней другого.

Но когда она начала выделять странные пассы руками и нести какую-то ахинею, Костромин, в момент все поняв, рассердился на себя: «Идиот, можно было бы догадаться сразу».

И шагнул, обнял ее и попытался успокоить, но вместо этого начал хохотать над тем, что она несла, над собой и над глупейшей ситуацией в целом.

Ну а как бы он мог догадаться, если хотел Варвару с того самого момента, как увидел под секретарским столом, и желание это только росло, ширилось и шибало в мозги, затуманивая разум и способность к трезвому анализу.

Костромин понял, что заполучит ее и женится на ней в тот момент, когда она, стоя на коленях, протянула ему руку для знакомства и представилась. Он почувствовал легкий удар тока, когда принял ее ладошку, как разряд, но приятный, теплый, и подумал тогда странно так: «Ну, вот и она!»

И все! Никаких сомнений: «Надо, не надо, а с чего так вдруг и за каким мне эта женитьба...», и уж тем паче что-нибудь бредовое про свободу.

Да о чем вы? Такая фигня его разум не беспокоила.

Чувствовал, что прав: его девочка. Решил – все! Как обычно.

А тогда, при их первой близости, после того как отсмеялся и начал снова ее целовать, он вдруг почувствовал шквал настолько сильных

эмоций, что аж дыхание перехватило, – сквозь горячее желание, затмевающее все, вдруг прорвалось осознание, что она вся, по-настоящему его, целиком! Вся! И это чувство настолько сильно проникло в него, что Юрий получил невероятный оргазм такой силы, который не переживал еще ни разу в своей жизни.

Вот это он точно запомнил на всю жизнь! Все, что чувствовал тогда!

У него слезы закипали в горле от переполняющих ощущений.

Он смотрел на девушку в бесконечной благодарности и чувствовал всем телом, когда она испытала первый в своей жизни оргазм и как потом выключилась. В буквальном смысле – постонала, что-то пробурчала, когда он ее устраивал рядом поудобней, и провалилась в сон.

А на «ты» она стала обращаться к нему к вечеру того воскресенья. Ни в какой ювелирный они не поехали и вообще никуда не поехали, а словно наверстывая все ее упущения в сексуальных знаниях, провели весь день в кровати, болтая, смеясь, целуясь бесконечно и занимаясь любовью.

Так, что он даже беспокоиться за нее начал – все-таки первый раз у девочки и ей явно не комфортно и болезненно, но она провоцировала его, заводила, и Юрий не мог удержаться.

Кстати, «красиво» он ей сделал.

Пока она спала в перерыве между горячей любовью, Костромин заказал по телефону доставку букета и торжественного ужина из хорошего ресторана. Сам накрыл стол в кухне, не забыв про сервировку, а вот свечей в его холостяцком убежище не нашлось. Но вообще-то мы электрики, если кто забыл, и он быстренько соорудил нечто переливающееся-зажигающееся из тех светильников, что имелись к нему в доме.

Все приготовив, разбудил «спящую красавицу», закутал, как в тогу, в простыню, привел в кухню и сделал ей таки предложение. На одно колено становиться не стал, как-то это не по его характеру – слишком романтично и слащаво казалось.

Но Варвара, пораженная до глубины души всем, что он тут для нее устроил, расплакалась от избытка эмоций и кинулась его благодарить, и так благодарила, так благодарила...

В общем, ужин они ели холодным – подогревать еду уже ни у нее, ни у него сил не оставалось. А ничего, вкусно было.

На ночь Варвара у него не осталась и, как бы Костромину этого ни хотелось, он ее не стал уговаривать, поэтому как только она печально произнесла: «Мне, наверное, пора», – он тут же стал собираться, помог ей одеться и отвез домой, до квартиры проводил и сдал на руки открывшей им дверь Лидии Андреевне. Заходить отказался и откланялся.

А на следующее утро приехал за ней.

– Ты почему приехал? – удивилась Варвара, открыв дверь. – У тебя же сегодня объект какой-то, ты вчера говорил.

– Объект постоит некоторое время без меня, а у нас с тобой важное дело, – пояснил туманно Костромин.

– Мне же в отдел кадров, – напомнила Варвара.

– Подождет твой отдел кадров, я позвонил и предупредил.

– Тайны? – вышел в прихожую, где они разговаривали, Леонид Николаевич.

– Есть немного. – Костромин поздоровался с ним за руку и кивнул на Варвару: – Она вам вечером расскажет.

Он привез Варю к отделению загса того района, где она проживала с родителями, и они подали заявление о регистрации брака. А после загса заехали в ювелирный магазин, где работал один из заказчиков, которому трест Костромина строил коттедж в элитном поселке. Вот тогда-то, после подписания акта приемки, более чем удовлетворенный клиент предложил приезжать к нему в магазин, если какая ювелирка понадобится.

Вот понадобилась.

С ним Костромин так же созвонился вчера вечером и обговорил предварительно, что бы хотел.

Но Варвара от кольца вдруг решительно отказалась.

– Я их не ношу практически. Когда работаю, всегда снимаю, мешают. Да и не люблю.

– А обручальное? – спросил он удивленно.

– Обручальное носить буду всегда, привыкну, – махнула она рукой. – Оно же плоское.

– Тогда что выберем? – несколько растерялся Юрий.

– Что-нибудь, что я постоянно носить смогу, ну как символ помолвки и вообще... – повела она неопределенно рукой.

Он отметил с неким теплым мужским умилением, что различные жесты руками, когда Варя размышляет или подбирает слова, или пытается передать сильную эмоцию, это ее изюминка, некое присущее ее индивидуальности действие. И так это было по-женски, беззащитно и мило. Бог знает, он не мог дать четкого определения.

Мило, и все. Варюха, одним словом.

Они выбрали короткую плоскую золотую цепочку с кулоном в виде двух небольших колец: одно побольше, второе поменьше, сцепленных друг с другом, внутри колец посверкивали бриллиантики. На символ вполне тянуло, да и Варваре это украшение сразу понравилось. Подобрали тут же и

обручальные кольца.

Встретились они в конце июля, а в октябре уже поженились.

Костромин жил на служебной квартире, выделенной ему холдингом, как бы условно снимал. Условно в том смысле, что оплачивал он только коммунальные услуги и совсем небольшую арендную плату в бухгалтерию предприятия, скорее символическую.

Зарабатывал Юрий к тому времени уже очень даже неплохо, не миллионы пока еще, но вполне приличную зарплату, часть которой несколько лет откладывал на специальный счет, все хотел родителям отдать долг и купить им приличный домик с участком под Ростовом взамен проданного бабушкиного. Вот только машину себе приобрел не самую дорогую, но вполне приличный джип с достойными ходовыми качествами.

Решив, что домик под Ростовым подождет еще немного, свадьбу молодой жених оплатил сам, ну, кроме платья невесты и полной ее экипировки, на этом настояли родители Варвары, утверждая, что так полагается.

Они поженились и повенчались в один день. Венчание предложила Варвара, даже не предложила, а скорее настояла.

– Так правильно, – заявила она решительно. – Говорят, что при венчании к семье ангел прикрепляется и ее охраняет. Хочу, чтобы нас охраняли.

– Я нас охранять буду, – посмеялся ее серьезности Юрий.

– Это само собой, – рассмеялась Варя и добавила: – Но пусть нас еще и высшие силы охраняют. Не помешает.

Они и охраняли эти высшие. Да вот не доглядели...

Молодые сразу хорошо зажили. Уютно, радостно, легко, весело.

Почему-то им было все время весело.

Варюха переехала к Юрию, и они оба как-то сразу привыкли жить вдвоем, устроились в этом совместном житие практически с первых же дней, словно жили так уже много лет – одним бытом, одним дыханием.

Она оказалась великолепной хозяйкой, такой по-старинному правильной, что ли: прекрасно готовила, Костромину очень по вкусу пришлась ее кулинария, все ее блюда, даже чай она заваривала особенный, вкусный, душистый и вела дом легко, не предъявляла немыслимых требований к мужу, без психоза на идеальном порядке, наверное, всего за месяц ощутимо преобразив его холостяцкое жилье в уютное семейное гнездо, даже с намеком на аристократизм. Например, полным сервированием стола на завтрак с ножами-вилками, салфетками, особой посудой.

А ему нравилось. Ему нравилось все, что она делала.

Варвара – такая женщина-женщина-женщина во всех смыслах, и она как бы вручила ему корону мужчины-мужчины: мудрого мужа, защитника и в чем-то учителя-наставника, главы их совместной жизни, ответственного за семью. И так это у нее получалось естественно, как дышать, она просто надеялась на него во всем и полагалась. При этом не теряла свою индивидуальность и ни в чем не ущемляла особую яркость своей личности.

Ну вот женщина! Костромин умилялся ярким и явным проявлениям ее истинной женской сущности, хоть и ворчал для порядка в воспитательных целях, но по большей части смеялся.

Она постоянно теряла или забывала где-то перчатки сразу парой, а чаще по одной, зонты растворялись за пределами квартиры, как в черной дыре, терялись какие-то мелочи, важные для нее и совершенно непонятные ему, солнечные очки так вообще являлись расходным материалом и чуть ли не одноразовым атрибутом. Засовывала куда-нибудь ключи от квартиры и ужасно нервничала, паниковала, начиная их искать, а не находя, звонила Костромину, и он мчался спасать, и каждый раз делал дубликаты ключей, а предыдущие странным образом вдруг находились в другой сумке через какое-то время – в летней, например, зимой, а в зимней летом.

Помотавшись так пару-тройку раз, Костромин вручил связку ключей Вариным родителям и устроил особый тайник под окном на лестничной клетке, где спрятал запасную связку специально для Варвары.

Она страшно пугалась, когда что-нибудь кликало или глючило в ее компьютере или выскакивали какие-нибудь левые объявления, и кричала, призывая мужа немедленно на помощь:

– Юра!! Тут что-то случилось ужасное с моим компом! Все пропало!

И он спасал, а она кидалась ему на шею, крича на сей раз от радости и восторга:

– Ты самый лучший!! Самый умный, самый крутой-разкрутой!! Гений! Ты мой герой и мой спаситель!!

Когда Варвара работала или рисовала, то мир вокруг переставал для нее существовать и все остальное было как бы вне пространства ее творчества, она скручивала волосы в пучок, засовывала в него карандаши, которые потом там и забывала частенько, могла даже так в магазин выйти, если срочно вдруг что-то понадобилось, и тихонько что-то напевала, рисуя или делая чертежи. Он как-то спросил:

– Ты что поешь?

– Я пою? – удивилась необычайно она.

– Ну да, вот сейчас рисовала и пела.

– А-а-а, – отмахивалась Варюха. – Это какая-то мелодия в голове звучит, я ее и напеваю.

Он умилялся этой ее привычке и мог долго с наслаждением наблюдать, как она работает и подпевает себе, за ее движениями и как меняется выражение ее лица: то сосредоточиваясь, когда что-то не получается, то вдруг освещаясь улыбкой, когда приходит интересная идея или что-то очень хорошо получается. Рядом с большим чертежным столом Костромин поставил кульман специально для ее работы, у другого же окна теперь располагался его рабочий стол с монитором базового компа и двумя ноутбуками, и все это в их единственной комнате, сочетавшей в себе гостиную и спальню, два «кабинета» его и ее, благо пока большая площадь позволяла.

Варвара никогда не бралась за мужские дела, даже если легко могла с ними справиться и ей было срочно нужно, а Юрия не оказывалось рядом, даже крышки консервных банок не откручивала сама, не говоря уж про что-то иное по хозяйству, тем более таскание тяжелых сумок из магазинов. Этого она вообще категорически не делала, у меня же есть муж, говорила она с гордостью.

Зато прекрасно управлялась со всеми женскими хозяйственными делами и только посмеивалась над привычками Юрия, присущими большинству мужчин, давно объясненными всяческими заумными психологами как некое особенное устройство мужской психики и мозгов, и так хорошо «воспетыми» женщинами.

Костромин недавно прочитал где-то одно высказывание, источник не помнит, но очень ярко подмечено:

«Только женившись, я узнал, что можно неправильно поставить пакет молока в холодильник».

Вот это совсем не их история.

Его разбросанные носки она молча собирала и кидала в специальную корзину для грязных носков, вешала на плечики и убирала его пиджаки и брюки, скинутые на диван или кровать, молоко и другие продукты спокойно переставляла в холодильнике так, как ей было удобно, перед тем как включить, проверяла переключен ли смеситель с душа на кран и исправляла еще десятки таких вот мужских ляпов, весело смеясь над всеми этими мелочами.

Ну не нервировало ее это, и все, веселило только.

Справедливости ради надо отметить, что разбрасывал свои вещи Костромин довольно редко, только если совсем уж уставал на работе и приходил домой совершенно вымотанным. Дело в том, что отец приучал

его с детства:

– Запомни, сынок, электричество не терпит беспорядка и разгильдяйства и сильно за него наказывает: забудешь шурупчик какой или поврежденный кабель подключишь – и произойдет замыкание. А от него пожар, и беды не миновать, могут и люди погибнуть. Порядок нужен четкий! Тогда и в голове, да и в жизни порядок будет.

Запомнил, да еще подкрепил ценной практикой, то бишь один раз так отхватил током – долбануло будь здоров! – что отлетел на полтора метра от кабеля поврежденного, в глазах искры вспыхнули, руки-ноги еще час, наверное, не слушались, а волосы до следующего утра торчком стояли.

Как жив остался, вообще загадка.

Вот после этого уж точно порядок в голове выправился у него правильный. И не бывает так, что ты аккуратист на работе и все у тебя там по полочкам и по линейке, а в быту раздолбай, в грязи и бардаке живешь. Так что, считай, повезло Варюхе, мужик Юра оказался аккуратный, и еще больше повезло, что не до педантизма с элементами шизофрении.

Прямо пастораль и идеальная картинка!

Ну и что? А им было замечательно вместе, да еще и в сексе все у них получалось просто супер! Частенько так и покруче, чем просто супер!

Господи, как же хорошо им было тогда! Как же хорошо!

Варвара как-то очень быстро забеременела, наверное, месяца через два после свадьбы. Прямо за несколько дней перед Новым годом они узнали, что ждут ребенка.

Праздник в тот год получился в семье классный.

Во-первых, их первый совместный Новый год. Приехали его родители из Ростова и остановились пожить у родителей Варвары.

Родители молодых нашли общий язык еще перед свадьбой, на стадии сватовства и знакомства. Ну а что им не найти тот самый общий язык и взаимную симпатию? Разница в возрасте, правда, ощутимая имелась – Добродеевы постарше на пятнадцать и восемнадцать лет, но Леонид Николаевич и Максим Петрович оба по профессии инженеры, технари, оба работали на производстве еще при Советском Союзе, оба интеллигентные, крепкие мужики, рукастые-головастые, с большим жизнелюбием, и интересы, в общем-то, похожие. Ну а женщины, те мгновенно поладили, так же признав друг в друге родственные души. Так что между сватами царило полное понимание, взаимное уважение и начинающаяся крепкая дружба.

Были на празднике еще друзья и родственники Добродеевых, женщины приготовили и накрыли замечательный стол, и когда провожали

тостом уходящий год, Юрий с Варварой сообщили родным новость...

Все! Выключился мысленный проектор! Ушли воспоминания. Отхлынули.

Костромин сел на кровати, поставил локти на колени и опустил лицо в ладони. Вот так всякий раз – яркая солнечная картинка о прошлом, и Варюха в нем такая родная, красивая, радостная, улыбается, сверкает своими ямочками, сияет поразительными весенними глазами с огоньками внутри, и в один момент – раз, и все, темнота вокруг.

Такое вот наказание.

Он сидел, спрятав лицо в ладонях, и думал о ней. О своей Варюхе.

Наверное, месяца через полтора-два после свадьбы Костромин неожиданно обнаружил, что взгляд ее удивительных глаз всегда с ним. Как-то застрял в пробке, обдумывал рабочий момент и спросил вдруг вслух, так автоматически, безотчетно, как частенько делает каждый из нас, когда размышляет в одиночестве:

– Ну, Варюх, что думаешь, так будет правильно?

И поймал себя на том, что видит перед мысленным взором ее улыбающееся лицо, на котором ярче всего выделяются прекрасные глаза – весь лик ее как бы размыт, словно дымкой подпернут, а вот глаза ясно и четко видны, прямо сияют, и она ему весело отвечает:

– Не-а! Что-то ты, Юрий Максимович, тут не доглядел!

Костромин было удивился, посмеялся такому видению, но оно повторилось еще несколько раз в тот же день и на следующий, а потом и вовсе стало привычным. Он рассказал жене об этой странности, но Варя даже не удивилась.

– Правильно, а как же! Так и должно быть, – убежденно заявила она. – Я же о тебе думаю постоянно, настроена на твою волну, и наши души таким вот образом общаются на расстоянии. А знают они побольше нашего земного, вот я тебе через душу или какое-то там эфирное тело и подсказываю, разговариваю с тобой и утешаю.

– Это ты что-то закрутила эзотерическое, Варюх, – засомневался он, усмехаясь.

– Нет, не накрутила. Так и есть, – уверила она и поразила признанием: – Я же с тобой тоже постоянно разговариваю и советуюсь, когда мы врозь, и также тебя вижу.

– И что я тебе подсказываю? – развеселился Костромин.

– Правильное решение или просто пообщаешься со мной, пошутишь, поддерживаешь в трудную, так сказать, минуту, – улыбалась радостно она.

Варваре было так уютно и радостно жить с Юрием, что она словно каждый день проживала в празднике. Праздник, счастье, все сияет вокруг, и невозможно не улыбаться, не смеяться от переполняющей радости!

Вот так ей было тогда!

Она легко приняла все устои Юрия и его личные правила быта во многом потому, что в быту и в жизни Костромин напоминал ее папу.

Он был такой же рукастый, хозяйственный и, как и Леонид Николаевич, сразу, с первых же дней взял на себя всю меру ответственности за их семью и лично за нее, Варвару.

У нее порой возникало подспудное ощущение, что некие высшие силы как бы взяли и нежно переместили ее от родителей в столь же уютное и привычное семейное гнездо, но только с Костроминым, прибавив к ее обычной жизни еще и море счастья.

И она с восторгом рассказывала об этом всем! Всем-всем-всем!

На работе коллегам, подругам, родственникам и знакомым Варя говорила и говорила про своего замечательного Юрочку, какой он сильный, умный, талантливый, надежный, прекрасный, как им хорошо вдвоем и какое это счастье и так далее. Так далее...

Ей было так хорошо с ним!

Он часто ездил в короткие командировки, и Варя пекла пироги в дорогу, купила удобный пищевой термос и обязательно готовила горячие блюда с собой, чтобы не ел всухомятку, и заваривала специальный чай с травами, медом и лимоном, который заливала в отдельный термос и сама складывала все его вещи в дорожную сумку. Провожая, она целовала, желала удачи и обязательно восхищенно называла: «Мой Король».

Костромин посмеивался над этой ее восторженной влюбленностью, но совершенно определенно ему это нравилось.

Она любила все в нем! Все-все-все!

Она любила его до головокружения, обожала его голос, запах, его смех, его мужскую веселую снисходительность к ее женским слабостям и рассеянности, видела и принимала с благодарностью его любовь и заботу. Господи, да часами можно перечислять, что она в нем любила и как она его любила!

Родные и друзья посмеивались над ними, постоянно застукивая целующимися или обнимающимися где-нибудь в укромном уголке, и все предрекали – молодожены, скоро пройдет! Но оно как-то не проходило, а только усиливалось.

На любом мероприятии, вечеринке, семейном празднике или выезде на

природу они с Костроминым пытались уйти куда-нибудь в сторонку, находили укромные места и целовались, как подростки, и почему-то непременно кто-нибудь из гостей натыкался на них и принимался шутить по этому поводу.

Они ждали ребенка на Новый год. Когда радостную весть сообщили родным, у Варвары было уже два месяца, и вся семья пребывала в восторге – ну, а как же! Первый внучок и у тех, и у других родителей!

Юра оберегал жену, холил, заботился с особой интенсивностью, носился с Варей, как с хрупкой драгоценностью, а она смеялась над этой его чрезмерной заботой и пугала, что с завтрашнего дня пойдет бегать по утрам...

А в конце марта у Варвары вдруг открылось кровотечение.

Еще утром она чувствовала себя замечательно. Юрий, как теперь стало обычным, отвез ее на работу и проводил до самых дверей офиса. А ближе к обеду она вдруг ощутила резкую боль внизу живота.

В туалете Варя увидела, что у нее по ногам течет кровь...

Она испугалась ужасно, до ступора, до остановки сердца, крик отчаяния и боли застрял у нее в горле комом, перед глазами повисла пелена... Единственное, что она смогла подумать в тот момент: требуется срочно позвонить мужу!

Звонить мужу, потому что только он может ее спасти!!

Она позвонила и прохрипела, проталкивая слова через застрявший в горле комок не вырвавшегося крика, и смогла услышать только одно, как он прокричал в ответ:

– Держись!! Я еду!!

И ее сознание ухватилось за это обещание, в голове зазвучал Юрин голос: «Держись! Держись! Я еду!!»

И она опустилась на кафельный пол туалетной комнаты и ждала только его, точно зная, что только в нем их с малышом спасение.

Надо просто дождаться Юру!

Дальше она ничего не помнила, все растворилось в тумане боли – какие-то люди бегали, кричали и суетились вокруг. Ее подняли, понесли куда-то, кто-то что-то спрашивал, но она не могла отвечать, балансируя на грани сознания и повторяя про себя мысленно только одно: «Надо дождаться Юру! Надо дождаться Юру!»

И он успел!

Он приехал, когда ее уже выносили к машине «Скорой помощи», Варвара ухватилась за его руку и прохрипела, приподняв голову:

– Юра...

– Я здесь, я здесь, с тобой! – уверил он, непроизвольно-сильно сжав ее ладонь.

– Не уходи, – попросила она и наконец потеряла сознание.

Он не уходил. Все время оставаясь возле нее, его пытались гнать врачи и медперсонал, но он игнорировал все требования и продолжал держать ее за руку до того момента, пока каталку с Варварой не вкатили в операционную.

Она пришла в себя поздним вечером и, еще не открыв глаза, почувствовала мужа рядом.

– Юра, – позвала Варя.

– Я здесь, – тихо ответил он и взял ее за руку.

Варвара с усилием разлепила веки. В палате, в которой она обнаружила себя, было темно, только неярко светила лампа на тумбочке, и в свете этого ночника невозможно было различить выражение лица мужа, который наклонился к ней.

– Ребенок? – спросила Варя, уже зная ответ.

Чувствуя всем своим существом это знание.

– Нет, – тихо сказал он и покачал головой.

– Почему? – просипела сухим горлом Варвара.

– Непонятно, – помолчав, ответил Юрий. – Врачи говорят, никаких видимых причин для выкидыша не имелось, – и перевел разговор: – Тебе надо спать, набираться сил. Мы потом обо всем поговорим.

Она заплакала. Беззвучно и страшно. Закрыла глаза, из них лились слезы, и ей казалось, что они настолько ядовитые, что прожигают следы на коже лица...

Костромин не стал уговаривать жену не плакать и не произносил глупых призывов успокоиться, не начал объяснять, что ей сейчас нельзя нервничать, и все такое – тупое, дежурное и никчемное в данной ситуации. Он обнял ее осторожно, просунув одну руку ей под шею, расцеловал ее закрытые глаза и ручейки слез на щеках, наклонился, прижался лицом к ее лицу и плакал вместе с ней.

Они так и замерли – два несостоявшихся родителя, оплакивающих свое не родившееся дитя...

– Не оставляй меня здесь одну, – попросила Варвара, когда они немного пришли в себя от слез и Юрий, чуть откинув голову, заглянул ей в лицо. – Я не смогу без тебя тут.

– Не оставляю, – твердо пообещал Костромин.

Он остался, как ни протестовал медперсонал и лично лечащий врач Варвары. Юрий только сказал ему жестко:

– Я не уйду.

Врач посмотрел внимательно и, тяжело вздохнув, велел медсестре выдать Костромину медицинскую форму, чтобы он переоделся в стерильное.

Он переоделся и лег на кровать рядом с женой, когда их наконец оставили все в покое, уложил ее голову себе на руку, обнял и всю ночь охранял ее сон.

Каждую ночь до самой выписки из больницы Юрий проводил рядом с женой, сменяя на «вахте» кого-нибудь из родственников, в том числе и маму, приехавшую поддержать сына с невесткой в их беде.

Беда была общей, свалившейся страшным потрясением и на родителей, словно придавив чугунной плитой. Держались одним кулаком друг за друга, успокаивали, как могли, и уговаривали, что надо жить дальше.

Жить, конечно, дальше надо.

Тем более врачи объяснили, что со здоровьем все в полном порядке.

Причину, по которой произошел выкидыш, так и не смогли диагностировать. На самом деле непонятки какие-то – Варвару и Юрия подвергли всяческим исследованиям, и они оба сдали кучу всевозможных анализов и тестов, маркеров и еще какой-то там фигни, которые совершенно четко и однозначно показали, что оба абсолютно здоровы, у них прекрасная физическая совместимость и никаких противопоказаний для возникновения нормальной беременности и полноценного вынашивания ребенка не имеется и в помине.

Плод так же был здоров и замечательно развивался, Варвара правильно питалась, вела правильный образ жизни, берегла себя и ребенка. Так же никаких внешних факторов, спровоцировавших выкидыш, не имелось, она не ударялась, не делала резких движений, не поднимала тяжестей, не отравилась никакой пищей, не нервничала и не перетруждалась...

Одним словом – не имелось никаких причин, из-за которых мог бы произойти выкидыш! И как это понимать, ни врачи, ни тем более Варя с Юрием не знали!

– Из позитивных новостей, – сказал лечащий врач при выписке. – Вы оба совершенно здоровы, и у вас, Варвара, нет никаких препятствий и противопоказаний для новой беременности. Вы ее прекрасно выносите и родите здорового ребеночка. Но не раньше, чем через полгода.

Хорошая новость, жизнеутверждающая.

Вот только Варвара находилась в состоянии депрессии и никак не

могла смириться, принять гибель ребенка.

Ну это понятно.

Наверняка все нормальные женщины, которым пришлось пройти через такую беду, находились в таком состоянии, с единственной только разницей – кому и насколько быстро удавалось из него выйти. Вот это главное!

Варвара отдавала себе отчет, что не только она потеряла ребенка, его потерял и Юра, и их родители, она понимала и то, что надо бы побережь душевное состояние родных людей, но не могла. Не могла!! – думала только о себе и о страшной своей потере, вся погрузившись в нее.

Помог случай. Как водится, вершитель судеб – случай!

Нет, нет! – сопротивлялась во сне Варвара. – Зачем ей воспоминания про потерю ее малыша?! Зачем?! Нет, она не хочет!

Она плакала и требовала вернуть ей память о других событиях, о таких днях, где всегда светит солнце и синие-синее высокое небо, в котором быстрыми росчерками носятся стремительные стрижи, пахнет счастьем и где-то совсем рядом чувствуется море...

Не надо ей про ту боль и те душевные страдания!

Она проснулась, почувствовав, что подушка под щекой мокрая от пролитых во сне слез, и подумала – вспомнила, что страдала тогда не она одна...

Костромин всегда оберегал ее, хранил, вот и не показывал, скрывал свою личную боль утраты. Носился с Варей, как с ребенком малым, все пытался порадовать чем-то, вырвать из ее мрачного депрессивного состояния, придумывал всякие занятия, а сам...

Варвара однажды проснулась отчего-то посреди ночи, а мужа в кровати нет, полежала, прислушалась к ночной тишине и услышала какие-то непонятные тихие звуки, доносящиеся из кухни.

Выбралась из кровати, пошла туда и увидела Юру.

Горела только одна лампа над рабочей столешницей, чуть разбивая темноту, он сидел за столом, поставив на него руку, опустил лицо в ладонь и плакал. Такими тяжелыми, мужскими безысходными слезами безмерной боли, оплакивая сыночка, так и не появившегося на свет...

И она кинулась к нему, обняла, целовала торопливо, бестолково, куда попадала губами, и просила прощения за свой эгоизм, за глупость свою, за то, что не уберегла ребенка, целовала и говорила, говорила между поцелуями сбивчиво, бессвязно, пока он не схватил ее руки, не прижал их к бокам и не обнял своими сильными руками, останавливая эту ее покаянную

неосознанность.

Они так и сидели какое-то время, молча, но вместе, не порознь переживая волну душевной боли и очищения. И Юрий тихонько покачивал Варю, успокаивая и покачиваясь с ней и сам.

Зачем она все это сейчас вспоминает? Ей не нужно в больные воспоминания, ей надо в светлые!

А Костромин не назначал очередность воспоминаний, они сами приходили, властно вторгаясь в его сознание, не спрашивая разрешения и не подчиняясь его желаниям.

Он тоже не хотел проживать заново потерю малыша и того, что испытал тогда. Не хотел! Но они сами явились без его желания и ведома, правда, пощадили – лишь краем, росчерком напоминания коснувшись той больной раны...

Как же жутко он тогда испугался за Варюху!!

Ужасно.

Она позвонила и прохрипела чужим, незнакомым голосом:

– Юра! У меня кровь!!

Он все сразу понял, подскочил с кресла и проорал:

– Ты где?!

– Я на работе... В туалете... – сипела горлом Варвара.

– Держись! – кричал он. – Я еду!!

И, выбегая из кабинета, торопливо набирал телефон Гондарова и кричал ему в трубку:

– Варвара в туалете, у нее началось кровотечение, пошли туда Зинаиду и вызывай «Скорую»! Я еду!!

Он успел в самый последний момент, когда Варюху выносили из офиса. А дальше потянулись страшные часы ожидания вердикта врачей. И та долгая больная ночь, когда жена спала у него на плече, истерзанная болью и слезами, а он размышлял, за что им такое наказание.

Или для чего?

Варя быстро оправилась физически, но никак не могла отойти душой от боли и потери. Изменилась, совсем перестала шутить, улыбаться, пропал ее звонкий смех, и только мерцали весенние глаза лампадками, теперь отчетливо освещая ее внутреннюю боль, а не радость жизни, и Юрий не знал, как помочь жене, и страдал от этой своей беспомощности.

И была та ночь, когда он оплакивал потерянного сына, а она застала его и кинулась успокаивать, и что-то произошло тогда с ними странное, какой-то перелом в них обоих – перелом к жизни, к свету, словно они

очистились вдвоем от тяжелой болезни.

Не исцеление еще, но поворот к нему.

Бог знает, Юра не мог бы объяснить, только чувствовал.

На следующий день он заехал за Варей на работу, а ее коллеги сообщили, что она ушла. Костромин перепугался тут же ужасно – заболела, решил с перепугу! Давай звонить, а она таким вялым голосом отвечает:

– Нет, не заболела. Так просто.

В его понимании, если жена говорит «Так просто» про свою обожаемую работу, значит, точно заболела – у нее про работу и рисование все только в восторженных тонах. Несся домой, нарушая правила дорожного движения, передумал бог знает что, прикидывая, что могло случиться на самом деле, и, ворвавшись в квартиру, с порога прокричал:

– Варвара, что произошло?!

– Нормально все, – спокойно ответила она, выходя ему навстречу из комнаты.

– Если бы нормально, ты бы с работы не ушла! – шумел Костромин.

– Там мне все сочувствуют, делают скорбные лица при моем появлении, жалеют и шушукаются по углам, зыря на меня глазами. Я так больше не могу, – пожаловалась она.

– Прямо-таки зыркают? – ворчливо уточнил Костромин, чувствуя натуральный отходняк после адреналиновой атаки, устало опускаясь на диван в прихожей.

– Зыркают, – подтвердила она, первый раз за все это время слабо улыбнулась и вдруг попросила: – Юр, пойдем в церковь, прямо сейчас, в ту, где мы венчались, к тому батюшке. Почему-то вот в голову пришло.

Они пошли. Прямо сейчас.

– Детки все ангелы, – сказал им батюшка в утешение, – а те, кто не рожденные, ангелы вдвойне. Коль вы греха не творили по умерщвлению младенца, то и душа ушедшая не мучилась. Светлая и чистая ушла, в любви зачатая. Помолитесь за себя и за дитя не рожденное и отпустите со светлой душой. А унынию предаваться нельзя. Грех, – попенял он Варваре.

Помолились, как велел, но с унынием справились не сразу. Случай великий помог, тот самый, который с большой буквы.

Фирма Гондарова получила крупный заказ на проект загородного дома-усадьбы, и не какого-нибудь навороченного новорусского закидона с изысками и выкрутасами дурного вкуса или полного его отсутствия, а с изысками, но в определенном стиле.

Словом: интересный проект, богатый и дорогой.

Работали совместно с группой дизайнеров, и вот руководитель этой

группы увидела на стене в приемной Гондарова два рисунка Варвары, выполненные углем, очень ими заинтересовалась и спросила у Зинаиды Кузьминичны:

– Кто автор этих рисунков?

– Замечательно, правда? – заулыбалась та, как счастливая мать, гордящаяся достижениями своего ребенка. – Это девочка одна у нас работает, прекрасно рисует, я ее и попросила сделать рисунок для меня. И дома повесила. Мне очень нравятся.

– Мне тоже, – сдержанно улыбнулась ей в ответ дизайнер и повторила вопрос: – Так что за девочка, с ней можно поговорить?

Варвару срочно вызвали в приемную и первое, что спросила ее дизайнер, как только они поздоровались:

– Вы гравюру сможете изготовить, работали в этой технике? – очень строго, между прочим, спросила, приняв ее за девочку-стажерку лет восемнадцати от силы.

Варя, продолжая находиться в своем депрессивном состоянии, не красилась, прическу не делала, да и одевалась попроще, не прихорашивалась, как раньше, вот и выглядела соответственно не сильно-то серьезно.

– Могу, – не слишком уверенно ответила она и пояснила: – Я всего лишь два раза работала в этой технике, нарезала «доски» для эстампа, но оттиски делали в граверной мастерской.

– Вот и замечательно, – порадовалась, но снова сдержанно, великолепная дама-дизайнер и попросила тоном приказа: – Можете сделать мне для примера одну гравюру. Небольшую, посмотреть, как у вас получается.

– Могу-у... – задумчиво и не слишком уверенно подтвердила Варюха и, уже обдумывая детали, добавила: – Надо только с мастерской договориться. У меня своего станка нет.

– Я договарюсь, – величаво пообещала женщина.

Варя выполнила заказ. И получилось у нее так, что разговаривать теперь ее пригласили в кабинет к Гондарову.

– Я хочу сделать вам заказ, – сразу же перешла к делу дама-дизайнер, как только Варвара села за стол переговоров. – Наш с Антоном Михайловичем клиент, – почтительный полукивок в сторону Гондарова, – человек очень известный и очень богатый, но, слава богу, с хорошим вкусом, хоть и несколько нестандартным, и особыми требованиями к тому, что мы для него делаем. В общую концепцию дизайна дома вписываются именно гравюры. Ваши очень хороши и идеально подошли бы. Мы хотели

вам заказать серию гравюр и рисунков, но есть одно обязательное условие: для этого придется выехать на натурные работы. Дело в том, что наш клиент родом из Алтая, начал там свое восхождение в большой бизнес и политику и влюблен беззаветно в родной край. И у него имеются особо любимые и памятные места, вот их-то вам и надо будет запечатлеть как можно подробней в рисунках и перенести на гравюры и эстампы. Справитесь?

– Справлюсь, – растерялась немного Варвара и посмотрела на Гондарова. – Но... насколько это уехать? У меня же здесь работа, Антон Михайлович?

– Это тоже будет твоей работой, Варвара, – поспешил заверить Гондаров, – оформим как командировку, рисуй сколько понадобится.

– Скорее всего, Антон Михайлович, – вступила снова дизайнер, – придется нанимать проводников и уходить в небольшие экспедиции. Потому как наш клиент подготовил список тех самых любимых мест, запомнившихся ему на всю жизнь и запечатленных светлым образом в его памяти, и все они находятся в диких горах-лесах.

– Даже так? – протянул удивленный Гондаров и поделился сомнением: – Ну, тогда не знаю, отпустит ли ее муж по лесам-то шастать.

Муж не отпустил. Одну.

А взял первый за сто миллионов лет своей работы на холдинг отпуск и поехал вместе с Варварой.

Это даже не обсуждалось. Когда она вечером того же дня рассказала о сделанном ей интересном предложении, Костромин, отметивший про себя, как она, впервые после трагедии, оживилась и вдохновилась, спокойно заявил:

– Хорошо, значит, поедem на Алтай.

– Ты поедешь со мной? – аж задохнулась Варвара от радости, боясь окончательно поверить в такую возможность.

– Не, ну а как? – не понял Юрий ее удивления. – Не могу же я отпустить тебя одну с какими-то незнакомыми мужиками-проводниками по лесам-горам путешествовать?

– Боже, Юра, – воскликнула Варюха, сложив ладошки замочком на груди от полноты чувств, – как же это здорово, что не отпустишь! – и повторила на счастливом выдохе: – Как же это здорово!

Это был их первый совместный отпуск, первый выезд в путешествие. Вообще-то в настоящую трудную, выматывающую порой, на полном серьезе опасную и даже где-то экстремальную экспедицию.

Поскольку дядька тот предоставил целый список своих любимых

природных мест, отметив точками на карте и подкрепив еще и фотографиями – здесь он первый раз охотился с отцом, здесь ловил рыбу, здесь учился скакать на лошади, а здесь прошел свой первый многодневный поход, а вот по этим местам они с друзьями путешествовали, здесь он покорял горы, а вот тут чуть не погиб, а здесь еще какая-то экстремальная запоминающаяся байда с ним приключилась, а здесь еще одна...

Помотались они по тому Алтаю от души и на долгие годы набрали воспоминаний. Столько прошли, испытали и натерпелись!

Пришлось учиться ездить на лошадях, да не развлечения ради, а для многодневного перехода, сплавляться по рекам – это из общих новых навыков на двоих, так сказать. У Юрия же сама собой образовалась отдельная программа обучения и приобретения новых знаний экспедиционной жизни, опыта и приемов выживания в тайге.

Ставить палатки, устраивать толковые стоянки, рыбачить и чистить рыбу, охотиться и разделывать добычу, разводить костер и готовить на нем походную еду, сторожиться медведя и не пугать другую живность, дружить с лесом и природой и уметь их слушать – и многое, многое, многое...

Охотиться самому Юре, правда, Варвара запретила.

– Ты, Юрочка, зверушек не убивай, ладно? – попросила серьезно она.

– Почему? – все же задал он вопрос.

– Ну, они живые, хорошенькие, им больно – разъяснила Варюха.

– А мужики наши охотятся, – напомнил он, – и мы едим эту их «хорошенькую» добычу.

– Им можно, они тут свои, а мы пришлые, нам нельзя, – что-то понятное только ей объяснила Варвара.

– А рыбу ловить можно? – усмехнулся Костромин.

– Рыбу можно, – разрешила ему жена и даже кивнула: – Она глупая.

Он посмеялся, и мужики, слышавшие их разговор, следом за ним поулыбались, но, когда Варюха устроилась на своем специальном стульчике за мольбертом рисовать, старшой проводников тихонько заметил Костромину:

– А ведь права жена твоя, Максимыч: нам можно зверя добывать, у нас с тайгой свои договоры и обычаи, а вы пришлые, ее не слышите. Вам тихонько надо, – ухмыльнулся, покачал головой одобрительно и добавил: – Смотришь, молодая совсем, городская, пичуга маленькая, а понимание правильное имеет. Недаром, значит, художница.

А Варя работала.

Увлекалась, забывая обо всем, засиживалась до сумерек за работой так,

что спину потом разогнуть не могла, но ожила, ожила.

Костромин видел, как отходит она от тяжести душевной, излечивается, возвращается к себе прежней, к полной жизни, энергии радости, улыбок и смеха.

Потихоньку, день за днем, но лечила Варвару природа, исцелял душу Алтай. И ее, и его. Костромин явственно чувствовал изменения в своей душе, словно вливалось в него нечто незримое, мощное, и накапливалась какая-то сила, духовная, что ли.

Мужики, которые взялись их сопровождать, были коренные жители, такие матерые лесные люди, живущие в двух мирах – большую часть времени в лесах, а меньшую в цивилизации с семьями. В относительной цивилизации – села, поселки.

Но профессионалы они были классные, совершенно точно.

Когда Костромин и администратор их экспедиции, которого специально нанял Гондаров в Барнауле для подготовки столь непростого мероприятия, объяснили мужикам суть их похода и что именно собирается делать Варвара, те переглянулись понимающе меж собой, хмыкнули саркастически и старшой переспросил, уточняя задачу:

– То есть нам надо водить по определенным местам девушку-художницу, чтобы она рисовала, и мужа ее, который ее сопровождает?

– Да, – подтвердил администратор.

– Они москвичи и никогда в жизни не ходили по лесам?

– Да, – снова подтвердил администратор.

– Все понимают, какой это... – он назвал конкретным эпитетом данную задумку. – Нам их что, по чащобе на руках носить и веточкой мошкару отгонять?

Администратор бесстрастным тоном с невозмутимым лицом назвал цифру предлагаемого гонорара.

Мужики крикнули, вновь переглянулись и потребовали столько времени на подготовку, сколько они посчитают нужным, и людей, и экипировку они возьмут такую, какую посчитают необходимой.

Клиент Гондарова оказался весьма щедрым, скажем так: заказчиком и ценителем творчества Варвары. Когда дизайнер показала ему работу Вари и объяснила свою задумку, мужик настолько возбудился идеей, что первоначальный замысел сделать пару-тройку гравюр любимых мест где-нибудь недалеко от городов и населенных пунктов – что-то вроде приятного пленэра на пикнике – превратился в целую подборку рисунков и гравюр со всего Алтая, и оплачивал он этот свой каприз весьма и весьма нехило.

Очень щедро. Более чем.

Ожидая от московской странной парочки только того самого, что старшой обозначил матерным словом, мужики нехотя взялись делать свою работу, внимательно и неодобрительно поглядывая на Костромина как на главу семейства. Ну, и на самом деле, какой нормальный мужик разрешит своей жене холеной-лелеянной, городской неженке тащиться в тайгу дикую с походным бытом, с кострами и палатками, по определению опасную к тому же!

Но, когда они присмотрелись к ним обоим повнимательней, подмечая любые мелочи, да еще увидели, как работает Варвара, прониклись такой уважухой, что прощали ей абсолютно все заморочки совершенно городского урбанистического человека.

И к Юрию почти сразу прониклись должным уважением, почувствовав в нем руководителя из числа истинных, не балаболок. Мастеровой человек, у которого голова и руки к какому-то делу приучены, везде приспособится и быстро обучится чему-то новому прикладному, переймет новый опыт.

К тому же Костромин не стыдился своего неумения в незнакомом ему ремесле, корону московского перца крутого не носил и спрашивал, не стеснялся, что да как делать, советовался, перенимал опыт и не боялся показаться неумеющим, и мог упорно учиться, повторяя какой-нибудь навык, действие множество раз, пока не получалось.

Поэтому мужики как-то сразу притерлись друг к другу, уважительно относились, и замысел дизайнера постепенно воплощался в жизнь, поражая всех – Варвару силой и мощью своего творчества, которое она и не подозревала и не слышала ранее в себе, а вот, поди ж ты, этот загадочный Алтай пробудил, вытащил нечто глубинное, яркое, непростое. Костромина радовало, что жена отошла от беды, расцвела на природе, да и ему самому легко и вольготно задышалось, ему необычайно нравились эти непростые места, эта походная суровость, будни, требующие настоящих мужских действий, решений.

Костромин четко, на всю жизнь, запомнил день и час, когда они с Варюхой окончательно исцелились от своего горя и скорби.

У них выпало три дня отдыха перед походом к следующему месту назначения. Тот же барнаульский администратор, что устраивал экспедицию, подобрал им очень достойный туристический кемпинг, расположенный аккурат посередине между двумя точками их назначения. Ну, чуть в стороне, но условно можно считать, что посередине. К тому же это оказалась ближайшая база, на которой можно было нормально отдохнуть и подготовиться к следующему этапу экспедиции.

Другой вариант – город, до которого пилить с сотню километров, а то и больше.

Словом, кемпинг оказался лучшей идеей во всех отношениях.

Юрий с Варварой поселились в небольшом, но очень уютном коттедже с кухонькой, приличной душевой с туалетом и не самой маленькой спальней-гостиной в одной комнате, а мужиков поселили в большом доме на двенадцать коек, но тоже вполне приличном, с кухней и с душем. Хотя в этом хозяйстве имелась своя столовая и кухня, на которой очень неплохо готовили, не хуже, чем в ресторане, а то и получше, и в основном местные традиционные блюда.

Предлагала эта туристическая база множество увлекательных экскурсий и развлечений, но это уже не про них. Спасибо, но мы спать-отдыхать, нам развлечений и без того достаточно.

Единственное, от чего Юрий и мужики не смогли удержаться, – это неспешная достойная рыбалка, на которую работники базы возили на «уазиках» за тридцать километров от кемпинга.

Варя же, пожелав удачи и знатного улова, устроилась на веранде их домика за мольбертом, что-то рисовала, доводила до совершенства уже сделанные рисунки, словом, занялась любимым делом.

Когда под вечер мужчины вернулись, она все еще сидела за мольбертом, но на суровый вопрос мужа, помнит ли она о запрете на чрезмерное увлечение работой, вызывающей у Вари боли в спине, весело отрапортовала, успокаивая его, что обедать ходила, и вообще отдыхает, и не напрягается, а затем поинтересовалась уловом.

А вот удался! Да еще как!

Довольнехонькие были они с мужиками, так по-мужски крепко и победно. Повар базы, приняв уважительно знатную добычу, обещал приготовить такую вкуснотищу небывалую, которой они и не пробовали никогда.

И приготовил. Именно такую, как обещал.

Персонал кухни накрыл великолепный стол для их компании прямо на веранде коттеджа, а готовить приладились на небольшой площадке перед ним.

Костромин пригласил за стол и повара и всех его помощников – рыбы хватало более чем, половину улова они так и вовсе на кухню в общий котел отдали.

Обалденно вкусно было! И такие у них посиделки получились потрясающие! Тихо, неспешно, а уж вид вокруг, а звуки... Горы вдалеке, лес густой и темный, переходящий в ажурный легкий подлесок ближе к

базе, птицы гомонят наперебой, быстрая, громкая на перекатах небольшая речушка шумит – и такое умиротворение души наступает, не передать... да еще под богатое угощение, да люди все бывалые, тертые, интересные и рассказчики веселые. Мужики выпивали, как водится, но совсем немного, под ущицу знатную да горячую рыбку с мангала, ну и немного для разговора – все были не злоупотребляющими, а Костромин с Варварой так и вовсе не пьющие.

Рассказывали что-то об Алтайском крае, о своей жизни, о традициях и всякие интересные случаи из скитальческих лесных будней – и все неторопливо, с хитрым народным прищуром и шуткой.

Кра-со-та! Красота-а-а!

«Гость» к ним приходил – ежик, смешной такой, деловитый, – влез по двум ступенькам на веранду, обошел весь стол, всех обнюхал и остановился возле Вари.

– У нас тут ежей много, – поулыбался забавному зверьку повар, – умные такие, своего никогда не упустят, а туристы их балуют. Вы, наверное, тоже чем-то кормили? – спросил он у Варвары.

– Да, он приходил к нам вчера и сегодня, когда я рисовала, я ему молока налила и яблочка дала. Это один и тот же ежик, точно, у него такое беленькое пятнышко на мордочке, мы с Юрой рассмотрели.

– Ну, вот он и пришел за добавкой, – посмеялся повар.

Разошлись уж в темноте полной, так им хорошо сиделось, что не хотелось прекращать застолье, ребята помогли убрать и унести в столовую посуду и отправились спать, встали-то на рыбалку ни свет ни заря.

А ночью Костромина разбудила Варя.

– Юра, – трясла она его за плечо. – Ну, Юра! Проснись. Сделай что-нибудь!

– Что случилось? – в полусне пробормотал Костромин.

– Он топает! – сообщила недовольным тоном Варвара.

– Кто? – пробормотал он.

– Георгий.

– Какой Георгий? Он же Гога, он же Гоша? – начиная просыпаться, поинтересовался Юрий и перевернулся на другой бок, чтобы взглянуть на жену. – Поклонник твой местный?

– Нет, Георгий – это наш ежик, – с самым серьезным видом пояснила Варвара.

– И когда он стал Георгием? – смачно зевнул Костромин.

– Днем, когда вы были на рыбалке, я дала ему громкое имя, – тем же серьезным тоном сообщила Варвара.

– Зачем ему громкое имя? – закрыв глаза, попытался было снова сбежать в сон Юрий.

Но жена не предоставила ему такой сладкой возможности и снова потрясла за плечо.

– Потому что он молодец, победитель и все такое. Я смотрела, как он эти две ступеньки преодолевает, прямо как мы по горам ползли: цепляется передними лапками, а потом так смешно перебирает задними, подтягивая их, пару раз падал, но все-равно взял вершину.

– Угу-м... – согласился Костромин, погружаясь назад в сон.

– Юра, не спи! – потребовала она и принялась трясти с новой силой.

– Не сплю, – уверил он и, добавив в голос чуть больше бодрости, поинтересовался: – Так. И ты меня разбудила, чтобы рассказать о Георгии?

– Нет, я тебя разбудила, потому что ты очень умный и должен придумать, что сделать, чтобы он не ходил по веранде. – И пожаловалась капризно: – Он ужасно топает туда-сюда и сопит громко-громко.

– Ты его прикормила, вот он и забирается на веранду, ищет блюдце с молоком. Его надо просто отнести на землю, – зевнул от души Юрий.

– Я уже выносила, – призналась Варвара. – Но он вернулся. И снова топ-топ-топ, и сопит, сопит, спать невозможно! Что делать-то?

– Взять блюдце с молоком и яблоко, дать ему понюхать и, приманивая, спуститься с лестницы, положить еду на землю, – давал дельные советы Костромин, – и там оставить. Он поест и в следующий раз станет искать блюдце у крыльца. Все, – и перевернулся обратно на другой бок.

– Я говорила тебе, что ты гений? – весело спросила Варвара, подсакивая с кровати.

– Позавчера, – подтвердил он, устраиваясь поудобней.

– И сегодня, когда увидела ту здоровенную рыбу, которую ты поймал, – напомнила она.

– И сегодня, – совсем сонным голосом подтвердил Костромин, но резко открыл глаза от озарившей его мысли и приказал: – Стой! – Снова повернулся и посмотрел на жену, накинувшую куртку поверх коротенькой шелковой ночнушки. – Ты так, что ли, собралась идти? Замерзнешь, холодно там. – Перекатился, сел на кровати и проворчал недовольно: – А-а-а, с тобой пойду, а то еще забодает тебя там этот Георгий.

Он поднялся с кровати, натянул походные спортивные брюки, взял плед с кресла, закутал поверх куртки жену и распорядился:

– Ну, идем возвращать животное в его естественную среду обитания.

Еж был благополучно выманен блюдцем с молоком и несколькими кусочками яблока с веранды на участок перед домом, где и получил свое

вознаграждение за великолепно исполненный трюк слезания со ступенек. Вернули живность в мать-природу.

А Юрий и Варя остановились, обнявшись, засмотрелись на далекие горы с посветлевшими от близкого рассвета вершинами, зачарованные открывающейся картиной, прислушались к себе, к миру и даже непроизвольно дышать тише стали.

Наступал тот самый удивительный момент, когда перед торжеством возрождающегося солнца затихает природа, словно затаив дыхание перед величием красоты и торжеством жизни, что несет с собой новый рассвет, замолкают птицы, и кажется, что даже речка шумит не так весело, и накрывает мир торжественная тишина, в которой ощущается и величие жизни, всегда побеждающее смерть...

Они одновременно почувствовали высоту этой минуты и ощущение торжественной святости внутри себя, отзывающуюся резонансом на эту небывалую тишину – нечто непередаваемо высшее, величественное...

Костромин медленно развернул к себе Варвару, наклонился, поцеловал... и они нырнули в потрясающей красоты и силы чувство, в эту вознесенную восторженность. Непередаваемое величие ощущалось в их душах, когда они соединились телами в тишине под побеждающим рассветом и неотрывно смотрели друг другу в глаза.

И Костромин смотрел в поразительные глаза своей жены, из которых выкатились две крупные слезы... и переживал нечто непередаваемое.

– Все, – печально и торжественно тихо сказала она. – Ушел...

– Все, – подтвердил он, проживая с ней вместе одно чувство и откровение на двоих. – Отпустили...

Они чувствовали в тот миг, как покидает их совсем, окончательно скорбь по неродившемуся ребеночку и освобождается душа от боли...

Он перекатился на бок, притянул жену к себе, укрыл их обоим пледом. И они лежали, смотрели вверх, на вершины начинающих розовесть гор, и им казалось, что маленький ангел улыбнулся и помахал рукой откуда-то оттуда с рассветного неба, послал воздушный поцелуй, постепенно растворяясь в небесной вышине...

А ежик с громким именем Георгий сопел и подбивал носом пустое блюдечко от молока, требуя добавки.

Победитель...

Костромин до сих пор помнил те чувства, что они пережили тогда вместе с Варюхой, словно эти ощущения отпечатались во всем организме, в каждой клетке. Воспоминания об этом моменте, накрыв его с головой,

делали нынешние терзания еще больнее, еще более темными и безысходными...

Сладкая пытка воспоминаниями продолжалась.

Он поднялся разбитым и уставшим от самого себя и пошел бегать, надеясь хоть немного отстраниться от этого мучения.

Ей снилось то величественное утро на Алтае, когда они лежали обнявшись, глядя в высокое светлеющее небо, в которое улетал их не родившийся ангелочек, прощаясь с ними и улыбаясь светло и грустно... И эта высь в душе...

Варвара снова проснулась в слезах и, не открывая глаз, все тянула и тянула нить памяти...

Алтай оставил в душе обоих неизгладимое впечатление и совершенно очевидно изменил их, сделав сильнее, принеся что-то неуловимое, тонкое, установив какие-то новые душевные настройки.

Выяснилось, что эта поездка сделала Юрия с Варей заядлыми путешественниками по отдаленным уголкам страны. С той самой поездки началось их увлечение такого рода туризмом, и они несколько лет подряд путешествовали, заразив своим энтузиазмом и приобщив к этому увлечению еще две пары своих друзей. И вот катались, где на личных машинах по тысячи-две километров от Москвы, а где на самолете летали, куда не доехать на автомобиле.

Но это в будущем.

А тогда...

Тогда, вернувшись из экспедиции, Варвара доработала свои рисунки, встретила с дизайнером, и они решили, с каких работ следует делать гравюры. После выполнения заказа Варвара с Юрием получили приглашение от самого клиента посетить его в новом доме. Лично.

Клиент неплохо заплатил Варваре за работы, а если посчитать, сколько он потратил на достойную организацию экспедиции, так даже очень круто заплатил, получив в собственность и рисунки, и оттиски, и сами «доски» с гравюрами. Дизайнер даже интересно обыграла их в интерьере.

Юрий с Варей поразились, увидев, что ее работы представлены не только в двух гостиных комнатах – малой и большой, но развешены во всем доме, даже в комнате отдыха в банном комплексе.

Заказчик, известный всей стране человек, от души благодарил художницу за работу, восхищался ее талантом и, главное, признался, что она смогла передать не только сам вид памятных ему мест, но и общее

настроение, все именно так, как ему самому это виделось, помнилось и совпадало идеально с его вкусом.

Ну и как бы слава богу, и спасибо вам, а мы пойдем.

Поздоровкались, как говорят в Украине, с барином, и хватит с нас.

Но заказчик к тому же пообещал порекомендовать Варвару как талантливого художника друзьям и знакомым. Впрочем, сами ее работы, выставленные в его доме, уже были бо-о-о-ольшой рекламой ее творчества, если учесть, какие у него бывают люди.

Кстати, не просто пообещал, но и исполнил обещание.

Но об этом чуть позже.

Варвара же четко поняла, что хочет в дальнейшем заниматься именно рисунком и гравюрой, а не архитектурой, поэтому и созрело ее естественное решение уйти с работы. Юрий поддержал, а Гондаров, вздохнув тягостно в своей любимой манере, смирился, напомнив Костромину:

– Я тебе тогда еще сказал: девочке следует вплотную заняться рисунком, у нее талант. Впрочем, в архитектуре она тоже была хороша. Отпущу, разумеется, и выходное пособие выдам приличное, заказчик тот нас разрекламировал всерьез благодаря твоей Варваре.

– Спасибо, – искренне поблагодарил Юрий.

– Тебе спасибо. Вам с Варварой, – ответил взаимностью Гондаров и пояснил: – Благодаря твоей, скажем так, протекции у меня работал действительно талантливый дизайнер, а не тот рекомендованный мажорчик. А на ее место я возьму одного классного мальчика. Пацан – гений. То, что он творит, идет вразрез с любыми канонами и с современной трактовкой, но гениально, взрывает все устои и правила. Возьму, хотя его никто не берет. А потому что не понимают, что лет через пять он будет недостижим в своем творчестве. А я понимаю.

– Тогда удачи. Гении бывают весьма капризны, – пожелал Костромин.

– Не помешает, – усмехнулся Гондаров.

Варвара засела дома, доделывая рисунки, привезенные из Алтая, те, что оставила для себя и друзей, да в надежде на участие в какой-нибудь выставке. Костромин купил ей небольшой домашний станок для гравюр, сам его установил, настроил наилучшим образом и частенько помогал жене «откатывать» доски, порой даже с удовольствием участвуя в этой части творческого процесса.

Теперь их некогда большая комната казалась совсем небольшой, стало вдруг как-то неожиданно мало места для жизни.

И само собой задумалось – прилетело, так сказать, вместе с крепким

словцом, когда Костромин однажды утром долбанулся большим пальцем ноги о станину станка – о срочной необходимости расширять пространство проживания путем приобретения жилплощади гораздо большего метража.

Это, если резюмировать, в действительности сценка получилась колоритная.

– Мать твою!! У-ё-ё-ё!! – скакал на одной ноге Костромин, держа ушибленный палец. – Надо немедленно квартиру нормальную покупать, пока не убились к такой-то матери!! И хватит откладывать! Расхлебаем!

Варвара, задорно хохоча, приложила лед, завернутый в кухонное полотенце, к его пострадавшему пальчику и даже дула на него для большего психологического эффекта.

Ну, прокричал – надо действовать. И Костромин серьезно занялся квартирным вопросом.

Да и правду говоря – назрело уже давно!

Полгода назад Костромина назначили начальником отдела в Центральном управлении холдинга, и получал он теперь очень нехилые деньги. Поверьте – очень нехилые! Он и раньше-то хорошо зарабатывал, но теперь с прежними доходами не сравнить.

Шуб, брильянтов-драгоценностей, машин класса люкс и усадеб на Рублевке Варвара от мужа не требовала и, мало того, категорически отвергала эдакое нуворишество, с ее точки зрения, дешевое. Две шубы ее пока вполне устраивали, а за руль ей категорически было нельзя, потому как Варвара и вождение автотранспортного средства оказалось так же несовместимы, как порох и горящая горелка в руках ребенка, то есть нет. Совсем нет! После первой же попытки попробовать.

Вот совсем и окончательно. Такси прекрасно перевозило ее нежное тело, когда муж, в силу занятости, не имел возможности делать это сам.

Точка.

До дома на природе в элитном поселке они с Костроминым пока не доросли морально. Нет, материально, сильно крякнув, затянув пояса в режиме плотной экономии, палаты каменные аль деревянные можно было и потянуть за пару-тройку лет стройки.

Да только ни Варвара, ни Юрий пока не прочувствовали прелести загородной жизни и не испытывали тяги перебираться поближе к природе, им вполне хорошо жилось и в Москве.

Это все к тому, что финансы позволяли Костромину вплотную заняться покупкой жилья. Начнем с того, что практически сразу после женитьбы они с Варварой решили, что надо копить на свою квартиру, открыли специальный счет в банке, и Костромин принялся откладывать

деньги на приобретение жилья.

Но потратился. Во-первых, дачу под Ростовом для родителей он купил совсем недавно. Те поначалу отнекивались, но переубедить Юрия трудно, особенно когда его безоговорочно поддерживает жена.

Поэтому родители поотказывались некоторое время да махнули рукой и с удовольствием принялись выбирать себе дом. Объездили многие дачные поселки и нашли то, что им понравилось и сразу легло на душу, как родное – и участок на пятнадцать соток (а им больше и не хотелось), и домик не большой, не маленький, в самый раз, с тайным прицелом и надеждой на внуков. Да и сам поселок, окруженный хорошим лесом, явно грибным и ягодным, начинавшимся сразу за задней калиткой их участка, – все по душе. По сердцу.

Костромин привез бригаду строителей, своих, проверенных, те сделали капитальный ремонт, оснастили дом всем необходимым: отоплением, горячей водой, канализацией, даже ледник соорудили большой. И полностью перестроили баню, увеличив ее и поставив современное оборудование. Даже грядки сделали высокие, поднятые над землей в коробах.

Все, этот долг Костромин отдал.

На новогодние праздники они с Варварой, двумя Юриными друзьями по институту и их женами поехали на Байкал. Классно было, не передать! Поморозило, правда, хорошенько, но впечатления от поездки это нисколько не испортило, лишь прибавило остроты.

Очень здорово попутешествовали.

Дача под Ростовом – это не домик в элитном поселке в Подмоскowie, понятное дело. Но брешь ощутимую в сбережениях пробила. Оставалось рассчитывать только на зарплату Костромина, учитывая еще и тот факт, что Варвара с работы уволилась и жить теперь приходилось только на его заработки, хотя свой взнос в общие семейные сбережения она внесла приличный – то, что получила за работы от заказчика, и то самое большое выходное пособие от Гондарова.

Но сбережения сбережениями, а жизнь – это жизнь.

Зарплата, особенно большая, разумеется, хорошо, но на одну зарплату даже уровня топ-менеджера высшего звена крупной компании квартиру разом не купишь, тем более что повседневные расходы еще никто не отменял. Например, тот факт, что при такой должности Костромин обязан был соответственно выглядеть, то есть дорого и качественно одеваться, ездить на представительском автомобиле и... и все остальное тоже соответственное.

Достоверно зная все про стройки и торговлю жилплощадью, про ипотеки и жилищные кредиты, Костромин пошел своим путем. А именно: переговорил с самым высоким начальством холдинга, и они предоставили на выбор несколько квартир, собственником которых являлось само предприятие, с возможностью приобретения жилья по внутрихолдинговым ценам. А это со-о-о-всем другие цены, поверьте. Как сказал ему начальник:

– При том как и сколько ты работаешь на холдинг, Юрий Максимович, вообще-то квартиру тебе следовало дать бесплатно, как некоторым нашим коллегам. Но дать могу только двушку-маломерку в типичном эконом-проекте, сам понимаешь какого качества. А ты, смотрю, – и он заглянул в заявление, что лежало перед ним на столе, – хочешь площадь сто двадцать в элитном проекте. Так что извини, но придется тебе ее выкупать. Сумму для тебя поставлю самую минимальную, какую только можно, да еще и со скидками.

Нормальный предприниматель высшего эшелона. Чего, спрашивается, ты не дал ту самую двушку раньше? Ну, продал бы сейчас ее Костромин, добавил денег и приобрел бы то, что хотел.

Бизнес есть бизнес: не просил, не настоял – пролетел. Не знал? Не подумал? А-а-а, ну что ж! Нам же выгодней, что не знал.

Все по правилам.

Но начальство все же совесть какую-никакую имело, Костромина и на самом деле ценило всерьез и понимало, что откровенно обошло очень ценного работника, ну, очень ценного, и сделало некоторые поблажки и большие преференции при подборе и продаже квартиры и при ее отделке. Да и рассрочку беспроцентную оформили, за что отдельное большое спасибо от четы Костроминых.

На самом деле чего ворчать? Ту бы двушку, что ему могли бесплатно дать, Костромин понимал, пришлось бы до ума доводить неизвестно сколько и вкладываться всерьез материально, чтобы потом продать. Без этого никак, и еще неизвестно, в какие бы деньги вышел.

Словом, влез Костромин в дело приобретения жилья по самую макушку.

Сам выбирал квартиру, зная досконально все о домах и проектах, по которым они строились, кто и как возводил, где какие недостатки, какие достоинства. Бригаду отделочников свою взял из самых лучших мастеров, к тому же бригадир многим был ему обязан и делал все на совесть, от души.

А Варвара тем временем с упоением и радостью погрузилась в творчество, да только с реализацией оно у нее не получалось, хоть

тресни.

Костромин и ее родители подключили всех знакомых, все связи, чтобы продвинуть работы Варвары, целые масштабные операции проводили, рекомендуя ее как художницу, рекламируя, предлагая ее рисунки и гравюры. Леонид Николаевич повсюду носил с собой папку с работами дочери, ходил на переговоры.

Но...

Ничего. Тишина.

Сколько их, художников-то? В одной Москве сотни тысяч разнообразных. Вон, только Суриковский каждый год тысячи выпускает.

И где они все?

И всем надо реализоваться, и у большинства тоже есть знакомые-перезнакомые, родные и далекие.

Выставок на всех не хватает, а уж признания и подавно.

Так и сидела Варюха за мольбертом, печатала на станке, ходила, как на работу, в разные учреждения художественной направленности, объединения и группы, предлагая себя, да все без толку.

Кое-что взяла та самая дама дизайнер, несколько работ купили другие дизайнеры, но на этом все.

Вот и сидела Варя без заказов, считай, восемь месяцев.

Но на пороге грустного отчаяния любимый муж неожиданно увлек Варвару интересным проектом – самой сделать дизайн их новой квартиры. Сделать и реализовать, как говорится, «под ключ».

– Ты же архитектор и художник, – обескуражил он ее за ужином в ресторане, куда специально пригласил для этого разговора. – К тому же кто как не ты лучше всех знаешь наши вкусы, пристрастия, привычки. Например, какой диван я люблю: чтобы на нем можно было и сидеть, и валяться, как в удобной люльке, – широкий и глубокий. Предупреждаю заранее: другой мне не нужен. Или с какой стороны кровати ты любишь спать и что тебе необходимо под рукой. Какие цвета, формы предметов... – улыбаясь, объяснял он.

– Ну, конечно! – вскричала она и, подскочив с места, кинулась обнимать и целовать мужа. – Конечно! Как я сама не догадалась! – И зацеловывала его, радостно смеясь. – Ты гений, Юрочка!! Ты точно гений, Юра! – Слушай, – говорила она возбужденно, – я настолько погрузилась в рисунки и попытки куда-нибудь их пристроить, что забыла обо всем на свете! – И расцеловав его в щеки еще пару раз, сияя глазами, в которых полыхали от эмоций огоньки, торопливо объясняла: – Я же подумала об этом, еще когда мы обсуждали покупку квартиры. Но так мимолетно,

подумала и забыла. Ну, надо же! – И отвлеклась от мужа, погрузившись в свои размышления. – Я даже представляю, что и как там можно сделать! Классно получится, вот увидишь!

– Обязательно, – легко согласился он и напомнил: – А теперь мы можем торжественно поесть по этому поводу.

Реализация идеи заняла восемь месяцев, после чего долгожданный переезд состоялся.

И с въездом в свою квартиру, в которую они оба влюбились с первого дня проживания, так хорошо, тепло и невероятно уютно в ней оказалось, начался новый интересный этап их жизни.

Варвара получила предложение поучаствовать в некоем конкурсе на право стать художником-оформителем в издательском проекте.

Дело в том, что тот замечательный клиент, любитель Алтая, рекламировал Варвару гостям, посещавшим его дом. Как-то среди этих самых гостей оказался издатель одного небольшого, но, можно сказать, элитного издательства, которое занимается выпуском классики в книгах высокого качества, на специальной дорогой бумаге, в дорогих переплетах и главное – с авторскими иллюстрациями. Что-то среднее между обычной книгой и суперэлитными фолиантами за тысячи-тысячи. Дорого, богато, со вкусом и пока еще доступно, хоть и людям с достатком.

Вот одним из проектов этого издательства стало издание иллюстрированных книг Гоголя.

Вы представляете себе, какое это поле для фантазии художника?!

Гоголь! Николай наш Васильевич! С его Диканькой, «Вием» и «Мертвыми душами»? Это же пир души, ей-богу!

Варвара пропала вся в этом конкурсе с головой и потрохами!

Рисовала даже во сне. От переутомления и постоянного напряжения исполняла работу реально, то есть спала и водила рукой, мысленно рисуя, рисуя так, что Костромину приходилось ее будить, обнимать и успокаивать, укачивая.

Конкурс Варя выиграла, но не на все произведения, а именно на те самые «Вечера на хуторе близ Диканьки».

Но это вообще-то победище!

У Варвары очень здорово получилось. Очень! И на презентации книги ее и других художников чествовали долго и со вкусом.

И отчего-то именно в этот момент начали «выстреливать» все долгие протезирования семьи, и за первой работой неожиданно последовало предложение поучаствовать в большой совместной выставке «Российская графика». Варя засела на пару месяцев за мольберт, готовясь к выставке,

увлекаясь, как обычно, до полного погружения.

Выставка прошла замечательно, Варвару отметили как одного из выдающихся молодых художников и пригласили сразу в два проекта: один снова издательский, очень интересный – сказания Древней Руси, а второй дизайнерский – цветная гравюра, а это техника немного иная, многослойная, которую предстояло освоить и изучить.

И началась загруженная и необычайно захватывающая жизнь Варвары в творчестве.

Теперь она была занятой, востребованной художницей.

У Костромина тем временем дела тоже шли своим чередом, но на каком-то этапе настигли его непростые размышления о будущем.

Чувствовал Юрий, что достиг своего потолка в работе в этом холдинге. К тому же азарт пропал, что ли, некая лихость, стремление добиваться чего-то нового, пошла рутина бесконечная, начинавшая угнетать. И мыслилось что-то, мелькало в голове все чаще и чаще, пока никак не оформляясь в конкретную идею, но что-то манкое, возможное...

Два года пролетели практически незаметно, отмеченные лишь вехами Варвариных достижений, сделанных ею работ, прошедших выставок и торжественным внесением последнего взноса за квартиру, ставшей окончательно их собственностью.

– Стапятидесятилетняя старушка с криком «Повезло вам, сволочи!» внесла последний вклад за ипотеку! – прокомментировала последние события Варя и рассмеялась заразительно.

Конечно, было много интересного в их жизни – удивительные поездки в летние и зимние отпуска. С приснопамятного Алтая они стали заядлыми путешественниками. И каждое путешествие проходило неповторимо, надолго оставаясь в памяти и в рисунках Варвары. Ну и в фото, и видео, разумеется.

Все у них складывалось замечательно, вот только детей не получалось. Совсем.

Прошли еще раз обследование, которое лишь подтвердило вердикт врачей четырехлетней давности – абсолютно здоровы, замечательно совпадают по всем показателям, никаких противопоказаний и препятствий к беременности нет.

Есть, понимали все.

И прекрасно понимали, какие именно препятствия – некий стоп-кран у Варвары в подсознании: страх снова потерять ребенка. И к врачу ходить не приходилось, все было настолько очевидным и прозрачным, хоть она и посетила психолога, лишь подтвердив свои предположения на этот счет.

Ну, подтвердила, и что? Посещать сеансы и рассказывать про отношения в семье и свои детские страхи? Или проходить жесткую терапию? Варя категорически отказалась от любых вариантов.

– Не хочу обсуждать это с чужим человеком! – заявила Варвара Юрию, когда он завел разговор об этом.

– Ну, хорошо, – вздыхал он. – Обсуждай со мной.

– А что мне с тобой обсуждать? – пожимала она плечами. – Мы оба все об этом знаем. – И улыбалась ободряюще: – Да само как-нибудь пройдет, Юр!

Но не проходило, настаивать Костромин не хотел, хотя подозревал, что не все так просто, как кажется и как пытаются объяснить им врачи, – психосоматика, страх снова потерять ребенка. Возможно, есть что-то еще, какое-то иное препятствие, и Юрий даже стал немного побаиваться: вдруг это болезнь потяжелее и страшнее, надо бы пройти более расширенное обследование.

Он попробовал еще раз поговорить об этом с Варей, она выслушала доводы мужа и обещала серьезно подумать над его предложением. Но вскоре у нее начался новый проект, а у Костромина закрутились такие дела, что он не смог думать про что-то иное, кроме них.

Все его душевные терзания, все сомнения и туманные прикидки вылились наконец сформировавшимся решением. А именно – уходить из холдинга и начинать свое дело!

Вот так – ни много ни мало!

И как только Костромин это понял, осознал всю серьезность своих намерений, тут же просветлело у него внутри и словно ослаб зажим какой-то многолетний, и стало понятно, что это именно то самое, чего хотела душа и к чему стремилась, чтобы двигаться вперед, делом заниматься, развиваться.

Пошел к начальству – сдаваться.

А начальство хоть и было опечалено из-за потери специалиста такого уровня, но решение Костромина, что удивительно, поддержало и даже, выслушав основную концепцию Костромина, обещало одним из первых подписать с ним договор на совместную работу.

Он обалдел даже немного от столь необычного поворота.

Бывают же чудеса!

Идея состояла в том, что Костромин задумал создать предприятие, занимающееся всеми видами работ с электрикой, а также оптико-волоконными системами, в том числе освещением, оснащением и иллюминацией любого уровня, направлений и масштабов – условно говоря:

от лампочки в подполе деревенского дома до электрификации той самой деревни, в которой находится этот дом с подполом, и подсветки Кремля с меняющимися ритмами и фазами – хоть хороводы световые на фасадах выводить.

Вот как-то так. Мелко не плаваем.

Понятное дело, не он один такой умный, и в стране имелось уже немало таких деятелей от электричества. Но Костромин придумал свои инновации и фишки, которых точно не имелось ни у одной другой фирмы, с деятельностью которых он ознакомился весьма подробно.

Он вообще очень плотно и всерьез занялся воплощением в жизнь своего плана.

Варвара поддерживала мужа целиком и полностью и повторяла ему по сто раз в день, что он гений и талант, и у него все обязательно получится.

Оно и получалось, но... всем отечественным бизнесменам, начинавшим когда-то свое дело, прекрасно известно, какая это головная боль и какой это... то самое слово начинать свое дело в нашей чиновничьей стране и, пардоньтес-с, чтобы не сказать матом, конкурирующей, плотно лоббируемой теми же чиновниками составляющей. Но Юрий упорно воплощал то, что задумал, и теперь уже он занимался делами и вел переговоры даже во сне, так что Варваре приходилось его будить, успокаивать и поглаживать.

Ничего. Ничего. Справился.

Помогли упертость характера, беспредельный какой-то труд, пробивание лбом и наглостью массы преград, а также наработанные связи, приобретенные за годы в холдинге, и один из самых важных моментов – руководство и самого холдинга, которое помогло хоть и немного, но весьма значимо.

Уже через год личная фирма Костромина работала в штатном режиме, постепенно набирая обороты и приобретая клиентов и новые интересные заказы. А еще через полгода они участвовали в фестивале «Круг света» в Москве. В этом фантастическом, грандиозном проекте, известном на весь мир.

И, уж поверьте, Костромин вложил всей душой и потрохами в этот фестиваль, и расстарались его ребята всерьез. Получилось очень здорово, все прошло на высшем уровне.

Так и жили они с Варварой в любви, согласии, смехе и радости и в реализации каждый в своем творчестве. Интересно жили, насыщено.

Задумал было Костромин родителей в Москву перевезти и взять отца на работу, заниматься своим любимым делом, да Максим Петрович

отказался:

– Не, сынок, не хотим мы в Москву вашу, нам тут очень хорошо и душевно. И занимаюсь я потихоньку, на масло с икоркой красной зарабатываю и не перетруждаюсь. Мне в самый раз. К тому же мы теперь с матерью от нашего домика и участка никуда, думаем и вовсе в дом перебраться, а квартиру сдать.

Мама поддержала мужа, а в части дачи и вовсе проявила горячую солидарность. Ну что ж теперь – нет так нет.

Зато с друзьями у Костромина получились сложности.

Два его институтских ближайших кореша, с которыми они дружили с первого курса, с одной комнаты в общежитии, так же как и он зацепившихся в Москве по окончании университета, правда, не столь успешно, а помаявшихся прилично по разным работам, пока не устроились более-менее достойно, были абсолютно уверены, что Юрий возьмет их к себе на фирму.

А он не взял.

Так вот решил. Долго думал над этим вопросом – сомневался. Прикидывал так и эдак, ночами не спал – и принял непростое, но окончательное решение.

– Не понял, – обалдел Вадим, когда зашел об этом разговор, – ты хочешь сказать, что тебе не нужны ни я, ни Сашок?

– Как друзья нужны, как работники нет, – напрягшись, прямо ответил Костромин.

– И как ты себе это представляешь? – усмехнулся невесело Сашка. – Тебе прекрасно известно, как нам с Сашком приходится вкалывать, где и кем, чтобы зарабатывать прилично, а ты открываешь свое дело по нашему профилю и отказываешь двум специалистам в работе. И при этом собираясь оставаться с нами друзьями?

– Поэтому и отказываю, – ровным тоном объяснял Костромин. – Я собираюсь работать с новейшими инновационными технологиями. У меня специалисты, все как один, с сертификатами и допусками международного уровня, не меньше. А у вас квалификация не повышалась все эти годы, а понижалась. Я все понимаю: обстоятельства, жизнь такая, но вон Вадим вообще не работал по специальности ни одного дня, ты, Саш, тоже давно к электрике не имеешь отношения. Так кем вас брать? Замами? Так мне замы не нужны, я пока таких денег не заработал, чтобы замам платить, сам кручусь вроде того пострела, везде успевшего. А кем? Мастерами? Для этого пришлось бы отправлять вас обоих учиться эдак годика на полтора и платить за вашу учебу, при том, что на места, занятые вами, я не смогу

взять уже готовых спецов. Так что вы, мужики, как хотите: можете обижаться, можете прикинуть расклад и понять реалии, но взять вас я не могу.

Утруждать себя пониманием реалий они не стали и отношения с Костроминым прекратили. Резко и окончательно, смертельно обидевшись.

Он переживал. Серьезно переживал.

– Ничего, – успокаивала мужа Варвара, обнимая и поглаживая по-матерински. – Это нормальный процесс жизни, когда из нее исчезают люди, казавшиеся еще вчера близкими, почти родными, но которые уже не хотят и не могут тебя понять. За человеком, который двигается вперед, поспевают далеко не все. Это нормально, особенно когда он развивается так стремительно, как ты.

Нормально. Но при всем понимании правдивости этого закона все равно больно, когда вот так рушатся старые привязанности. И всегда, в любом случае с затяжными, многолетними обидами.

Пережил и это, как водится. Пошел дальше.

Работали они с Варюхой много, прямо очень много. Но выкраивали время, чтобы съездить куда-нибудь отдохнуть, развеяться. Теперь либо вдвоем, поскольку Вадим с Сашей и их жены отпали, либо с новой формирующейся постепенно компанией по дикому туризму – друзьями Костромина с его прошлой работы и новыми интересными знакомыми Варвары, в основном людьми творческих профессий.

Это тоже процесс интересный – приобретение новых друзей.

Сложный, но интересный.

На сей раз в видениях не возник образ высокого синего неба и сияющего солнца. Воспоминания потекли той самой темнотой, которая нынче преследовала его повсюду.

Костромин сел на кровати и попросил про себя: «Не надо!» Он и так очень хорошо помнил тот момент, после которого все обрушилось и переменялось... слишком хорошо!

И не хотел переживать его заново.

Но его снова никто не спрашивал, и пытка воспоминаниями продолжилась.

После девятого мая у Варвары проходили сразу два значимых мероприятия – участие в большой выставке современного искусства в Третьяковской галерее на Крымском валу и большая выставка «История гравюры» в Питере, на которой в том числе были представлены и ее работы.

На открытие московской выставки отправились всей семьей, даже старшие Костромины приехали из Ростова, невзирая на то, что май на дворе и всюду идут дачные работы, но пропустить выставку любимой невестки они не могли.

Костромин в который уже раз поражался таланту жены и отмечал, что он становится все сильнее и ярче.

После выставки ходили в ресторан, гуляли по Москве всей семьей – деньки стояли по-настоящему летние, жаркие. На следующее утро проводили родителей в аэропорт, а вечером Юрий отвез Варвару на вокзал и посадил в поезд до Питера, лететь самолетом она отказалась – не захотела лишней суеты.

Зато поездом Варвара ехала в отдельном купе повышенной комфортности, в котором она была единственной пассажиркой, этакий железнодорожный бизнес-класс. Когда вышли прощаться на перрон, после того как Юрий внес ее вещи, постояли, пошутили, Варюха все посмеивалась, что едет как богатейка девятнадцатого века – только они могли себе тогда позволить целое купе в поезде от Москвы до Питера.

– Ну, что, богатейка ты моя? – улыбался Костромин, обнимая жену. – Смотри там, не шали в том Питере. С художниками не заигрывай, веди себя хорошо. – И посерьезнел, вернувшись к их прерванному спору: – Надо было подождать меня, поехали бы вдвоем.

– Ну, Юрочка, выставка же завтра открывается, а у тебя важные переговоры и встреча в департаменте. Ну, что ты переживаешь, не пропаду же я, ей-богу!

– Да с тебя станется! – недовольно высказывался Костромин, понимая справедливость ее аргументов и нелогичность своих выступлений, но что-то непонятное тревожно позванивало в мозгу, нашептывая не отпускать Варю и ехать с ней, и он непроизвольно продолжал ворчать: – Что-нибудь потеряешь или сама потеряешься в городе или еще что случится.

– Я всего на три дня. Гостиница у меня самая крутая, там меня персонал обихаживать и охранять станет, – успокаивала мужа Варвара, в который уже раз приводя одни и те же аргументы, – а в городе со мной все время будет сопровождающий, ты же знаешь. – И поцеловала его в щеку. – Не переживай, все хорошо. Обещаю быть очень внимательной.

– Ну, ладно, – не самым благостным тоном согласился Костромин, подавляя в себе этот предупреждающий странный звон, поцеловал жену коротко в губы, развернул и легонько подтолкнул к двери вагона. – Иди, уже отправление.

Варвара поцеловала его в ответ, вошла в вагон и, остановившись у

двери, смотрела на мужа.

– Иди, – повторил Юрий. – Прохладно. Из окна посмотришь.

Варя кивнула, сделала пару шагов к проходу внутрь вагона, но вдруг остановилась, задумавшись, и неожиданно рванула назад. Выскочила на перрон, да так, что Костромин едва успел поймать ее на лету, и поцеловала его всерьез, сильно, проникновенно, а оторвавшись, потребовала горячим, возбужденным тоном:

– Юрочка, ты береги себя, ладно? Ты очень хорошо себя береги!

– Варюха, ты чего? – поразился Костромин.

– Я не знаю, чего! – торопливо объясняла она. – Но ты будь внимательным и береги себя. Питайся хорошо и никуда не торопись, будь осторожен за рулем.

– Да, что такое, Варюш? – растерялся он.

– Не знаю, – повторила она. – Просто береги себя.

И поцеловала еще раз.

Поезд дернулся и тронулся с места. Костромин приподнял жену, взяв руками за талию, и поставил на площадку вагона, и смотрел в ее тревожные глаза.

– Все будет хорошо, не выдумывай ничего, Варюша, – строго сказал он, шагая рядом с движущимся поездом. – Ты сама себя береги там. Внимательна будь. Звони.

– Позвоню, – пообещала она и улыбнулась через непонятно отчего подступившие слезы.

У Костромина проходила важная встреча с потенциальным клиентом, и они не заметили, как засиделись за разговором. Сообразили, что увлеклись, лишь когда раздался зуммер селектора на рабочем столе Костромина, и секретарь сообщила, что звонит чиновник из департамента. Юрий извинился, быстро поговорил и предложил будущему клиенту:

– Ну, что, основные документы подписаны, все вроде согласовано. Может, продолжим наш разговор за обедом, обсудим детали? Заодно и поедим?

– С удовольствием, – согласился тот.

Обед проходил в приятной дружеской атмосфере. Ну, во-первых, потому что эти двое мужчин импонировали друг другу с самой первой минуты знакомства, поскольку во многом были похожи: оба недавно открыли свое дело, оба много работали до этого на производстве и карьеру строили своим трудом и умом, а не связями, а во-вторых, дело, за которое они брались совместно, было весьма интересно и увлекательно для них

обоих.

Обед подходил к концу, когда визави Костромина, извинившись, поднимался из-за стола, чтобы пройти в туалет. В то же время из-за соседнего столика начал подниматься мужчина, находившийся спиной к ним, и именно в эту минуту между их столиками проходил официант, который невольно подтолкнул партнера Юрия. Тот качнулся вперед, стол дернулся, и стакан с недопитым вишневым соком опрокинулся, забрызгав рубашку Костромина.

Незамедлительно образовалась суeta «вокруг фонтана», роль которого досталась Юрию – партнер сетовал, мужик из-за соседнего столика, не поняв, что произошло, извинялся, официант суетился и тоже извинялся – ба-ла-ган, одним словом.

– Так! Стоп! – подняв руки вверх, остановил властным приказом этот цирк Юрий и вынес постановление: – Никто не виноват, просто неудачное стечение обстоятельств!

И поморщился, осмотрев себя.

– Ёжики, у меня еще одна важная встреча через два часа.

– Слушай, Юрий Максимыч, – взбодрился его клиент. – Тут недалеко есть бутик мужской одежды английской фирмы, ты наверняка знаешь, – и он назвал известную модельную марку.

– Идея хорошая, – согласился Костромин.

В бутике играла ненавязчивая приятная музыка, пахло чем-то столь же продуманно ненавязчиво и приятно, и не было ни одного покупателя. Зато имелись аж две симпатичные барышни, которые поспешили навстречу Костромину из разных углов магазина с натренированными доброжелательными улыбками на лице, сразу же распознав в нем человека с определенным достатком и явным намерением что-то купить. Одна из девушек, что шла чуть впереди, сделала неуловимый жест второй, и та, улыбнувшись Юрию еще более лучезарно, сначала замедлила свое движение, а потом и вовсе остановилась и неторопливо вернулась в свой угол.

У Костромина промелькнула мысль, что синхронность передвижения этих девушек сильно напоминает пару хищников, загоняющих жертву – увидели добычу и поспешили к ней с двух сторон, по ходу оценивая физические возможности той к самозащите, а когда стало ясно, что никуда дурашке не деться и достойного сопротивления она не окажет, тот из хищников, кто в большем авторитете, неким движением приказывает второму отвалить – моя, мол добыча.

– Добрый день, чем мы можем вам помочь? – самым

доброжелательным из доброжелательных тонов, какие только возможны, поинтересовалась девушка.

– Да вот, форс-мажор случился, – усмехнувшись, указал Костромин на залитую соком рубашку.

– У нас большой выбор сорочек, – обрадовалась девушка и, шагнув чуть ближе к нему, спросила: – Вам под этот же костюм? Белую, строгую или у вас иные предпочтения?

А Костромин почувствовал очень странные ощущения – неожиданно завибрировало где-то в груди от ее низкого плавного голоса, запах ее духов словно пробрался ему в мозг, и как-то стало жарко и маетно от ее близости во всем теле.

Что такое? – не понял он.

Тем временем, пока он недоумевал, девушка, профессионально определив размер, уже несла несколько рубашек на выбор и принялась представлять каждую из них: какой материал, пуговицы, строчки и так далее.

Юрий выбрал две, и консультант, пригласив его жестом в глубь магазина, проводила в примерочную. Вошла в одну из кабинок, распаковала ту рубашку, что выбрал Юрий на смену испорченной и, выходя, вроде бы немного замешкалась и как бы ненароком задела его грудью и бедром.

Костромин обалдел! Его обдало таким жаром желания, которое он не то что не ожидал, но и представить себе не мог!!

Он стоял в полном шоке и вдруг перехватил в зеркале взгляд девушки – то, как она улыбнулась ему понимающе и медленно закрыла дверцу кабинки.

А он так и продолжал стоять и смотрел в зеркало в недоумении.

Что это было?!

С какого перепуга вдруг так шибануло-то?

Он ничего не понимал, но тут зазвонил телефон в кармане пиджака, и словно туманящий разум морок слетел с Юрия. Костромин выхватил из кармана смартфон, как спасительную гранату – последний аргумент в боевом споре, и быстро ответил. Переговорив с секретаршей, напомнившей ему про время и важную встречу, Костромин померил рубашку, остался вполне доволен, перекинув через руку пиджак и старую рубаху, вышел из кабинки и попросил ожидавшуюся его девушку:

– Будьте добры, отрежьте ценник с ярлыками, я уже не стану туда-сюда переодеваться.

– Да, конечно, – заторопилась девушка и улыбнулась ему, показав

маникюрные ножнички у себя в руке. – Я предусмотрела такую возможность.

Она шагнула за спину Юрия, вытянула веревку с ярлыками из-за воротничка и, отрезая, как бы невзначай прижалась к его спине грудью.

Костромина бросило в жар, в паху полыхнуло и начало вставать, как у подростка какого, первый раз дотронувшегося до голой груди женщины. Его ошеломила реакция своего организма на эту девушку. Юрий откровенно ничего не понимал!

Ну, ладно, он нормальный здоровый мужик, и случается, что ему понравится какая-то девушка, ну так, чисто визуально, или, бывало, приходилось общаться с необычайно притягательной женщиной и поддаваться под ее женское очарование и даже слегка флиртовать, прокручивая в уме всякие легкие фантазии.

Вот именно, что легкие!!

Мало ли что здоровый мужик может подумать вслед симпатичной девушке, на то он и мужик! Но чтобы вот так!! Как кипятком!!

Чтобы в паху прямо выстрелило от одного прикосновения?!

– Забыл, – сказал он, метнулся назад в кабинку, захлопнув за собой дверцу.

Перевел дыхание за несколько секунд, кинул взгляд в зеркало, не узнавая своих переполошенных глаз с расширившимися зрачками, тряхнул головой, достал телефон и вышел из кабинки.

– Телефон оставил, – пояснил Юрий продавщице.

Она кивнула, продолжая улыбаться все понимающей улыбкой.

Костромин поспешил к кассе.

– Кофе, чай? – предложила ему девушка, проследовав за ним.

– Нет, – строго отрезал Костромин.

Пока он расплачивался, она сложила в фирменный пакет его испачканную рубашку и предложила самым невинным тоном:

– Не хотите выпить по-настоящему достойный кофе? Здесь недалеко очень неплохая кофейня, там для нас и наших клиентов делают хорошие скидки и предлагают великолепную домашнюю выпечку. Я покажу вам, где она находится.

В общем-то, ничего особенного в ее предложении не было, кроме, разумеется, предложения себя в качестве сопровождающей. Дорогие бутики и дорогие кофейни частенько сотрудничают и предоставляют микроскопические, но весьма психологически грамотно преподнесенные скидки клиентам друг друга.

А Костромин вдруг подумал, что хочет разобраться, что с ним

произошло сейчас, почему он так внезапно и сильно отреагировал на девушку. Что она сделала с ним такого?

Он посмотрел на часы – до встречи оставалось около часа. Вполне успевает.

– Ладно, – согласился Юрий, убирая портмоне в карман пиджака. – Показывайте ваше кафе.

Кофе на самом деле оказался очень недурен, да и выпечка превзошла все ожидания. Но что превзошло не только ожидания, но и предположения, так это его все усиливающаяся реакция на эту незнакомую девушку.

Пока они пили кофе и пробовали выпечку, разговаривая на общие темы ни о чем, она держалась на расстоянии от него, сидя напротив за столиком, но как только он допил свой кофе, девушка дотронулась до него ногой под столом, и Костромин сразу почувствовал жаркую волну. А потом продавщица положила свою ладонь поверх его ладони, наклонилась вперед и произнесла низким грудным голосом:

– Приходите к нам обязательно завтра. Поступит новая партия сорочек и аксессуаров, будут очень неплохие скидки всего один день.

Костромина обдало жаром, и снова все зашевелилось в паху, и от запаха ее духов, и от этого голоса мутилось в голове, и он наконец признался себе, что хочет эту девушку невероятно.

Сопротивляясь этому странному огненному желанию, Юрий вытащил руку из-под ее ладони и ответил что-то невразумительное про то, что в это время суток он зарабатывает на рубашки, а не ходит по магазинам. Фигню какую-то, в общем.

И поспешил сбежать, встав из-за стола. Но она тоже встала и, проходя к выходу, снова как-то ловко, как бы невзначай, прижалась грудью к его плечу, а бедром к его ноге.

Он еле ноги унес!

Практически бежал, даже не попрощавшись.

Только сев за руль машины, смог перевести дух. Откинувшись на подголовник, Юрий дышал, дышал, поражаясь себе и недоумевая, что с ним происходит.

И все время в департаменте думал о той девице, чуть не провалил важную встречу, собравшись только после того, как его окликнули в третий раз. Но думал о ней и после встречи, непонятным образом продолжая чувствовать жар в тех местах, которых она касалась.

На следующий день Костромин стоял чуть наискось от входа в тот самый злополучный бутик так, что через огромное витринное окно ему была видна часть магазина, недоумевал, что он здесь делает, и

одновременно понимал, что войдет внутрь.

Юрий почти не спал ночью, размышляя о невероятной силе желания, которую вызвала в нем эта девушка. Странное дело, он практически не помнил ее внешности, то есть не запомнил лица. Нет, если бы ему показали ее фотографию или он встретил ее на улице, наверняка бы вспомнил, а вот в памяти образ не сохранился. Лишь ее запах, низкий голос и шипящая сексуальная энергия буквально впечатались в его память, пропахав, как плугом, оставляя безжалостную борозду.

Он никогда не изменял Варваре.

Он просто не нуждался в этом. Костромин по своей натуре был не ходок, как говорится, а в сочетании с тем фактом, что у них с женой сложилось полное гармоничное и радостное совпадение в сексе, так у него и мысли о других женщинах не возникали. К тому же Варюха всегда была готова поддержать его любую интимную инициативу. Никакой больной головы, плохого настроения или еще чего, стеной становившегося между желанием мужчины и его реализацией, – ничего такого.

Между ними было только взаимное понимание, гармония, а любые недоразумения или шероховатости они всегда обсуждали, они вообще обо всем разговаривали. Да они даже не поругались ни разу за пять с половиной лет совместной жизни!

Костромин снова вспомнил о том, что несколько раз случалось ему встречать интересных и сексуально притягательных для него женщин, и он хорошо помнил каждую из них, но все это было... как бы сказать?... умозрительно, что ли? Как у любого нормального мужика. Да и настоящего сильного желания, о котором стоило бы призадуматься, Костромин к другим женщинам, кроме Варюхи, не испытывал.

До вчерашнего дня.

Он нормальный, здравомыслящий мужик и прекрасно отдавал себе отчет в том, что то, что вчера он испытал к той девушке, нечто ненормальное. На самом деле ненормальное! Он даже испугался – не происходит ли с ним беда. Там с психикой или еще что?

Отчасти Юрий пришел сюда из-за этой мысли.

Но только отчасти.

Ему хотелось проверить, действительно ли желание было столь невероятно сильным и обжигающим или он что-то себе придумал?

И еще.

Ему хотелось испытать этот огонь еще раз!

Испытал! Идиот!

Когда воспоминания подошли к этому моменту, Костромин даже

застонал от бессильного отчаяния. Он так надеялся, что на этом сегодня и остановится... – все! А уже завтра или послезавтра к нему придут иные картинки: снова полные света, солнца и любви...

Но подсознание или кого-то там свыше, который давал ему эту пытку, не интересовало желание или нежелание Костромина.

Девушка сразу поняла, зачем и почему он пришел, но Костромину удалось выдержать лицо и ровность тона. Он купил пару рубашек, брючный ремень и галстук, оплату на кассе в этот раз у него принимала именно она и, возвращая банковскую карту, прямо предложила:

– Пригласите меня на ужин, – и прикоснулась к его руке.

Он пригласил. Он уже не смог бы не пригласить.

А после ужина, когда они выходили из ресторана, девушка прижалась к нему всем телом, и Юрия разнесло на куски.

Это было не просто желание, а какой-то первобытный вой организма, безумное, исступленное притяжение до кипятка, в который мгновенно превратилась его кровь!

– Поедем ко мне, – усмехнувшись его откровенной реакции, практически распорядилась она.

– Нет, – хриплым, чужим голосом отказался Юрий.

Костромин находился на грани тянувшего его в пропасть безумия, но пока ему удалось удержать остатки разума. Удалось. Вернее, его удержали мысли о Варваре.

– Нет, – повторил он.

– Почему? – искренне удивилась девушка.

Он не ответил, отодвинул ее от себя и вышел на улицу.

После жарких летних деньков начала мая, как обычно происходит в Москве, резко похолодало. Костромин с жадностью втянул холодный воздух, приходя в себя и остужая страсть дурную, шибанувшую одновременно в голову и в противоположное ей место.

– Я так понимаю: жена? – задала вопрос девушка, оказавшаяся рядом, она неслышно вышла следом за ним.

Он снова не ответил, лишь покосился на нее.

– Ты серьезно хочешь отказаться от меня? – приподняв одну бровку, спросила она с усмешкой.

– Нет, – в третий раз повторил Юрий и пояснил: – Отказаться не хочу, но и гулять тайком от жены не стану.

– Какие проблемы, – беззаботно пожала она плечами. – Переезжай ко мне вполне открыто.

– Нет, мне так будет некомфортно, – отказался он от предложения. – Съеду в гостиницу, а потом найду себе жилье.

Он все решил.

Сегодня, возле ресторана, когда они встретились и девушка поцеловала его в щеку, Юрий понял, что не заняться с ней сексом он уже не сможет. Это неизбежно, как наводнение или цунами, как смерть. Не избежать и не скрыться, как бы ни старался.

И осознав эту фатальность, принял решение сразу, как отрезал.

– Ладно, – согласилась она и уточнила: – И когда ты планируешь нашу встречу?

– Завтра, – ответил Костромин. – Вечером. Я позвоню.

Дольше он бы не выдержал и явственно это понимал.

Понимал, черт бы его побрал!!

На следующий день возвращалась из Питера Варвара, а он стоял и планировал той же ночью заниматься сексом с другой женщиной.

Планировал и ждал этого, как умирающий от жажды глотка воды.

Вообще непонятно, где Юрий нашел силы, чтобы оторваться от нее, вызвать такси, а не самому везти барышню на машине – это было бы невозможно, он бы тогда точно сегодня от нее не ушел, не смог бы.

Как ни странно, но Костромин спал эту ночь совершенно мертвым сном, словно его выключил кто-то на долгие десять часов. И проснулся с первой мыслью не о Варваре, а о том, как заполучит сегодня же эту девушку.

Встречать Варвару с поезда он отправил водителя своей фирмы. Позвонил, повинился перед ней, объяснив про дела, имевшие место быть в полном объеме, невзирая на все душевные мучения. Но на самом деле Костромин отчетливо понимал, что не сможет смотреть жене в глаза, улыбаться, искренне радоваться ее приезду, ехать вдвоем в машине и говорить о чем-то безопасном, еще вчера таком важном для них обоих и уже совершенно несущественном сегодня перед надвигающимся на них обоих неотвратимым разрушением.

Они увиделись и поговорили только вечером.

– Юра! – радостно кинулась его встречать Варя, услышав, как он открывает входную дверь.

Обняла, повисла на шее и перецеловала в щеки и в губы:

– Привет! Привет!! – радовалась она жизни и своему мужу.

– Привет, – глухо отозвался Костромин, отодвинул жену от себя и поставил на пол.

– Юра! – вдруг ахнула Варюха, внимательно всматриваясь ему в

лицо. – Что с тобой случилось?

– Жив. Здоров, – нейтральным голосом сообщил он, наклонился, поцеловал ее в щеку и произнес потерянным тоном: – Нам надо поговорить.

– Родители? – задохнулась от страшной мысли Варвара и прижала ладошку к губам.

– Нет, нет, – поспешил успокоить ее Юрий. – С ними все в порядке. Со всеми все в порядке.

– Кроме тебя... – протянула она испуганно, уловив напряженность его тона и странность поведения.

– Идем в комнату, – предложил Костромин, вдруг почувствовав себя беспредельно уставшим и разбитым.

Они прошли в гостиную, он указал Варваре на диван, сам сел напротив нее в кресло, оперся локтями на расставленные колени, сцепил ладони в замок и, посмотрев на жену, попытался начать объяснение, но она его перебила.

– Юра, родной, ты заболел, что ли? – спросила с отчаянием Варя и ринулась было к нему, но он остановил ее жестом.

– Нет, Варюха, я здоров, – помолчал и все же собрался с силами. – Хотя как посмотреть, – усмехнулся невесело Юрий. – Варюш, тут такое дело, беда у меня.

Она ахнула, сунулась было расспрашивать, но он снова остановил ее властным жестом руки.

– Не та беда, о которой ты могла бы подумать. Другая, – вздохнул тяжело, выдохнул и признался: – Я встретил женщину... – Помолчал несколько секунд и продолжил: – И что-то странное произошло со мной. Я вдруг захотел ее неистово, до боли, до темноты в глазах, я практически не могу себя контролировать. Нечто животное, дикое происходит со мной, и я не понимаю, что это, и не могу с этим справиться. Я не влюбился в нее, не увлечен ею как женщиной, более того, она мне, в общем-то, и не нравится, но это нисколько не уменьшает моей сумасшедшей сексуальной тяги к ней.

Он замолчал, не мог смотреть на жену, глядел куда-то в сторону, в окно. Она тоже молчала какое-то время, потом вдруг спросила сиплым голосом:

– Ты с ней спал, что ли?

– Нет, – ответил Костромин и заставил себя повернуть голову и посмотреть жене в глаза и повторил: – Нет. Еще нет. Но обязательно буду, – вздохнул по-большому, потер рукой глаза и признался: – Я люблю тебя, только тебя. Хочу тебя всегда. Но то, что происходит сейчас со мной, какое-

то помешательство. Это ненормально, и я осознаю данный факт, но справиться с этим, пересилить не могу. И не хочу втягивать тебя в это и пачкать.

– Но это неизбежно, – тихо сказала Варя. – Я уже втянута, Юрочка. Ты часть меня, ты моя жизнь, значит, и беда не только твоя, но и моя. – И спросила, как обычно спрашивала, всегда и во всем полагаясь на него, особенно в трудную минуту: – И что нам делать?

– Тебе ничего, – устало ответил Костромин и снова заставил себя посмотреть на жену. – Ты ни о чем не беспокойся. Вот карточка, – он выложил на журнальный столик банковскую карту и маленькую бумажку рядом с ней, которые заранее приготовил к разговору и держал в кармане. – А это пин-код. Записал, а то ты их постоянно забываешь. Будь аккуратнее у банкоматов, как я тебя всегда просил: не показывай бумажку с пин-кодом. Это на первое время, а потом я буду переводить тебе деньги на твою карту.

– У меня есть деньги, отчисления, и за работы заплатили, – на автомате напомнила она, находясь в некой прострации.

– Твои – это твои. Ты их не трать особо, может, захочешь купить что-то важное и дорогое, – продолжил наставлять Костромин. – Коммунальные платежи будет делать моя бухгалтерия, об этом не беспокойся. Если что-то надо – звони, я сразу приеду.

– Подожди, Юра, – остановила его Варвара и спросила в полном недоумении: – Я ничего не понимаю. Я не понимаю, как это? Что происходит? – И улыбнулась беззащитно, словно ребенок. – Ты что, уходишь от меня? Бросаешь? Насовсем?

– Нет, Варя, нет! – уверил горячо Костромин, взял в руки ее ладошки, наклонился к ней, пытаясь объяснить. – Это временно. Я разберусь с этим... – запнулся он, – этим делом и...

Сам понимая всю несуразицу того, что несет, Юрий замолчал.

– В каком смысле разберешься? – спросила она, глядя на мужа перепуганными весенними глазами. – Поживешь с этой женщиной и вернешься? Или что? Я не понимаю, Юра.

– Я сам пока ничего не понимаю, Варюш, – тягостно, мучительно произнес он. – Я знаю только одно, что мне нельзя с тобой рядом быть, пока я с этой женщиной. Что-то черное и нехорошее во всем этом, со мной... – и посмотрел на нее больными глазами. – Если у тебя получится, прости меня.

– Я так ничего и не понимаю, Юра. Этого не может быть. Как это может быть? И что... – Варя запнулась, и вдруг из одного ее глаза пролилась слеза. Варвара смахнула ее неосознанно и спросила: – Что

теперь? Что сейчас будет?

– Я сейчас уеду, – объяснил Костромин. – Утром я собрал свой рабочий базовый комп, некоторые вещи на первое время и закинул все в машину.

– Куда уйдешь? – совершенно потерялась Варвара. – К ней?

– Нет, не к ней, – не сказал всей правды Костромин. – В гостиницу, я забронировал номер.

– Ты что, будешь жить в гостинице? – поразилась Варя.

– Первое время, – кивнул он. – Потом сниму себе жилье.

Он осторожно, медленно, словно они были из тонкого хрусталя, отпустил ее ладони, поднялся с кресла и тихо произнес:

– Я пойду, Варь. – И еще раз попросил, посмотрев на нее глазами умирающего пса: – Прости.

– Прямо сейчас пойдешь? – все недоумевала она, окончательно потерявшись. – Вот прямо сейчас?

Он кивнул.

– Так будет лучше. Я не могу быть с тобой и думать о другой женщине, понимаешь? – с отчаянием воскликнул он. – Не могу! Тебя унижать, себя! Не могу тебя обманывать!

– Знаешь, это какая-то прямо убийственная честность, Юра!

– Варя-я! – простонал Костромин покаянно и потер лоб жестом полного отчаяния. – Я понимаю, все понимаю, но не вижу другого выхода, как можно оградить тебя от всего этого! Прости ты меня. Я передать тебе не могу, что сейчас чувствую! У меня внутри как будто все разрывается! И я понятия не имею, что надо сделать, чтобы как-то тебя от этого...

– Юрочка, ты не нервничай так! – Варя словно опомнилась, вскочила с дивана, шагнула к нему и погладила его по груди. – Иди, раз так надо. – И спросила тоном ребенка, которого неожиданно оставляют родители за какой-то своей непонятной и глупой взрослой надобности: – Ты когда вернешься?

– Я не знаю, – простонал Костромин, потер сильно пальцами глаза, посмотрел на жену, погладил по голове и повторил: – Не знаю.

Обнял, прижался губами к ее лбу, постоял так, прикрыв глаза, и, решительно выдохнув, отстранил жену от себя и торопливо пошел к выходу.

– Как ее зовут? – спросила Варвара, неслышно вышедшая следом за ним в прихожую.

– Маргарита, – тяжело ответил он.

И вышел, уходя, осторожно прикрыл за собой дверь.

Костромин проехал, наверное, минут пятнадцать, когда ему позвонила Варвара и совершенно растерянным голосом спросила:

– Юра, ты что, действительно уехал? Ушел? На самом деле?

Он сцепил зубы до боли, до хруста, остановил машину, уперся лбом в рулевое колесо, перевел дыхание и ответил:

– Да, Варюш, уехал. – И объяснил: – Я ничего пока не могу с этим поделать. – И попросил еще раз: – Прости.

Она помолчала, он слышал ее частое тревожное дыхание, и наконец ответила:

– Я попробую. – Помолчала снова и закончила фразу: – ... простить. Постараюсь. – И нажала отбой.

Он так и сидел, не заводя мотор, упершись лбом в рулевое колесо. Его разрывало на части, от лютой вины сердце болело настолько серьезно, что Юрий мимолетно подумал, не инфаркт ли, но это было неважно – инфаркт или еще что – важно, что сейчас он оставил Варюху одну, растерянную, обиженную, потерявшуюся от такой внезапно обрушившейся на нее беды. Оставил в одиночку разбираться с той чумой, которую он принес в их дом, в ее жизнь. В их жизнь.

Он подвел жену и предал единственного родного и близкого ему человека. Самого близкого.

И он ничего, ничего не может с этим поделать. Может только сбежать!

Варвара рыдала, захлебываясь слезами, пока беспощадный сон мучительно, по-садистки повторял в деталях тот страшный день, в который Юра ушел от нее, и последовавшие за ним дни, когда она умирала тысячью смертями и поднималась вновь, чтобы снова умереть от горя и непонимания.

Когда они с мужем прощались у поезда и Варя собралась уже проходить в вагон, ее внезапно ударило какой-то мыслью, неким наитием, шепнувшим быстро, как бы мимоходом, что, когда она уедет, с Юрой может случиться что-то нехорошее, беда. Создалось впечатление, словно ее коснулась какая-то темнота, как черная вуаль по лицу вскользь задела, и Варя кинулась к Юре целовать, прижать к себе, потребовать, чтобы поберегся!

Конечно, это глупые страхи, думалось Варваре полночи. Она сидела, смотрела в слепое окно купе, за которым изредка проплывали огоньки станций и поселков, и уговаривала себя не придавать значения пустым страхам.

Поездка прошла великолепно! Просто замечательно. И Варя возвращалась в нетерпении, мысленно подгоняя время. Подъезжая к Москве, она представляла, как расскажет о тревогах Юре, как он будет смеяться над ее рассказом и спрашивать, не баловалась ли она там, заигрывая со всякими художниками, и они тут же разыграют какую-нибудь веселую сценку про ее флирт, подхватывая один у другого предложения и продолжая мысль другого.

Юра встретить ее не мог. Варвара расстроилась было немного, так не терпелось поскорей увидеть мужа, но потом ободрилась, придумав сделать торжественный ужин к его приходу с работы. Она специально попросила водителя остановиться у дорогого магазина и накупила всяких продуктов.

Ужин был готов. Пахло просто обалденно. Варвара сервировала стол на двоих, полюбовалась на наведенную красоту, напевала что-то от радости и подумывала, не переодеться ли во что-нибудь более сексуальное под девизом встречи с мужем после долгой разлуки.

«Три с половиной дня – это долгая разлука или не очень?» – посмеивалась она, пребывая в игривом настроении.

И вдруг, как неожиданный взрыв бомбы, как террористический акт какой-то, когда человек остается совершенно бессилем что-либо сделать против чужой ужасной воли и действий – взорвалось Юрино заявление в ее жизни!

В ее разуме, мозгу, в сердце, в крови!!

Муж говорил, а Варя от шока никак не могла понять и осознать, про что он говорит, не могла сообразить, что значит он уйдет? Какая другая женщина? Откуда? И все думала, что Юра сейчас рассмеется и скажет что-то типа:

– Шутка!!

И пусть это очень глупая и дурная шутка, но Варя сначала посмеется, а потом ему такого навалит за этот идиотизм!

Но он не улыбался и не говорил «шутка», а был похож на тяжелобольного человека, объявляющего родным, что у него рак в последней стадии и он умирает, окончательно и бесповоротно.

Юра уехал, а Варвара так и не смогла принять и не понять в полной мере, что он на самом деле ушел к чужой женщине по имени Маргарита.

Разве может быть у чужой женщины какое-то имя?

Она постояла возле закрывшейся за Костроминым входной двери и побрела в квартиру. Зачем-то включила весь свет и ходила, ходила, недоумевая, что произошло, как заведенная больная и глупая кукла.

Варвара никак не могла взять в толк, что случилось? Она ехала домой,

горела нетерпением и думала о том, как они будут смеяться над ее веселыми историями, шутить и как ночью займутся любовью, потому что соскучились друг по другу ужасно, она привезла целую кучу подарков для Юры, не могла удержаться, чтобы не купить для него все самое лучшее и интересное.

А он ушел. Как? Куда? Зачем?

И она бродила по затихшей от беды квартире, разводила недоуменно руками, оглядываясь, и спрашивала себя:

– Он что, на самом деле ушел? На самом деле?

И качала головой – да нет, этого просто не может быть! Этого не может быть, что вы! Юра не может вот так взять и уйти от нее! Не может! Вы что, не понимаете?

И вдруг она сообразила – зачем она себя спрашивает-то, надо спросить у Юры! Он же всегда все знает! Он сейчас скажет, что ей привиделась такая ерунда и все это глупость несусветная...

И она побежала в кухню, где на столешнице оставила свой смартфон, схватила и торопливо набрала номер мужа.

И спросила его, спросила...

И он ответил. Произнес приговор и попросил его простить.

– Я попробую, – произнесла Варвара. – Простить. Постараюсь.

И осторожно, медленно нажала на клавишу отбоя.

Неожиданно навалилось тяжелое бессилие, и она, как-то боком, не глядя, опустилась на угол стула и сидела в полной прострации, пока осознание происходящего густой черной массой медленно заполняло ее существо...

И вдруг зазвонил телефон у нее в руке.

В сердце, в разум выстрелило мыслью – это Юра звонит сказать, что сейчас вернется, что он передумал уходить и все это глупость страшная... Но звонил папа.

– Варюша, ты дома уже? – заботливо спросил он. – Все в порядке?

– Я дома, все в порядке, – мертвым голосом подтвердила она и призналась: – Я не могу сейчас говорить, пап.

– Да, да, – понял он все по-своему, видимо, решив, что у дочери с мужем интим после разлуки. – Извини.

Она долго сидела так на углу стула в полной прострации, сжимая двумя руками телефон, и смотрела куда-то. Сидеть было неудобно, затекли ноги, спина, и покалывало что-то в позвоночнике и в пояснице, но Варя не обращала на это внимания, все смотрела куда-то в пространство, и в голове у нее крутилась мысль: «Юра ушел к другой женщине, Юра ушел к другой

женщине...»

А потом что-то щелкнуло в той самой голове, и Варвара будто очнулась – посмотрела вокруг, зацепилась взглядом за стоявшую на плите кастрюлю с позабытым ужином, деловито поднялась и принялась хлопотать. Разогрела ужин, положила себе в тарелку, села за стол и принялась неторопливо кушать.

Она ела, не чувствуя никакого вкуса и аромата, с таким же успехом Варвара могла бы сейчас жевать кусок старой крыши, но она ела, словно ритуал какой исполняла, а доев, промокнула губы салфеткой, положила ее рядом с тарелкой и произнесла вслух:

– Он сказал, что разберется там и вернется. Вот и все. Надо просто подождать.

И решила ждать.

Так же деловито вымыла посуду, убрала сервировку со стола, а остывший ужин в холодильник, затем умылась, все в той же сосредоточенной деловитости прошлась по всей квартире, выключая свет, в спальне переоделась в ночнушку и легла в кровать. Заснула моментально, словно выключилась.

Ей снилось что-то непонятное, пугающее – все в красно-черных тонах, кто-то мечется не то в огне, не то в каких-то сполохах кровавых, а тревожное состояние все нарастало и нарастало, пока вдруг не ударило страхом так, что Варвара проснулась, резко села в кровати, схватившись за сердце и тяжело дыша, словно пробежала стометровку на время. Ее прямо ударило мыслью, которая обожгла мозг:

– Юра!! – перепугалась она за него, закрыла глаза, прислушалась к своему непонятному страху и прошептала: – Береги себя, будь осторожен, очень осторожен. – И откуда-то извне прилетела не то просьба, не то молитва: – Не дай ему пропасть, Господи!

Она ничего не понимала, что это за сон жуткий, страхи и просьбы такие, но ей сразу стало легче и вроде как и страхи дурные улеглись и отпустили. Варвара сходила в кухню, попила водички, окончательно успокаиваясь, и твердо повторила принятый ею ранее план:

– Надо его ждать, точно! Ждать! – И поставила пустой стакан на столешницу, словно припечатала свое решение.

Что это было? Защитная реакция сознания?

Она ведь несколько дней после ухода Костромина на самом деле всерьез ждала его возвращения и готовила ужин на двоих. Даже к родителям своим съездила в гости и сообщила, что Юрочка невероятно занят, ему надо справиться с одним очень непростым делом, вот он

справится, и тогда они уже вместе придут.

Вот так ходила бестолково по квартире, ничего не делая – ни работала, не смотрела телик, даже не включала его для фона звукового, не читала ничего, не рисовала, не сидела в соцсетях, ни... не знаю, что там: не вязала крючком и цветы не пересаживала! Вот так тупо ходила по квартире целыми днями, выбираясь из дома лишь в магазин за продуктами.

Ждала!

День протекал за днем, но Костромин ни разу не позвонил и не объявился, никаким иным образом себя не обозначил в жизни жены.

Где-то через неделю позвонила секретарь Юры и спросила, оставлять ли для Варвары билеты на поездку и заказанные номера в гостиницах.

– Какая поездка? – не сразу сообразила она.

А секретарь напомнила, что они с мужем планировали на конец июня поездку в Италию и забронировали номера в нескольких гостиницах по городам намеченного ими маршрута. Юрий Максимович от поездки отказался и велел спросить у Варвары Леонидовны, поедет ли она, и если она решит ехать, то оставить все заказы в силе. Но только на нее одну.

С минутой-две Варвара сидела, осмысливая услышанную информацию, и никак не могла поверить в то, что это происходит на самом деле, вдруг ее осенила внезапная мысль, и она быстро ее озвучила:

– А Юрий Максимович планирует ехать в другую поездку?

– Насколько мне известно, нет, – растерялась секретарь и уточнила: – Мне он никаких распоряжений по этому поводу не давал. К тому же у него сейчас повышенная загруженность заказами и новыми клиентами.

– Спасибо, Кристина, – спокойно поблагодарила Варвара и уведомила: – Вы можете аннулировать все брони, я без Юрия Максимовича не поеду. Всего доброго.

Медленно нажала клавишу отбоя и держала ее несколько секунд.

Значит, он все время занят?! Да?!

Этой новой женщиной?! До такой степени, что он ни разу не позвонил Варе и отказался от запланированной еще полгода назад поездки в Италию?

Вот такая у него теперь занятость, да?!

И Варвару накрыло безумным отчаянием, как тем самым неотвратимым стихийным бедствием.

Вот теперь ей стало по-настоящему плохо, совсем плохо. Она переживала такое чувство, будто умерла, но почему-то никак не может оторваться от своего тела, уже совсем мертвого и ненужного, и улететь наконец куда-то туда, где уже безразлично все на свете. Ей так больно в

этом не отпускающем теле. Так больно...

Период бездумного хождения по квартире в ожидании возвращения Юры сменился лежанием на диване и бесконечным обдумыванием факта предательства мужа и нескончаемых, уничтожающих ее мыслях о том, что он сейчас делает с той женщиной и чем именно с ней занимается.

Первым у нее пропал смех, в какой-то момент Варвара поняла, что не может смеяться, даже улыбаться больше не получается, а следом за ним пропало желание заниматься работой, творчеством – она просто не могла рисовать, не могла смотреть на пустой листок бумаги, даже подходить к своему рабочему столу не могла.

Зачем рисовать? Тут жизнь пропала, какие рисунки?

Она лежала несколько дней на диване и испытывала адскую боль, постепенно захватившую все пространство ее разума и организма, – у нее болело все! Тело, зубы и волосы, ногти на пальцах и даже мысли, которые лезли тягучим, бесконечным болезненным потоком, цепляясь одна за другую.

Так бы и лежала дальше, проваливаясь в какую-то черную дыру безысходности, но приехали обеспокоенные до крайности родители и практически насильно увезли ее к себе домой.

Там Варвара тоже лежала, отвернувшись к стене, только теперь на своей старой девичьей кровати, и мама с папой хлопотали вокруг, перепуганные ненормальным состоянием дочери.

А ей было все равно.

До того момента, пока однажды ночью не пришел папа. Ночь стояла глубокая, часа, наверное, три где-то. В комнате не горел даже ночник, но отсветов уличных фонарей и немеркнувшего сияния вечно не спящей ночной Москвы, льющих через не зашторенное окно, вполне хватало, чтобы видеть все ясно и без прямого света.

Папа тихо вошел в спальню дочери, затворил за собой дверь, поставил стул у изголовья ее кровати, сел явно основательно, не на пять минут, помолчал, повздыхал, и произнес, точно зная, что она не спит:

– Юра приходил ко мне и честно постарался объяснить, что с ним произошло.

Варвара долго не отвечала, и он молчал, но все же произнесла чужим злым голосом:

– Это со мной случилось, папа, а с Юрой все в порядке. У него новая женщина.

– Нет, Варюш, с ним как раз не все в порядке, с ним беда. Он с этой бедой один на один остался и пытается как-то с ней справиться в одиночку.

– Что значит с ним беда?! – взорвалась вдруг Варвара и резко села на кровати, развернувшись лицом к отцу: – С ним все замечательно, у него такой офигенный секс, от которого он просто не может отказаться! Так ему там хорошо! Его к ней, понимаешь, тянет неодолимо! Ко мне вот больше не тянет, а к ней неодолимо! Так что с ним все прекрасно, папа! У него новая веселая жизнь! А моя вроде как закончилась!

– Твоя жизнь не закончилась, даже если вы больше не будете с Юрой вместе, – ровным тоном возразил Леонид Николаевич. – Жизнь очень непростая штука, дочь, и в ней случаются порой трудные и горестные этапы. Но она на этом не заканчивается и продолжает идти, и, как бы тяжело ни было человеку, приходится жить дальше. А еще жизнь имеет замечательное свойство заживлять нанесенные раны и преподносить удивительные сюрпризы.

– О чем ты говоришь, папа! – продолжала возмущаться Варвара, еле сдерживая слезы. – Какие сюрпризы, когда у меня жизнь пропала?! Совсем пропала! Нет ее больше!!

– Я тоже так когда-то думал. Именно вот так, теми же словами: «Жизнь пропала». И чувствовал такую же боль, как и ты сейчас, – посмотрел он на нее, погладил по голове и улыбнулся печально. – Я именно об этом хотел тебе рассказать. А еще о том, что сказал мне Юра. Он честно признался мне во всем. Я понимаю, ты обиженная женщина и жена, тебе очень больно, но ты должна осознавать, что у него случилась не пошлая связь и страстишка какая, а настоящая беда. – И остановил дочь властным жестом руки, когда Варя попыталась что-то горячо возразить: – Подожди возмущаться, выслушай меня, а потом поговорим.

– Ну, хорошо, – переплетя руки, продемонстрировала Варвара готовность его слушать, села повыше, подоткнув под спину подушку.

Это ее возмущение было первым проявлением живых эмоций за неделю неподвижности и полной отстраненности от мира и жизни, что не могло не порадовать Леонида Николаевича, но он скрыл свои эмоции от дочери. Сейчас было куда важнее другое – достучаться до нее, объяснить.

– Я никогда тебе не рассказывал, почему и как ушел из моей первой семьи, ты знала только, что мы развелись с Женей, а через какое-то время я встретил твою маму. И я бы никогда не стал посвящать тебя в подробности той истории, потому что это не только мои секреты и не только моя боль, да и мне, как отцу, не очень ловко говорить с дочерью о таких вещах, но, думаю, сейчас тебе необходимо об этом узнать. – Он помолчал, вздохнул и приступил к непростому рассказу.

А Варвара отчего-то подобралась вся, внимательно слушая каждое

слово, улавливая каждую интонацию, интуитивно почувствовав, что то, что рассказывает папа, может спасти ее от ужасной боли, в которой она теперь живет.

Леонид Николаевич всегда был мужчиной спокойным, мудрым, рукастым, хозяйственным, серьезным человеком и настоящим семьянином. Настоящим надежным мужчиной.

Они поженились с Евгенией Борисовной в шестьдесят первом году, когда ему было двадцать пять лет и он уже работал ведущим инженером на заводе, а ей двадцать два и она только окончила тот же институт, что и он.

В шестьдесят втором у них родился первенец Николай, а через четыре года второй сынок Игорь. Они были обыкновенной советской семьей с достатком чуть большим, чем у многих, потому как Леонид Николаевич очень хорошо зарабатывал, да и жена его неплохо получала. Ну, и отличались немного от других тем, что старинный род Добродеевых имел дворянские корни и среди предков были известные личности. Из материального же наследия удалось сохранить через все революции, репрессии и войны только квартиру на Ордынке, в которой они и проживали.

А так все, как у всех.

Хорошая советская, по-настоящему крепкая семья.

Между Леонидом Николаевичем и Евгенией Борисовной царила полная гармония и взаимопонимание, поскольку была у них любовь настоящая. Красивая даже.

Парни выросли, старший поступил в МГУ, о котором мечтал еще со школы, и через два года женился на однокласснице, очень милой и хорошей девочке. А к концу учебы, перед самым получением дипломов, у молодых родился первый сынок Иван.

Младший же сын Игорь решил стать военным, продолжить династию по отцовской линии, в которой имелись аж целых два генерала – один царской армии, а второй уже Красной, – и поступил сначала в Суворовское училище, а по окончании его в училище ВДВ.

Жили себе и жили, сыновьями гордились, внуку Ванечке радовались и счастьем молодых, да случилась в семье беда.

Получила Евгения Борисовна у себя на производстве бесплатную путевку от профсоюза в один из самых известных санаториев страны в городе Пятигорске как поощрение и награду за присвоение ей звания «Ударник коммунистического труда».

Аж на двадцать один день! И в летний сезон!

Это было очень круто по тем временам, ну прямо очень!

Отправляли-проводжали чуть не с оркестром, так все за нее радовались – и семья, и ее рабочий коллектив.

Сначала она звонила через день с переговорного телефонного пункта и восторженно рассказывала, как отдыхает, как пьет знаменитую водичку, какие процедуры делает, и письма писала. А потом что-то замолчала и позвонила еще пару раз только – один, чтобы успокоить, что у нее все хорошо, а второй сообщить, каким поездом приезжает, чтобы ее встречали – гостинцы везет!

В те же времена с юга всегда везли ящиками фрукты, овощи, гостинцы местные. Вот и она привезла.

Леонид Николаевич сразу заметил в жене непонятную перемену. Ну, прическу сменила, похорошела-помолодела, это понятно: отдохнул человек, накупался, назагорался, вон вся золотистая от загара, но как-то слишком она возбуждена, что-то рассказывает восторженно, громко, без остановки смеется, вся какая-то заведенная.

Посидели, как принято, за торжественным ужином, с гостями «курортницу» встретили, как положено, даже младший сынок Игорек в увольнение приехал с мамой повидаться. А ночью, после того как гости разошлись, вымыли посуду, навели порядок и все утомонились, муж к ней с ласками, а она отговорилась, устала, мол, с дороги и нехорошо себя чувствую.

Ну, что сделаешь, всякое бывает.

На следующую ночь Евгения снова отказала ему под предлогом, что задержалась на работе и устала, действительно, вернувшись очень поздно, почти в двенадцать ночи, только дня через три вроде как и сложилось у них. Да как-то странно – торопливо, без былой страсти и нежности, и она все подгоняла мужа, а после отвернулась на бок и заснула.

Ему бы сразу догадаться, в чем дело, но Леонид Николаевич настолько доверял жене, настолько был в ней уверен и воспринимал себя с ней одним целым – одной любовью и жизнью, что у него и мысли мимолетной не возникло, что у нее случился банальный курортный роман.

Но случился. И не банальный, а страшный, губительный, разрушительный, накрывший взрывной волной всю семью, как война!

Это был не просто роман, случилась у Евгении безумная, убийственная страсть. Та страсть, которая разрушает все на своем пути. Страсть, от которой умирают.

Объект этой убийственной любви Евгении Борисовны обладал редкой способностью разжигать в женщинах сексуальную необузданность,

которую удовлетворял так мастерски, что они теряли всякий рассудок, и этим он привязывал их к себе, разумеется, используя эту их привязанность в своих целях, манипулируя женщинами, потерявшими голову.

Не просто альфонс какой-нибудь, профессиональный молодой красавчик, которых в те времена практически-то и не водилось. Этот мужчина внешне ничего особенного собой не представлял – к сорока годам, невысокий, немного лысоватый, животик, кривоватые короткие ноги и, хоть и мягко выраженная, но все же кавказская внешность.

Он находил себе очередную жертву и так ласкал и распалял ее в сексе, что женщине просто сносило разум и она становилась совершенно невменяемой и зависимой от него, как жертва направленного зомбирования, как сейчас бы сказали.

И эту их привязанность было невозможно остановить.

Мужчина приехал в том же поезде, что и Евгения, только в другом вагоне, поставив ей условие:

– Хочешь быть со мной, пропиши меня в Москве, как хочешь, но пропиши!

И она сделала это всеми правдами и неправдами, бегала в какие-то инстанции, собирала документы и прописала-таки его в коммуналке, где проживала мама Леонида Николаевича, которая оставила квартиру детям. Правда, повезло, прописали героя-любовника временно, на пять лет, да и то потом... ну об этом позже.

Уже через неделю стало понятно всем родным, что с Евгенией Борисовной происходит и творится что-то непонятное – она постоянно пропадала после работы, возвращалась за полночь возбужденная, глаза лихорадочно горят, стала по-особому одеваться, молодиться, прихорашиваться, похудела и была вся погружена в какие-то свои мысли, загадочно и отстраненно улыбаясь.

Леонид Николаевич пытался поговорить с женой начистоту, выяснить, что происходит, но она недовольно отмахивалась, злилась его вопросам и совершенно отказала ему в интимной близости, что-то наговорив про возрастные изменения и что, мол, ей стало это болезненно.

Но теперь-то он ясно видел ненормальность поведения жены и предпринял еще несколько настойчивых попыток поговорить с ней и все выяснить, но она резко отказывалась, объясняя, что ужасно устает на работе, разве он не видит! У них новый проект, аврал, и она приходит ночью еле живая – о чем тут говорить!

Ну, может, подумал тогда он.

Дальше становилось все хуже и хуже и непонятней – сначала из дома

пропали деньги, которые откладывали на ремонт и новый холодильник, расследование ни к чему не привело, никто не признался, и решили, что куда-то засунули, перепрятали и забыли.

– Что значит засунули? – возмутился Леонид Николаевич. Он совершенно вменяемый, здравомыслящий человек, знающий, что и где находится в его хозяйстве. И все же не нашли, жена нервничала, возмущалась каждый раз, когда обсуждали пропажу, и тему как-то потихоньку замылили, как говорится, до выяснения.

Потом Евгения устроила скандал, когда ее попросили посидеть с внуком в выходной день, заявив, что у нее есть и свои важные дела, а раз родили, то вы и занимайтесь, и, хлопнув в сердцах дверью, куда-то ушла и не возвращалась до поздней ночи.

Потом пропали все ее золотые украшения, вот тогда-то Леонид Николаевич и осознал в полной мере, что в их семье происходит нечто совсем уж плохое. И пошел к проходной завода, на котором работала Евгения Борисовна, поговорить с ее начальством про этот их странный затянувшийся аврал.

Вот там он и увидел ее с этим мужчиной.

И все сразу понял.

Ночью, дождавшись ее возвращения, он усадил жену в кухне напротив себя и сказал, что видел, как она целовалась с мужчиной.

И тогда случилось что-то дикое! Она рассмеялась каким-то ненормальным, утробным смехом, сказала, что рада, что муж наконец все узнал и теперь можно ничего не скрывать, призналась, что встретила мужчину всей своей жизни и он настоящий, не в пример Леониду.

Она говорила и говорила, как любит ее тот мужчина и что она первый раз в жизни и только с ним поняла, что такое настоящее удовольствие... и несла что-то еще на грани нормальности.

– Хорошо, – остановил этот мутный признательный фонтан Леонид Николаевич. – Если у тебя такая любовь, ты можешь идти к нему, я тебя отпускаю и на развод сам подам.

– Он снимает угол у своих родственников, я сделала ему прописку у твоей мамы, правда, временную. Я буду жить здесь, – объявила Евгения с победным видом. – А вот когда мы найдем нормальную квартиру, тогда я и уйду к нему!

– Это ему ты отнесла деньги и золото? – спросил ее муж.

– Ему очень были нужны деньги, его обокрали, а мы еще заработаем, – отмахнулась она.

Леонид Николаевич был вынужден на следующее утро объясняться с

сыном и невесткой, которые слышали весь их разговор с женой.

С той ночи начался ад их жизни.

Теперь Евгении не надо было скрываться и врать, и она жила как хотела – приходила поздно ночью, частенько под хмельком, а то и вовсе пьяной, в любое время дня и ночи мог позвонить ее мужик, совершенно не стесняясь уже никого из домочадцев, и она тут же неслась к нему на зов. Она отдавала ему всю свою зарплату и могла несколько дней ничего не есть, постоянно находилась в состоянии перевозбуждения, глаза ее лихорадочно блестели, она начинала что-то говорить и забывала на половине фразы, о чем говорит.

А однажды произошла и вовсе ужасная история, после которой уже никто из родных не мог относиться к Евгении Борисовне как к нормальному, адекватному человеку.

В редкий выходной день, когда она оказалась дома, невестка с сыном затеяли генеральную уборку и попросили маму погулять с малышом, пока они тут убирают.

Леонида Николаевича в тот день неожиданно вызвали на работу, там случилась какая-то небольшая, но неприятная авария. Аварию ликвидировали быстро, и уже к обеду он возвращался домой, как вдруг заметил в сквере через дорогу знакомую коляску, над которой склонилась какая-то женщина.

Внучок Ванечка заходился страшным ревом, а женщина качала коляску, пытаясь его как-то успокоить.

– Ваш? – спросила она строго подошедшего к ней Леонида Николаевича.

– Наш, – подтвердил он.

– Что ж вы, мужчина, ребенка одного без присмотра оставляете? – напустилась на него незнакомка.

– Как одного? – не поверил он. – С ним бабушка была.

– Ушла ваша бабушка, – сообщила ему женщина. – Уж час назад, как ушла. Забирайте, – двинула она ему коляску. – Нам с Сережей, – и она кивнула на своего сынишку, возившегося в песочнице, – давно домой пора, а мы тут с вашим младенцем занимаемся. Хорошо хоть я вас помню, вы часто с ним гуляете, а так бы в милицию отвезла и заявление написала.

Он поспешил поблагодарить женщину, и она рассказала, что к Евгении Борисовне подошел какой-то мужчина, явно кавказец, они с ним о чем-то поговорили и ушли вдвоем, а коляску она просто оставила.

Бесполезно было о чем-то с ней говорить, вразумлять и стыдить. Коля с женой попытались поздно вечером, когда она вернулась, но Евгению не

интересовало ничего, она просто отмахнулась:

– Вот сами и гуляйте с ребенком, а у меня своя жизнь.

И ушла спать.

«Своя жизнь» бросил ее через месяц, найдя себе другую, помоложе и с жилплощадью.

И началось в семье еще более дикое безумие! Евгения Борисовна бегала за «мужчиной своей жизни», подстерегая его везде, где могла, рыдала, орала, выла, уговаривала его вернуться и обещала, что все для него сделает, она бросалась в ноги Леониду Николаевичу и умоляла его перевезти к ним маму жить, а ее возлюбленному отдать ее комнату в коммуналке и тогда к ней вернется ее единственная любовь.

Они запирали Евгению на замок, чтобы остановить, когда она рвалась из дома, но она выбиралась через окно на карниз подъезда, спускалась по нему и бежала к тому мужчине. Они врезали замок в дверь спальни и запирали ее там, и она выла, кричала, требовала, чтобы ее отпустили, и билась в дверь.

Взрослая, сорокашестилетняя женщина, с высшим образованием, инженер, ведущий специалист на работе и руководитель отдела, прекрасная мать, жена стала совершенно невменяемой от необузданного секса и животной, болезненной привязанности к этому мужику.

Им пришлось положить ее в знаменитую Клинику неврозов. Посовещались с детьми, поджались в расходах, сложив месячную зарплату Леонида Николаевича и еще кое-что продав, и заплатили тайно нескольким врачам, чтобы те оформили больничный лист, как последствия тяжелого сотрясения мозга, следствие случайной травмы головы, чтобы после выписки Евгения Борисовна смогла продолжить работать в той же должности.

Больше месяца она пролежала в клинике. Вышла другим человеком: постаревшая, поседевшая, увядшая, притихшая, какая-то потерянная, стала постоянно просить прощения у всех родных и частенько вдруг застывать задумчиво, улыбаясь чему-то внутри себя, видимо, вспоминая свою большую любовь.

«Большую любовь» из маминой коммуналки Леонид Николаевич выписал за месяц, пока жена лежала в больнице, и морду ему набил от души. Тот вроде бы грозился в милицию жаловаться, да Леонид Николаевич объяснил популярно, что и как он, коренной москвич, может сделать с наглцем и в какую милицию он может обратиться. На этой ноте выступления горячего кавказского мужчины закончились.

Он исчез из их жизни, но навсегда остался в ней больной памятью,

исковеркав жизнь Евгении Борисовны и всей семьи. Она постепенно отошла от потрясений, вроде бы начала возвращаться к жизни, но изменилась кардинально, став совершенно другим человеком.

Что-то непоправимо сломалось в ней.

Сломалось так сильно, что исправить это не имелось никакой возможности – и снова стать женой Леониду Николаевичу она уже не могла.

Она каялась, плакала и становилась на колени, просила у мужа прощения, да он и простил давно уж, еще тогда, когда билась она о двери, рвалась бежать к любимому, тогда и простил, все поняв и посочувствовав. Только жить с ней вместе больше не мог.

Не мог, и все. Попрали его любовь, и осталась от нее лишь жалость.

А с жалостью в постель не ляжешь и о своем сокровенном не пошепчешься, не посмеешься вдвоем и радость-беду не разделишь.

И он ушел.

Стал жить с мамой в ее коммуналке.

Евгения Борисовна работала, но домом совсем не занималась и детям не помогала – угасала разумом, стояла часами у окна, смотрела куда-то вдаль и улыбалась загадочно и грустно. Показывали ее врачам, те никаких патологий и болезней не находили, как физических, так и душевных. А она угасала – худела, стремительно старела на глазах.

Леонид Николаевич даже вернулся в семью на какое-то время. Решили они с детьми, может, так ей полегче станет. Ан нет, не стало, а даже еще усугубилось, при виде мужа Евгения Борисовна сразу начинала плакать и просить прощения. И он снова ушел в свою коммуналку.

А потом она пропала. Ее нашли в Москве-реке.

И не смогли установить, сама ли она туда прыгнула или что-то случилось, ушиб на голове обнаружили – непонятно, самоубийство это было или грабеж.

Но Леонид Николаевич точно знал, да и дети понимали – сама ли, или кто другой угробил, но жить она уже была не в состоянии и, что самое страшное, не хотела. И не стала бы. Забрал у нее всю ее жизнь кавказский Ромео. Всю и без остатка.

А через полтора года Леонид Николаевич встретил свою Лидочку ненаглядную.

Так что и не поймешь порой, к чему беда случается, бывает, что и к великой радости.

– Нынче время просвещенное, разные теории обо всем имеются, в том

числе и религиозные. Я человек маловерующий, ты знаешь, – заканчивал свой рассказ Леонид Николаевич тихим, печальным от воспоминаний голосом. – Хотя и крещенный бабушкой. В церковь особо не хожу, так иногда свечку поставить, попросить о чем, да иногда на праздник какой. Молитв толком не знаю, кроме «Отче наш». Но знаю, что в православии, да и в других религиях, то, что случилось с моей женой, называют дьяволизмом или бесовщиной. Она и вела себя так, словно в нее дьявол какой вселился. – Он замолчал, погрузившись в свои мысли, подумал и продолжил объяснять то самое важное, зачем пришел к дочери среди ночи: – На седьмой день после ухода от тебя Юра приехал к нам и честно мне все рассказал. Есть такие мужчины и женщины, которые обладают невероятной сексуальной привлекательностью и магнетизмом, настолько сильным, что это сводит их партнеров с ума. Как правило, такие люди хитрые манипуляторы и тонкие психологи и могут управлять человеком, попавшим в зависимость от них, как им угодно. Эти люди не обладают ни жалостью, ни нравственностью, никакой моралью, их интересует только удовлетворение своих амбиций и желаний. И частенько люди погибают после связи с такими особями. Юра попался именно такой женщине. Поверь мне, я знаю, о чем говорю, пройдя через этот ад и видя это воочию. В жизни всякое случается, на то она и жизнь: у вас с мужем могли с годами остыть чувства и ты или он могли встретить другого партнера, я же вон встретил Лидочку, хотя жену свою первую любил и не мыслил расставания с ней. Можно понять и по-человечески простить и принять любовь к другому человеку как нечто неизбежное. Но Юра встретил не любовь, а нечто разрушающее, темное, безумное. Он сопротивляется и борется, хоть и не понимает этого пока до конца. Ты можешь обвинять его во всем, можешь отречься от него, жить со своей обидой и лелеять ее, это твое право, и ты на самом деле обижена. Но я от Юры не отрекусь и буду ходить в церковь, ставить свечку ему за здоровье и молиться, а вдруг это поможет. Вот так, Варюха, – вздохнул Леонид Николаевич и погладил дочь по голове. – Вот и думай про любовь, которая «долготерпит, милосердствует, все покрывает, всего надеется, все переносит».

– Это что? – потрясенным шепотом спросила Варвара.

– Это? – переспросил, усмехнувшись, Леонид Николаевич. – Первое послание к Коринфянам, поищи в Интернете, много интересного почерпнешь.

В тот первый вечер, когда Костромин пришел к Маргарите, он окончательно убедился в абсолютной ненормальности своих чувств к этой

женщине.

В ожидании и красочных предположениях, что и как произойдет у них постели, он все же еще мог здраво мыслить и о чем-то другом, пока находился не рядом с ней.

От идеи купить цветы Костромин отказался сразу – цветы это из другой оперы про любовь, влюбленность, флирт, симпатию, уважение и восхищение – ничего из вышеперечисленного он точно не испытывал к Маргарите. Насколько он понял натуру этой девушки, ее главенствующее устремление в жизни – богатство и роскошь любым способом и средствами. А значит, она обожает все, что относится к атрибутам этой самой шикарной жизни. Вот он и заехал в дорогой магазин, купил каких-то деликатесов разнообразных и бутылку достойного вина.

Она открыла ему дверь, условно одетая в прозрачный пеньюар, накинутый на голое тело, и пока Юрий совершенно ошарашенно уставился на это самое тело, протянула руку, ухватила его за лацкан пиджака и рванула к себе с неожиданной силой.

Как только Костромин прижался к телу девушки, в тот же миг все вокруг них поглотила тьма непроглядная, в которую был увлечен весь его разум и сознание.

Между ними происходило какое-то дикое, исступленное животное совокупление, завершившееся безудержным оргазмом, граничащим с болью.

Ничего подобного никогда Костромин не испытывал. Они несколько часов подряд занимались неистовым сексом, отнявшим у него все жизненные силы и разум, пока не распластались на кровати, полностью обессиленные и истощенные.

Костромин уже практически провалился в беспокойный сон, когда на самой последней секунде, граничащей между сном и явью, перед ним вдруг возникло лицо Варюхи. И, как заветный огонек в окнах родного дома, где тебя всегда ждут, пробивающийся сквозь непроглядную тьму ночи, обогрели его огоньки ее весенних глаз, и она твердо, но обеспокоенно произнесла:

– Уходи оттуда, Юра! Тебе нельзя там оставаться, и спать там нельзя! Уходи!

Сил не было вообще! То есть даже сколько-нибудь, ощущение было такое, что его полностью выпили до дна. Какой волей, бог знает, но Юра смог заставить себя сначала перекатиться на бок, потом как-то со стонами и стариковским кряхтением сесть, спустив ноги с кровати. Посидел немного, перевел дыхание и заставил себя встать.

Хотел просто одеться и уйти, но, реально оценив свое физическое состояние, понял, что не сможет, надо как-то взбодриться, и поплелся в душ.

Осмотрев себя в зеркале, Костромин не удивился тому, что был весь исцарапан – на спине, груди и животе везде остались кровавые следы от ее ногтей, имелась еще и парочка укусов на плечах. Он удивился тому, что не истерзан и не исполосован полностью, а на плечах только укусы, а не вырванные куски мяса – настолько безудержно и агрессивно Маргарита вела себя в постели, до безумия и какой-то низменной животности – царапала его, кусала, громко выла и даже визжала совсем дико, не говоря об определенных «пристрастиях» в сексе.

Ничего подобного Костромин не переживал никогда, назвать это удовлетворением и радостью от секса все равно что сравнить смерч с весенним ветерком – это полное опустошение, оргазм с болью пополам, но это так яростно шибало по всем центрам удовольствия, по сознанию, что даже сейчас, рассматривая следы ее ногтей на своем теле, Костромин понимал, что придет к ней завтра, и послезавтра, и...

Он тряхнул головой и, постанывая, полез под душ.

Рита спала в той же позе, в которой отключилась после последнего занятия сексом, – раскинув руки и ноги в стороны. Уже одевшийся Юрий попытался ее разбудить, предупредить, что уходит, чтобы она закрыла за ним дверь, но девушка не реагировала на его попытки добудиться, как он ее ни тряс. Юрий присмотрелся повнимательней, наклонившись к ней поближе, удивился – она спала странным, совершенно мертвым сном: абсолютно расслабив все мышцы тела и мерно, ровно дышала.

Он поразился, никогда не встречал и даже не читал о том, что человек может полностью расслабиться во сне и так глубоко спать.

Ну, ладно, решил Костромин, вроде как он взбодрился немного после душа, и раз уж она так спит, тогда сделаем-ка одно дело, которое он задумывал.

Будем считать, что возможность появилась.

С того момента, когда девушка первый раз коснулась его в примерочной магазина и его шибануло горячим желанием, у Костромина возникло устойчивое ощущение, что он попал на войну, и это ощущение только крепло с каждой новой встречей, а после этого безумного секса, что произошел у них сегодня, так и вовсе стремилось к устойчивой уверенности. Еще не война, но предчувствие.

А если мы где-то близко к войне, то что? Правильно – надо знать о своем противнике как можно больше.

Информация рулит в наше время!

Костромин прихватил с тумбочки смартфон и планшет, с которыми Маргарита никогда не расставалась, расположился на диване за журнальным столиком и пододвинул к себе ее ноутбук.

Ну, так-с! Времени особо нет, непонятно, сколько дамочка спать продолжит в таком состоянии, но собираясь на... На что? Свиданием это точно не назовешь, а более грубо не хочется. Словом, собираясь к ней в гости, он прихватил с собой декодеровщик именно с целью такого вот шпионажа. Пароль у нее на компьютере стоял простенький и вскрылся минуты за три, так же как и на телефоне, и на планшете.

Понятное дело, что Костромин не терял своих хакерских навыков, а все эти годы только холил их, пестовал, углублял и расширял, находясь в курсе всех новшеств и инноваций в программировании и усовершенствовании систем защиты. Поэтому быстро загрузил на комп девушки и в планшет несколько программ-невидимок, устанавливающих его удаленный и абсолютно полный контроль над всеми ее гаджетами, который лично Маргарите будет совершенно не заметен, вскрыл все ее пароли: почты и в соцсетях, просмотрел некоторые файлы и быстро свернул свою шпионскую деятельность.

Все остальное он посмотрит уже со своего компа без суеты.

Только перед тем как уйти, извлек паспорт из ее сумочки и сфотографировал его данные.

В гостиницу Костромин вернулся около двух часов ночи и с ходу рухнул на кровать, отключаясь еще в полете.

Все.

Но, как ни странно, проснулся он в шесть утра, чувствуя себя совершенно обессиленным, определенно понимая, что спать уже не сможет.

Ну, ладно, раз не спать, то займемся делом.

Костромин включил ноутбук и погрузился в работу – сначала покопался в ее файлах, с удивлением обнаружив среди них и парочку зашифрованных, а после и в Сеть отправился.

Через три часа Юрий знал про жизнь и подвиги Маргариты Каниной все, как и то, зачем лично он ей понадобился со всеми своими потрохами и какие именно планы на его счет выстроила девушка, и это знание ему очень не понравилось.

Очень не понравилось! Но было уже поздно...

К десяти годам Маргарита точно знала, что отличается ото всех остальных девочек – не имело большого значения, как она одевалась и

выглядела, как вела себя и, по большому счету, что говорила и делала, потому что непонятным образом все мальчики в классе задирались, проявляя интерес только к ней, и хотели дружить только с ней, игнорируя всех остальных красавиц и умниц. И мальчики других классов тоже.

Когда она задала вопрос маме, отчего так происходит, та посмотрела на дочь странным многозначительным взглядом и порекомендовала спросить об этом у бабушки.

А бабушка рассмеялась громко, выслушав вопрос внучки, закурила сигарету и, тоже странным пристальным взглядом посмотрев на Риту, обещала, что расскажет, но когда та немного подрастет.

– А пока наслаждайся этим вниманием мальчиков и учись ими управлять, – посоветовала она.

– Поясни! – потребовала внучка.

Ну бабушка и пояснила, как управляться с влюбленными мальчиками и извлекать максимальную пользу для себя из этой их влюбленности. И Рита начала управлять и извлекать. У нее о-о-отлично получалось, просто замечательно!

К четырнадцати годам она настолько натренировалась манипулировать мальчиками, да и мужчинами постарше, что делала это уже автоматически, практически не отдавая себе отчета, лишь иногда раздумывая, как бы половчей использовать их влюбленность, когда ей хотелось чего-то более масштабного, чем то, что они предлагали сами.

Все эти четыре года бабушка зорко за ней приглядывала, наставляла, объясняла, как надо управлять мужиками, интригуя Ритку ужасно:

– Не вздумай переспать с каким-нибудь мальчиком и лишиться девственности, потеряешь всю свою жизнь тогда, останешься в этом городишке зачуханном навсегда и богатой никогда не станешь!

Во-о-от, это была «Красная кнопка» Ритки! Ее «Ядерный чемоданчик»! Стать богатой Ритка хотела до дрожи, до неистовства – это была ее основная задача, Большая Цель и главная мечта всей жизни! И, разумеется, уехать из этого дурацкого города в Москву, жить там и разъезжать по всему миру!

Она зависала в Сети, изучая жизнь богатых людей, вещи богатых людей, название магазинов, ресторанов, марок, трендов, которыми пользовались богатые и знаменитые. Она изучала все, что только можно было найти про богачей и известных людей: что они едят, как одеваются, как говорят, ходят, чем пахнут, где отдыхают – все-все-все; она точно знала, что у нее будет то же самое, и готовилась к этой своей роскошной жизни!

Поэтому бабушкино предупреждение о возможной потере шанса на

эту самую, уже примеренную на себя элитную жизнь попадало в самое яблочко ее страхов и намерений, и как ни уговаривали ее знакомые мальчишки и мужчины разных возрастов вступить в интимную связь, именуемую сексом, и чего только не сулили ради ее любви и не обещали, Ритка стояла твердо и решительно – нет и все!

Грянул ее день рождения – четырнадцать лет, и именно в тот день бабушка наконец объяснила внученьке многое, дала верное направление той самой своей счастливой, упакованной жизни и приняла на себя руководство по достижению внучкой ее великой Цели.

Бабушка, мамина мама, Эльвира Андреевна, жила отдельно от дочери и ее семьи – Ритки и отчима, маминого второго мужа – в своей шикарной двушке семидесяти метров площади в старинном доме в самом центре города. Почему и как ей удалось заполучить такую квартиру и на какие деньги бабушка вообще живет, позволяя себе много чего шикарного, интересовало Ритку сколько она себя помнила.

Когда дочь донимала маму, выпрашивая о бабушкином благополучии, она отводила взгляд и советовала спросить у самой бабушки, а та загадочно усмехалась, никаких семейных секретов не раскрывала и обещала посвятить внуку в тайны тогда же – когда Ритка подрастет.

Причем своей сытой и обеспеченной жизнью Эльвира Андреевна ни с дочкой, ни с внучкой единственной не делилась, давным-давно отучив даже обращаться к ней за помощью. Когда Ритке было лет девять, она слышала разговор бабушки с мамой на эту тему.

Эльвира Андреевна пришла к ним в гости, и они о чем-то тихо беседовали с мамой, сидя за столом в кухне, а Ритка подслушивала.

– Мне очень надо, я же тебя редко прошу, – отчаянно уговаривала бабушку мама.

– Просишь ты постоянно, – остановила ее уговоры строгим голосом бабушка и вразумила: – И мы регулярно это обсуждаем. Лена, я сто раз тебе говорила: я не для того столько лет дерьмом этим занималась, чтобы в старости содержать тебя и твою семью. Я сделала для тебя больше чем достаточно – растила, балуя вещами и деликатесами, отдыхать на все курорты страны возила, для тебя было все по самому высокому разряду, высшее образование дала, квартиру подарила. Все, дальше сама.

Ну вот Ритка подросла, и пора бы ей узнать будоражащие ее воображение семейные тайны.

Пора! Она созрела!

Во время застолья, которым отмечали день рождения Маргариты родственники, друзья мамы и отчима и Риткины друзья, бабушка вдруг

пригласила внучку пойти к ней в гости, попить чайку вдвоем, как она выразилась.

Ритка, бросив гостей, друзей и родственников, не обращая внимания на их уговоры остаться, удалилась с бабушкой в самый разгар празднования.

У себя дома Эльвира Андреевна налила внучке чаю, как и обещала, а себе бокал красного вина, закурила сигарету, развернувшись на стуле, чтобы лучше видеть Ритку, закинула ногу на ногу и смотрела на нее чуть прищурившись, словно изучала какое-то время, а потом усмехнулась с большим значением, отпила глоток вина, затянулась от сигареты, выпустила дым и спросила, хмыкнув:

– Ну что, хочешь знать, почему к тебе тянет мужиков, как пчел на мед?

– Ты обещала! – рассердилась Ритка, напомнив про сто раз повторенное бабушкой за это время обещание все рассказать, данное еще четыре года назад.

– Да, – кивнула та и вздохнула. – Ну, что ж, действительно пора. И пришло время направить твою жизнь в правильное русло. – И произнесла особым тоном с нажимом на каждом слове: – Ты, девочка, получила от природы выигрышный лотерейный билет, с помощью которого добудешь свою богатую и счастливую жизнь, а в придачу к ней все, что пожелаешь. Есть такое понятие «манкость», это когда человек обладает определенной сексуальной и эротической притягательностью. Слышала, наверное?

– Слышала и в Инете все на эту тему изучила, – подтвердила Ритка и отмахнулась. – Это я про себя давно знаю, ничего нового.

– Так вот, ты обладаешь не какой-то там банальной манкостью, а уникальной сексуальной привлекательностью такой силы и мощи, от которой будут с ума сходить все мужики. Всегда. Ну, может, за редким исключением.

– Так, – обалдела Ритка, – а поподробней? И откуда ты знаешь, что я такая?

– Это проявляется еще в детстве, но понять и распознать такое свойство в ребенке может только знающий человек.

– А ты знающий?

Эльвира Андреевна усмехнулась, сделала глоток вина, поставила бокал на стол, затянулась, выпустила дым и, иронично улыбаясь, сообщила внучке:

– Я трудилась суперэлитной проституткой, обслуживая все высшее руководство нашей области под патронажем КГБ. А также соблазняла приезжих нужных людей и иностранцев по заданию партии. Я прекрасно

знаю, что ты с рождения прагматичная и расчетливая девочка и любой наивности лишена еще, наверное, лет с восьми, поэтому, надеюсь, понимаешь или хотя бы догадываешься, что все проститутки заканчивают свои жизни очень плохо. То, что имею я – обеспеченную старость, эту квартиру и еще кое-что, не считая весьма серьезные связи, – это только благодаря тому, что я всегда помнила главное правило: к... – она назвала грубым словом свой некогда «рабочий» орган, – надо прилагать голову! – И, улыбаясь, поясняла: – Я тоже была необычайно сексуальна, но не до такой мощной степени, как ты. Но я развила в себе еще большую притягательность специальными упражнениями и некоторыми секретами. Ты же родилась с этим даром, но усиливать его тоже не помешает: чем сильнее к тебе привязывается мужчина, тем больше ты можешь от него получить и тем больше его использовать. Но к этому мы еще вернемся, а пока... – Она вдруг резко спросила: – Надеюсь, ты ни с кем не спала?

– Нет, ты же напугала, что все просру, если пересплю с кем.

– С кем попало, – уточнила бабушка и продолжила удивлять, снова иронично усмехнувшись: – Ну, что, внученька, Красная Шапочка ты моя, Москву и богатство хочешь?

– Хочу, бабушка, – поддержав иронию, тоном внученьки подтвердила Ритка.

– Тогда пора становиться женщиной.

– С кем? – ту же по-деловому поинтересовалась Маргарита.

– Я обдумывала это. – И потребовала строгим тоном: – Запомни навсегда, как заклинание: никогда не продавайся, не скатывайся до проституции! Мужики тебе и так все дадут сами, еще и уговаривать станут, чтобы взяла и снизошла. Поэтому мы твою девственность продавать не станем, а используем с выгодой для тебя. – Посмотрела изучающе и спросила: – Ну что, проверить свою власть над мужиками хочешь, а заодно устроить свое образование?

– Какое образование? – живо поинтересовалась Ритка.

– Ну, институт тебе пока не нужен, но специальность получить надо, чтобы было с чем в Москву ехать, нечего здесь лишнее время задерживаться, а там посмотришь, как фишка ляжет, может, и получишь высшее образование, – рассуждала бабушка. – Я тут поинтересовалась, и думаю, тебе подойдет наш колледж, поступишь после девятого класса на специальность «коммерция», в самый раз, получишь образование продавца и менеджера, для начала вполне подойдет. Да и еще, – она строго покачала указательным пальцем, – обязательно надо выучить английский язык в совершенстве. Я знаю женщину, которая лучше всех в нашем городе

преподает английский, вот к ней и пойдешь.

– Я на бюджет не поступлю, – напомнила Ритка, – это точно, а на коммерцию денег нет. Мы это дома уже сто раз обсуждали. И уж тем более на английский денег не будет.

– Вот об этом и разговор, – усмехнулась Эльвира Андреевна и пояснила свою идею: – Деньги у отчима твоего прекрасного и зятя моего расчудесного Витеньки имеются, я точно знаю, как и то, что тратит он эти свои заначки на любовницу.

– Как? – ахнула Ритка.

– Да так, – усмехнулась бабушка. – И любовницу эту знаю, хоть они и шифруются грамотно. Ну, что, Рита, – она посмотрела в упор на внучку, – «папочку» соблазнить не желаешь? Опробовать на нем свои силы? Чтобы он тебе и учебу оплатил, и деньги на тебя тратил, и подарки дорогие дарил? И весь для тебя наизнанку вывернулся? А? Так сказать, вернем финансы и мужика в семью.

– А как же мама? – спокойно спросила внученька.

– Дура твоя мама, – отмахнулась бабулька. – Сама виновата. Слушала бы меня, жила бы в спокойствии и радости, за нормальным мужиком замужем. Так что это ее проблемы. Впрочем, мы же не собираемся ее посвящать и семью рушить, а ровно наоборот, тщательно станем скрывать вашу связь, тебе еще учиться три года.

Но основная учеба Риты началась именно в тот момент, когда после этих слов Эльвиры Андреевны они посмотрели друг на друга и от души расхохотались.

Бабушка многому научила внучку, упражнения показала и занятия специальные, и многие секреты жриц любви открыла. Они вообще с того памятного дня стали очень близкими, самыми близкими людьми друг для друга, и Ритка проводила с ней много времени.

Подруг у нее отродясь не водилось, а тех, которых еще можно было условно назвать подружками, Эльвира Андреевна велела отвадить навсегда, объяснив простую истину – любая женщина тебе конкурент всегда, а в твоем случае, внученька, еще и прямой враг. Все женщины для тебя враги. Так и воспринимай их, так и живи с этим знанием.

Бабушка же и научила, как соблазнить отчима.

Виктор Малышев, отчим Маргариты, работал дальнобойщиком и на самом деле очень неплохо зарабатывал, что всегда скрывал от жены, выдавая ей процентов пятьдесят от истинных доходов. Женились они с Леной пять лет назад, когда Ритке было девять лет.

Надо отдать должное: мужик он был нормальной ориентации, к

ребенку относился очень хорошо и никаких сексуальных поползновений в ее адрес и близко не допускал даже мысленно. Лишь последние два года стал замечать, что падчерица изменилась, как-то резко выросла и стала сексуальной.

Поглядывал задумчиво, но не более, и никаких дурных планов в голове не держал – на него вполне хватало жены и любовниц, сменявшихся периодически.

Вернулся он однажды из рейса раньше срока, как раз под выходной в пятницу поздно вечером. И выяснилось, что жена, зная, что он приедет только в воскресенье, отправилась с подружками к одной из них на дачу.

Лена со своими подругами любили вот так на выходные на дачах друг у друга зависать с шашлыками, застольем, песнями и танцами, так что ничего необычного в ее отъезде не было. А вот в каком виде его встретила падчерица, необычное имелось, и еще какое – выскочила из своей комнаты в полупрозрачном халатике, наброшенном на голое тело, с перепуганным видом, когда он отпер дверь ключом и вошел.

– Ой, дядь Вить, – пискнула она, – это ты, а я перепугалась, думаю, кто к нам лезет, ты же должен был послезавтра вернуться.

Говорит, руками размахивает, грудки ее девичьи трясутся, соски видно. У Виктора аж в голове помутилось и в горле ком встал – устоял на эту грудь, между прочим, второго уже размера, и оторваться не мог. Но как-то все же смог взять себя в руки, что-то промямлил и прошел в квартиру.

Умывался, а перед глазами все Ритка голая стоит. Странно, раньше она никогда не позволяла себе столь откровенных нарядов, всегда прибранная ходила, строго одетая, он бы сказал, даже излишне строго.

А когда Виктор ужинал и телик смотрел, Ритка пришла в кухню и вроде как с ним заодно села кушать, все в том же халатике полупрозрачном и что-то смешное рассказывала и вдруг, как бы невзначай потянулась рукой за чем-то на столешнице у него за спиной, да так, что сосок ее груди оказался прямо перед его лицом.

Оба застыли и замолчали напряженно, и тогда она прошептала своим низким русалочьим голосом:

– Возьми его, я тебя давно люблю и хочу. – Ме-е-едленно так пальчиком опустила вырез халатика, высвободив грудь, и сосок подскочил, оказавшись прямо у его губ.

Он с ума сошел!!

Такого, как с ней, Виктор не испытывал никогда! Никогда!

Это даже не передать, что было – безумие и такое сладкое, такое сладкое!! Помешательство!! Омут черный!!

Полночи они неистовствовали в постели, пока Виктор не вырубился. А Риточка, выспавшись, раненко утром позвонила бабушке, доложившись о состоявшемся соблазнении, и отправилась в больничку к знакомому гинекологу Эльвиры Андреевны, который, проведя осмотр, дал заключение о содеянном с ней насилии, после чего девочка отправилась в отделение милиции, где тоже бабушкин знакомый зарегистрировал ее заявление об изнасиловании любимым отчимом, которое она тут же забрала, но не аннулировала.

Это они с бабулей решили так подстраховаться на всякий случай, если вдруг отчим платить откажется или взбрыкнет по дурости.

Какое откажется! Он не то что отказаться, он готов был все отдать, еще и украсть и убить для нее, если попросит! Ну, что говорить, деньги теперь уж точно все были в семье, не уходили на сторону, а тратились Витей на любимую девочку Риточку. Мало того, и у Риткиной матери сексуальная жизнь сильно и качественно улучшилась.

Ясно, что Ритка с отчимом старательно конспирировались, но девчонка порой его специально провоцировала, когда мать была дома и не видела их в тот момент, распаляла мужика так, что он уже с катушек соскакивал, и убегала. Вот матери и перепадало «подарочков» сексуальных, женщина аж расцвела.

В колледж Рита поступила и английским с преподавательницей занялась вплотную. Но однажды подумала, что надо бы как-то улучшить свое материальное состояние, щедрости отчима ей стало маловато, и она легко, не напрягаясь, соблазнила директора.

И от него получала денежки – а как же! Он, бедняжка, аж плакал от переизбытка чувств, когда брал ее на столе у себя в кабинете. А еще он оформил ей перевод на бюджет каким-то хитрым образом, так что Ритка теперь оплату, что вносил Витя за ее учебу, себе забирала, якобы сама внесу. Ну и вносила в свой кошелек.

Веселилась она от души, наслаждаясь своей властью над мужчинами, подумывала, может, еще кого «обиходить», бизнесмена какого, но бабушка запретила:

– Не надо тебе этих местных бизнесменов, все при женах, большая часть из братков бывших. Ты же не дешевка, а если начнешь продаваться, все потеряешь и ничего не добьешься. У нас следующий этап – в Москву.

В Москве жил настоящий отец Ритки. Когда-то они с ее мамой вместе учились в институте, и был у них банальный студенческий роман, мама забеременела, а папенька жениться на ней отказался. Но поскольку хлопчик он был местный, то Эльвира Андреевна «соскочить» ни ему, ни его семье

не позволила, деньги на Ритку те давали регулярно, помогали Леночке растить ребенка.

Спасибо, конечно, что помогали, но папа Слава давно осел в Москве, удачно женившись. Вот к нему, благословленная бабушкой, и отправилась Маргарита по окончании учебы.

Когда Ритка дома огласила свое решение и собирала чемодан, «папа» Витя умолял ее остаться, на колени становился, за ноги хватал и плакал, обещал тоже переехать в столицу и там найти работу, только бы быть с ней рядом.

Но Рита даже до разговора с ним не снизошла – переступила через него, плачущего у ее ног, и ушла.

Через неделю после ее отъезда у Виктора случился тяжелейший инфаркт, хорошо, не в дороге за рулем, а в гараже. Выжил. Но получил инвалидность и уже за руль не садился никогда, остался работать в гараже.

А вот директор колледжа не выжил.

Ритуля зашла попрощаться с ним после получения диплома и только тогда объявила, что уезжает. Картина повторилась: слезы, уговоры, обещание развестись с женой и жениться на ней, мольбы на коленях... Рита его «пожалела», приголубила, распалила... и не дала – помахала ручкой. А он вдруг задышал странно, захрипел и рухнул грудью на стол. Его так и нашли со спущенными штанами, лежавшего на столе, выставив голую задницу.

Скандал разразился, Ритка хохотала, когда ей об этом бабушка по скайпу рассказывала.

Папа же родненький сильно не обрадовался приезду доченьки, а его жена так и подавно. Скандал в семье разразился в тот же вечер, когда доченька объявилась на пороге их квартиры. Но у Ритки имелись некоторые рычаги влияния на папаню, переданные ей бабушкой в виде документального компромата на него. Пришлось прибегнуть к легкому шантажу и потребовать, чтобы он снял ей квартиру.

И хоть жил папаня с семьей небогато, но – странное дело, да? – и у него нашлись заначки от жены, которые он и пустил на подкуп доченьки в виде регистрации в своей квартире, ежемесячной оплаты съемного жилья и с работой помог, устроив в крупный дорогой торговый центр продавцом к знакомому предпринимателю.

В первый же день работы Рита поняла, что этот магазин ей не подходит – женская одежда. Нет, не ее – мужчины теряли разум и велись на нее, но женщины мгновенно считывали в ней эту способность сводить мужиков с ума. Права была бабушка, ох права – все женщины для нее

враги!

Директор же магазина, который даже не являлся его владельцем, а простым наемным служащим, понятное дело, сделал на Ритку стойку мгновенно, но это для нее был неинтересный кадр, не ее уровень.

Кстати, отказывать мужчинам она умела великолепно, и пугать их, чтобы не удумали чего, Эльвира Андреевна научила внучку в совершенстве, поэтому директор исходил слюной, а Ритка решила сменить место работы.

Проигнорировав свою рабочую смену и скулеж двух ее коллег с обещанием пожаловаться, Рита отправилась в один из бутиков дорогой мужской одежды, в том же торговом центре, который присмотрела для себя. Заведовала им женщина, она встретила Ритку холодно и неприязненно, и практически сразу же ей отказала в трудоустройстве.

– Посмотрите, – обвела пустой торговый зал рукой Ритка, иронично усмехаясь в стиле родной бабушки Эльвиры Андреевны. – Сколько у вас покупателей? А сколько за день вы продаете? Давайте поставим эксперимент: если за два часа я не продам трем мужчинам что-нибудь из вашего товара, я ухожу, ну а если продам, вы меня берете.

Баба была далеко не дура и, присмотревшись к Ритке, согласилась.

В этом бутике Рита проработала целый год, позволив себе всего одного любовника, который снял для нее более дорогую квартиру и оплачивал все расходы. Но он ей как дальнейший объект к продвижению к Цели был неинтересен – трудный бизнес с долгами, тяжело женат – не, не то! Этот год она посвятила вживанию в Москву – познавала ее привычки, крутые тусовки, правила, специально проходила с экскурсиями выходного дня по всему историческому центру, зависала в дорогих бутиках, ресторанах и кафе и старалась в экспресс-режиме стать москвичкой.

Однажды к ним в магазин пришел интересный дедок, лет где-то за семьдесят, такой элегантный, даже можно сказать несколько франтоватый, подтянутый, стройный – дорогая одежда, дорогой парфюм, но все очень сдержанно и неброско. Сначала его обслуживала одна из девочек в зале, Рита же в это время занималась другим клиентом, которого еле выпроводила с целым ворохом покупок. Ту продавщицу позвала заведующая, и дедка, который уже находился в примерочной, передали Рите.

– Девушка, будьте добры, – позвал он из-за шторы, – принесите мне рубашку более светлого оттенка, – и протянул ей плечики с рубашкой.

– Да, сейчас, – ответила Ритуля и взяла вешалку у него из руки, задев его пальцы.

Она ушла в зал, а дед, отодвинув немного штору, удивленно и крайне задумчиво посмотрел ей вслед и снова скрылся в примерочной.

– Вот, – протянула ему Рита за штору новую рубашку.

Он взял, на этот раз сам проведя пальцами по ее руке, и через какое-то время снова позвал.

– Простите, милая девушка, не могли бы вы мне тут помочь? – отодвинул штору и указал на брючный ремень, на застежку которого неудачно намоталась нитка от ярлыка с рукава пиджака.

– Да, конечно, – улыбнулась она и шагнула в примерочную.

Рита разматывала нитку и слышала, как мужчина вдруг задышал по-особому, и увидела, как начинают топорщиться его брюки в районе паха. Вдруг он взял ее за обе руки и спросил, чуть приглушенным голосом:

– Вы все про себя знаете?

Она подняла лицо и, усмехнувшись, посмотрела прямо ему в глаза.

– Да, – подтвердила Рита.

– В таком случае я смогу вам кое-что предложить? – спросил он напряженно.

– Я не продаюсь, – усмехнулась она иронично – Я слишком дорога и уникальна, чтобы позволить себе быть продажной.

– И правильно, девочка, правильно, – похвалил он довольно искренне.

Дедка ощутимо потряхивало, но он умудрялся вести себя интеллигентно и сдерживаться.

– Видите ли, барышня, я уже лет десять, как был для женщин в интимном плане человек бесполезный, как говорится у Распутина. А тут одно ваше прикосновение, голос, запах, и я, как видите, уже готов, как в самые лучшие свои времена. – Он улыбнулся, наклонился и поцеловал ей ручку, которую так и удерживал в своих ладонях. – Я вижу всю вашу натуру и ваши жизненные устремления, – продолжил он свою речь. – И поверьте мне, не обольщаюсь нисколько, но я могу существенно помочь вам в достижении этих целей и многому обучить, а вы подарите мне последнее счастье интимной радости.

Он пригласил ее в гости. И Ритка, всмотревшись в посетителя, согласилась выслушать его предложение.

Семен Федорович, как звали того дедка, стал вторым выигрышным лотерейным билетом Ритки после ее бесценного дара, полученным ею от Судьбы. Человеком он оказался далеко не простым, а именно – некогда известнейшим в стране мошенником и аферистом, несколько раз проходившим по уголовным делам лишь в качестве свидетеля. В милиции даже ставки делали, кто сможет его поймать и доказать факт преступления.

Но его талант оказался вне конкуренции, и Семен Федорович благополучно переигрывал наши доблестные органы. Правда, надо отдать должное – «клиентов» он выбирал только состоятельных, простых бабушек и обывателей не трогал.

Было Семену Федоровичу семьдесят пять лет, и жил он в центре города в старинном доме, куда и привел в гости Ритулю.

Усадив девушку за обеденный стол в гостиной, престарелый мошенник без экивоков и лишних слов предложил барышне сделку – она переезжает к нему, становится его любовницей, скрашивая его старость, а взамен он делает ей дарственную на эту квартиру, а также оставит после своей смерти некоторую сумму денег.

– Семен Федорович, – усмехнулась Ритка, выслушав его. – Вы мужчина бодрый и проживете еще немало лет, а мне ждать, когда вы умрете, не с руки. Квартиру я получу гораздо раньше от какого-нибудь другого мужчины, впрочем, как и деньги, и вы, как никто другой, это прекрасно понимаете. А тратить свои лучшие годы на старика и туманные перспективы мне неинтересно.

Но он объяснил ей, что у него больное сердце и жить ему осталось от силы год, при активном же занятии сексом с такой жаркой девочкой, как она, не больше полугода. К тому же дарственную на Риту он оформит уже завтра, причем к нотариусу они пойдут вдвоем, чтобы Рита не сомневалась. А вот внушительную сумму денег она получит только после его смерти.

– А пока поизображаем перед родственниками и соседями, что ты моя чудом нашедшаяся внучка. Все знают, что у меня был сын, о котором я узнал, когда ему уже исполнилось двадцать лет, и который несколько лет назад погиб. Вот и будешь его дочерью.

– А ваша семья? – по-деловому спросила Ритка.

– У меня только сын с невесткой и двое внуков. Их жизнь я обеспечил, причем достаточно неплохо. На эту мою квартиру они, разумеется, рассчитывают, но против моей воли и родной внучки не попрут.

– Семен Федорович, – снова озвучила свои сомнения Рита, – вы были великим мошенником и вам ничего не стоит обмануть меня и повернуть очередную красивую аферу, даже, наверное, приятно будет размяться, так сказать, и, отойдя от дел, немного «пошалить», заполучив себе в любовницы молодую девчонку, а потом ее кинуть.

– Да, могу, – улыбнулся ушлый мужик. – Но не буду. – И объяснил почему: – Во-первых, повторюсь: я очень хорошо понимаю твой характер, знаю об отсутствии каких-либо нравственных ограничителей, стремлении к роскошной жизни, поэтому я думаю передать тебе свои навыки и опыт,

научить моему ремеслу. У меня нет преемников, любому талантливому мастеру необходимо передавать свое умение ученикам. Тебе очень пригодятся эти навыки при твоей интересной жизни. Ну, а во-вторых, я проживу свои последние дни счастливым полноценным мужчиной в безудержном сексе с молодой женщиной, а не угасающим стариком без какой-либо радости. А это дорогого стоит, уж я-то понимаю.

Он попросил ее остаться в ту же ночь у него, Рита осталась, и к середине ночи Семен Федорович потерял сознание от их слишком бурного секса. А Ритка, подперев голову рукой, лежала на боку на кровати и рассматривала его с глубоким познавательным интересом ученого-натуралиста – однако дедок оказался большим затейником в сексе и умудрился ее поразить, научив кое-чему новому в постельных утехах.

Семен Федорович слово свое сдержал и даже сделал для Ритули больше, чем обещал. Гораздо больше.

Он привил Маргарите мышление мошенника, суть его вечной готовности к афере и рассматриванию любого человека как возможного объекта для мошенничества через призму возможной выгоды от его использования в какой-либо роли. Научил азам психологии и манипулирования, научил держаться и вести себя так, как делают это успешные и обеспеченные люди, и еще очень многому.

Удивительно, но им было хорошо вдвоем – старому больному мошеннику семидесяти пяти лет и молодой хищной девчонке, собирающейся подняться на Олимп. Ритка даже стала всерьез волноваться за здоровье покровителя, посмеивалась, когда он принимал таблетку для усиления мужской потенции, но все же пыталась его останавливать:

- Слабое сердце и виагра – прямой путь к летальному исходу.
- Плевать, – отмахивался он, – зато умру счастливым.

У Маргариты не было друзей и близких людей, кроме бабушки, теперь она смело отнесла в эту категорию и Семена Федоровича. Кстати, они с Эльвирой Андреевной мгновенно сдружились и частенько с удовольствием болтали по скайпу. Ну, еще бы, что бы им не найти общие темы – бывшая проститутка, работавшая на КГБ, и прославленный мошенник советских времен.

Прожили они вместе больше полугода, и Семен Федорович действительно умер счастливым – во время оргазма, прямо на Ритке.

Одев деда в пижаму и наведя идеальный порядок, соответствующий приличному дому, а себе придав подобающий вид скромной внучки, убитой горем, девушка вызвала «Скорую».

А на следующий день Ритка получила, как и обещал ей Семен

Федорович, три миллиона рублей и тут же выудила у адвоката, который передавал ей соответствующие бумаги, закрытую информацию о том, что сыну своему дед за несколько дней до смерти вручил в виде дара двенадцать миллионов рублей.

Ритка посмеялась тому, что дед ее все-таки надул, но не сильно – просто не уведомил, насколько богат, и о том, что собирается передать основной свой капитал сыну – натура, куда ж деться, так и умер мошенником.

Счастливым мошенником.

Но Ритка его понимала: лично она бы на месте деда никаких денег ей и вовсе не оставила – не фиг! Квартиру оттяпала, и будет с тебя, а он, видимо, любил ее, что ли? Или действительно так отблагодарил.

На похоронах Семена Федоровича Маргарита рыдала на плече своего «сводного дядьки», и он утешал как мог прелестную девицу в отчаянии, а после поминок «не смог оставить девочку в таком состоянии» и утешил более глубоко, так скажем...

И сделал шикарный ремонт в ее новой квартире, полностью обставив элитной мебелью и оснастив самой крутой техникой, потратив нехилую сумму из полученных от отца. Заодно на время ремонта оплачивал снятую для Ритули квартиру, в которой с великим энтузиазмом облизывал и обцеловывал ее с головы до ног – такая вот у него была фишка в сексе.

Пока жена не уволокла его за шкуру от Маргариты, когда они вдвоем отмечали новоселье в ее новых шикарных апартаментах под раскатистый смех Ритули, наблюдающей за водворением в семью блудного мужа.

После «дядюшка» несколько раз вырывался из дома и из-под присмотра женушки, умолял Ритку быть вместе, обещая развестись и отдать ей все оставшиеся деньги, но этот кадр был ей не нужен, она просто повеселилась, отдав должное Семену Федоровичу и выказав таким образом пусть извращенную, но все же дань уважения ему и его искусству, и она прогнала мужика жестко и строго.

А вскорости узнала, что он попал в аварию.

Но это уже была перевернутая страница – неинтересно.

Все это время Рита не оставляла своей работы, невзирая на то, что ее содержал дед, а после его смерти она получила деньги и могла теперь себе позволить не работать совсем – э-э-э нет! Не такова была наша Рита – а где мужиков приличных брать, а? По крутым ресторанам шастать и закрытым загородным клубам? Нет, это удел паркетных съемочных охотниц, табунами пасущихся на любых ВИП-мероприятиях с одной-единственной и понятной всем целью – подцепить богатого мужика.

«Только пора место поменять», – решила она и с тем же спокойным и уверенным напором отправилась не в какой-то там торговый центр, а в настоящий крутой бутик одной из самых известных марок, расположенный в центре Москвы. Здесь Рите не пришлось долго демонстрировать свое умение привлекать клиентов мужского пола – уже через сорок минут, когда третий покупатель произвел оплату, директор магазина, мужчина на сей раз, взял ее на работу.

Здесь Ритуля чудненько устроилась – и контингент побогаче, чем в прошлой ее торговой точке, и самый центр Москвы, вокруг сплошные пафосные кафе, рестораны и иные заведения, где табунами водились обеспеченные мужики, и дом недалеко. Так что на работу теперь она ходила пешком.

Следующей жертвой Риты стал бизнесмен высокого уровня, но вскорости ей удалось выяснить, что он женат на дочери очень крутого мужика и не то что уйти от нее не может, а даже слово сказать против боится – он-то сам никто, его ее папаша, тесть, в гору тащит.

Ну, что ж, решила Ритуля, с дурной овцы... овца оказалась вполне даже дойная: одела ее в меха, бриллианты и подарила шикарную машину.

И тут на горизонте нарисовалась его жена.

Та самая очень, очень крутая дама! Из разряда богатых и властных с самого рождения людей, которым доступно и возможно все в этом мире.

Она приехала к Маргарите домой, и, когда та открыла дверь, охранник мадам отодвинул хозяйку с дороги, прошел бесцеремонно в квартиру и долго там ходил, а женщины тем временем смотрели друг на друга, изучая. Мужик вернулся, сообщил, что «чисто», и дама, иронично дернув уголком губ, спросила:

– Можно пройти?

Рита сделала приглашающий жест рукой.

Женщина расположилась в кресле, величественно указав Ритке на диван напротив себя, словно сама являлась тут хозяйкой, а может, так и было, такие люди способны купить все, что угодно, за пять минут – вон и Ритку вместе со всей ее квартирой.

Вот!! Вот тот уровень, тот класс, к которому она стремится всем своим существом, вот это для нее. Маргарита смотрела на незнакомку, понимая, что это именно то, о чем она мечтала – вот такая планка роскоши и власти – ее уровень! Это она должна вот так повелевать!

В Ритуле включились и обострились все ее инстинкты, как у хищника, сканирующего пространство вокруг себя в момент опасности.

– Мой муж, – заговорила тем временем гостья, – не самый интересный

человек и мужчина, да и бизнесмен плохой, но он мне пока нужен. Все годы нашей совместной жизни я закрывала глаза на его похождения и бесконечную череду любовниц, даже внесла особую статью расходов на его шалости. Но вы, милочка, существенно превысили лимит этих расходов и приобрели слишком сильное влияние на него. Мне пришлось ограничить Михаила в передвижениях, уж очень неистово он рвется к вам, к тому же из-за общения с вами его здоровье значительно ухудшилось, проявилась сердечная слабость, да и общий тонус упал существенно. – Она помолчала, рассматривая Ритку, и продолжила: – Я приехала лично с одной целью: понять, какой именно тип женщин так неистово его увлек, – и улыбнулась холодно, как змея перед броском. – И сильно удивилась: вы совершенно не выделяетесь внешне, самая обычная женщина, ничего особенного, никакого лоска и яркости, это странно.

И тут Ритка почувствовала, что гостья врет! Врет точно, и приехала эта тетка совершенно с другой целью. С каким-то тайным интересом. Интуитивно, всеми теми самыми обострившимися рецепторами Ритуля почувствовала, что надо попытаться понять цель этой женщины.

– Не хотите воды? – спросила спокойно Маргарита. – Сегодня жаркий день, а я занималась гимнастикой и чувствую жажду, составите компанию? Я пью только... – и она назвала одну из самых дорогих марок.

– Да, – помолчав, приняла предложение дама.

Ритка на самом деле была распаренной после специальной гимнастики, которую делала каждый день, и когда она передавала стакан с водой своей гостье, то заметила, как у той дернулись ноздри, словно у гончей, учуявшей след зверя, как еле уловимо дрогнула рука и чуть-чуть окрасились щеки.

Тогда Ритуля поняла, для чего та приехала...

И, допив воду, не сводя взгляда с женщины, мгновенно взявшей себя в руки, вновь став невозмутимо холодной и надменной, Ритка наклонилась к ней поближе и прошептала своим сексуальным голосом:

– Да, я именно такая, – и посмотрела ей прямо в глаза.

Они поняли друг друга.

И дама подняла руку и погладила ее по щеке.

– Ты до конца не знаешь, способна ли на это, – усмехнулась женщина.

– Не предлагаю проверять, – ответила ей с усмешкой Ритка. – Я не продаюсь. А вы, как я понимаю, можете предложить только это.

– Не только, – хищно улыбалась женщина, продолжая гладить ее по щеке. – Могу обучить тому, к чему ты стремишься, и помочь подняться туда, куда стремишься. Так тебе интересно?

– Посмотрим, – улыбнулась Ритка.

А гостя вдруг жестко схватила ее за шею, рванула к себе и впилась в губы Ритки властным поцелуем.

Уехала она вечером, оставив Ритку совершенно выпотрошенной! Эта женщина оказалась неустойчивой в сексе, агрессивной с элементами садомазо и явными наклонностями к доминированию.

Но буквально через две недели в их любовной связи многое изменилось – то самое извращенное мужское начало, что преобладало в Ангелине, – так звали эту даму, покорилося Риткиному дару, и уже она ублажала ее, став такой же, как все предыдущие до нее мужики.

Иногда, правда, природная жестокость Ангелины вырывалась из-под контроля, и Ритка порой с трудом ходила после таких любовных утех, но все это ерунда, любые ее извращения стоили того, что ей давала эта властная баба.

Она провела ее через все косметические процедуры по улучшению внешности, через всех своих врачей и специалистов, возила по всей Европе, обучала жизни и привычкам тех самых богатых и знаменитых, и многое, многое, многое...

Они жили вместе в усадьбе Ангелины, откуда та выдворила мужа, правда, Ритку от всех друзей и знакомых скрывала, не показывая ее кругу богатых и властных, – не время пока, говорила Ангелина.

– Выскочишь раньше, сверкнешь, и быстренько сгинешь. Чтобы сюда серьезно и надолго забраться, требуется особая тактика и стратегия, одной голый сексуальности не хватит – здесь другие законы. Тебе бы надо замуж сходить, и удачно. Пока будешь изображать семейную жизнь, получить высшее образование, подучишь еще парочку языков для особого лоска, многому еще научиться придется, потом развестись удачно, вот тогда мы тебя и выдадим замуж как надо.

Но где-то через год Ангелина приняла жесткое решение прекратить их связь с Риткой и рыдала несколько дней подряд от необходимости расстаться со своей «девочкой», а когда они занимались любовью, то заливала Ритку слезами, то терзала необузданной страстью.

Она была жесткой и волевой бабой, и какой бы сильной ни была ее привязанность к Ритке, какой бы больной зависимостью та для нее ни стала, когда приперло, Ангелина нашла силы отодрать себя от нее – и это было именно то, о чем она предупреждала: те самые иные законы существования на олимпе богатых и властных людей, куда так стремилась Ритка.

Дело в том, что у Ангелины стало всерьез болеть сердце, врачи тут же

запретили нагрузки, стрессы и секс в любом виде.

Жить она собиралась долго и счастливо, болезни и ранняя смерть в ее планы не входили, и она приняла страшное для себя решение – расстаться с любовницей.

Насовсем. Жестко.

Но кое-что сделала перед расставанием. Первое, дала совет и направление, куда и как дальше двигаться.

– Подбери себе мужа, – наставляла она Ритку. – Выбери того, кто тебе понравится самой, пусть будет не очень крутым, лучше начинающий и развивающийся бизнесмен, но прочно стоящий на ногах, «легенда» станет такой, что вы с ним вместе бизнес строили. Жену и детей, если они есть, удалить напрочь из его жизни, чтобы даже не общались. Родню тоже отодвинь. Побудешь замужем годиков пять, университет окончи, языки выучи. Потом разведешься и отожмешь его бизнес, я подскажу как. И помогу, если что.

Еще она подарила ей на прощание несколько эксклюзивных вещей, драгоценности и вручила пару-тройку банковских карт, оформленных на имя Ритки, с внушительными суммами, и устроила на работу заведующей в том самом бутике в центре Москвы, в котором Ритка подцепила ее мужа.

– Прощай, – сказала Ангелина, прервав страстный поцелуй. – Встретимся, когда ты поднимешься к нам наверх. – И дала последнее напутствие: – Запоминай, Рита, есть мужчины, которые не станут реагировать на твое притяжение, ты не сможешь их увлечь и соблазнить, их немного, но они есть. И не потому, что импотенты или у них пониженная потенция, как раз наоборот – все у них с этим более чем в порядке, там другая история: древние гены, в основном русско-славянские, но не только, это совсем иные энергии, не пытайся разбираться, ты даже не поймешь, просто знай это, и все. Есть еще и те, кто поднялся на высокие уровни духовных практик. Если встретишь таких мужчин, сразу отходи в сторону, даже не пытайся включать свой дар, попадешь в очень нехорошую историю. Не рискуй. И еще, девочка: если когда-нибудь тебе попадется мужик, который сорвется с крючка и уйдет от тебя, не пытайся его возвращать, бороться за него и мстить, можешь потерять все. На чувства и месть расходуется слишком много энергии, а твоя, – и она ухватила Ритку за низ живота, причиняя боль своими жесткими пальцами, – слишком уникальная и может не восстановиться в прежнем виде. Потеряешь свой одуряющий мед, никому больше не нужна будешь.

Ритка запомнила. Навсегда.

С одной стороны, она была ужасно раздосадована, что потеряла

Ангелину, тащившую ее как локомотив наверх, но с другой – Маргарита все же по пристрастиям не была лесбиянкой и не испытывала тяги к женщинам, да и устала она от слишком агрессивного и жесткого секса с этой дамой. Только сейчас она оценила в полной мере свою свободу, слишком уж рулила Ангелина всеми вокруг, а Ритка сама собиралась стать такой, ее чужой деспотизм в проявлении себя, любимой, не устраивал.

В общем, устала она за этот год и с удовольствием наслаждалась возвращением в свою квартиру.

Она чувствовала насущную потребность восстановить свои жизненные силы и свою власть над мужиками, напиться мужской энергией и как-то подзарядиться, что ли.

Она сняла для себя достойную квартиру на пару месяцев и первый раз в жизни вышла на охоту. Вот прямо такими словами и думала про себя: «На охоту».

Рита тщательно и придирчиво выбирала, и первым привела к себе студента института физкультуры, спортсмена, красавца. Три недели безудержного секса, когда он отдавал ей всего себя и «работал» только на нее, и Ритка почувствовала наконец себя вернувшейся в форму, ну, почти, еще чего-то не хватало. Ей не нужны были от него ни деньги, ни подарки, хотя он, дурашка, таскал постоянно ей что-то в «клювике», купленное на свои жалкие копейки. Ухаживал – ха-ха!

Она съехала с этой квартиры, не предупредив мальчика о том, что он ей больше не нужен, и сняла другую. На этот раз она нашла восемнадцатилетнего спортсмена-красавца скандинавской внешности. Этот «отдавал» еще сильнее, чем предыдущий, с ним она повеселилась два месяца.

А вот после этого мальчика Рита почувствовала себя полностью заряженной и вернувшей все свои силы, пора было двигаться дальше.

То есть искать себе мужа.

И она выбрала Костромина.

Он поразил ее сразу и сильно тем, что пытался сопротивляться. Поразил и всерьез зацепил. В ее жизни еще ни разу не встречалось ни одного мужчины, который пытался бы сопротивляться и противостоять влечению к ней.

Этот пытался. Героически так.

Сначала она посмеивалась над его потугами, но когда проснулась утром и не обнаружила Юрия в квартире после их первой ночи, отнеслась к этому противостоянию уже более серьезно.

Эта ночь с Костроминым удивила Ритку. Маргарита вдруг поняла, что

он ее очень сильно заводит одним своим присутствием, запахом и этой его холодной, даже несколько презрительной манерой держаться с ней. И вот именно из-за этой его отстраненности она настолько сильно возбудилась, что позволила себе много такого, что крайне редко себе позволяла, всегда умея справляться со своим неистовством и держать его в узде. Да вообще, о чем говорить – ни один мужик еще ни разу не заводил Ритулю до потери самообладания.

А этот ее зацепил и всерьез.

Костромин оказался единственным мужиком, который не подчинялся ей полностью даже после такой бурной ночи.

«Будет моим мужем, сто пудов! – решила Ритка. – С руки моей есть станет и на коленях ползать!»

Это был вызов, и она его приняла.

Ей стало очень интересно жить.

Конечно, Костромин не был серьезным хакером, да и не стремился – ему эти умения требовались исключительно как приложение к его основной работе.

Но его уровня в этой области хватило с лихвой, чтобы без особых усилий узнать про жизнь Маргариты Каниной все, начиная с ее рождения и детских болезней и заканчивая конкретными планами на его счет.

Никакие моральные и этические сомнения по поводу того, что он бесцеремонно вламывается в жизнь другого человека, Костромина не посещали. Даже промелькнула мысль о том, что Рита молодая свободная девушка и имеет право жить так, как ей хочется, – как посетила, с такой же легкостью и улетела. И на минуточку такой момент как то, что, собственно, она-то ничего такого особого не делала, чтобы заполучить его к себе в постель и увести от жены, – все это и тяга к ней, и секс с ней – это только его личная инициатива. Как говорится: вас за одно место никто не тянул.

Но данные этические соображения не потревожили Костромина – он всем нутром, всей своей интуицией чувствовал в Маргарите противника, готового его уничтожить, а себя человеком, находящимся в области военных действий.

Он даже не отдавал себе отчета, как быстро, практически мгновенно перестал быть цивилизованной личностью, уважающей жизнь и свободу других людей, – все разом пропало в той пропасти, куда он падал, понимал и чувствовал это падение всем своим существом. Но еще надеялся спастись.

Надеялся.

Так, что руки Юрия не дрогнули, вскрывая пароли и защиты на ее компе, и совесть не крикнула, даже не шепнула ничего стыдливо.

Как и в большинстве районных городков нашей страны в отделениях милиций, теперь уж полиций, в медицинских учреждениях и в администрациях очень не любили удалять лишнюю и устаревшую информацию из компьютеров и с серверов – сливали в архив в лучшем случае, и все, ну не утруждали себя провинциальные сисадмины лишней работой. Можно подумать, у нас базы переполнены, прям как в Москве. Поэтому выудить полную информацию о Ритуле, ее семье, ее любовниках и этапах ее большого пути к великой Цели было незатруднительно.

Впрочем, Костромин нашел бы информацию, даже если бы ее удалили. Так что он, проследив все ее «дела» и их последствия на родине Маргариты, гораздо больше времени потратил на ее московский этап, лишь потому, что деяний этих было уже побольше, поразнообразней и куда как значимей и весомей, чем раньше.

Рита была девушкой осторожной и шифровалась в Сетях, с компом довольно грамотно обращалась, аккуратно удаляя лишнее, надо отдать ей должное: старалась сохранять свою приватность, но ребята...

Ре-бя-та! Ничего не удаляется навсегда, все можно выудить и восстановить при горячем желании, умении и знании как, но не это самое главное – главное это ее помоечное Величество Сеть!

Сеть – это все! Любая информация о вас: шифруйтесь вы, не шифруйтесь – бесполезняк! Несколько нужных программ – и полная информация про вас у того, кому вы вдруг стали интересны!

Вся! А такие программки у Костромина имелись.

И еще один момент, лишь добавивший уточнений и деталей к сложившемуся уже у него психологическому портрету Маргариты.

Конечно, он вскрыл и ее почту, посмотрев переписку с любимой бабушкой и эсэмэски в смартфоне, и бесчисленные фотографии и видео. Самые интересные обнаружились в старательно удаленных файлах – дед Семен Федорович был затейником и любил с «внученькой» порнушку снимать, а вот Ангелина «Великая», ее лесбийская подруга, это дело категорически запрещала, но Ритуля все же сделала несколько снимков, явно шпионским образом. Зачем? Может, для подстраховки? Она и видео с Ангелиной сняла скрытой камерой.

Маргарита аккуратно и педантично все удаляла, шифровала, перекидывала на носители, старалась чистить комп, но... понятно, одним словом.

И еще имелась у девушки Маргариты одна слабость, с точки зрения

Костромина, совершенно недопустимая при ее образе жизни, но...

Как любой человек, Ритуля испытывала потребность рассказать кому-нибудь о своей жизни, похвастаться достижениями, делиться с кем-нибудь победами и переживаниями, но, как осторожная барышня и закрытая личность, не имеющая круга общения, она позволяла себе делать это только с бабушкой и... в дневнике, который вела в компьютере. Разумеется, старательно его зашифровав и тщательно попрятав под всякими паролями и скрытыми программами, но для Костромина это были семечки.

Чем больше он получал информации об этой девушке, тем отчетливей понимал, что попал тяжело и конкретно. А когда прочел в ее дневнике, какие планы она вынашивает в его адрес, у него по спине пробежали холодные мурашки.

Юрий сидел, смотрел на экран, в котором висела последняя запись дневника, где речь шла о нем, и четко осознавал две вещи – он действительно на войне, где на кону стоит его жизнь в самом что ни на есть прямом смысле, и второе – он все равно пойдет к ней сегодня, он уже не может не пойти...

Он стал наркоманом, подсевшим с одной дозы...

И впервые в жизни Костромин не знал, как справляться с этой бедой.

В этот день он решил не ходить на работу, а посвятить его поиску жилья. Но первым делом сходил в аптеку, купил антисептик и залил весь свой исполосованный торс.

Юрий нашел приличную квартиру рядом с большим сквером с раскидистыми старыми дубами и ивами у быстрого ручейка. Это была скорее даже небольшая парковая зона, чем сквер, но окна квартиры выходили аккуратно на парк, и это обстоятельство послужило последним плюсом. К вечеру Костромин перевез вещи и поселился окончательно. Сходил в магазин, купил продукты и всякие хозяйские мелочи.

Все, с жильем вопрос решен, а вот с Ритой...

И Костромин призадумался.

Как всякий нормальный российский мужик, он все же понадеялся на «авось» и на то, на что, обольщаясь, наивно надеется любой мужик, вступая в связь с любовницей, – что это ненадолго, он только немного оторвется на воле и ему быстро надоест. И при всей присущей Костромину рациональности и повышенной способности к анализу он тоже решил, что справится и сможет контролировать себя.

На самом же деле происходил с ним обычный самообман уже глубоко зависимого человека, убеждающего самого себя, что может «соскочить» в любой момент. Но кое-какие продуктивные и верные решения, чтобы

побережься, он принял.

Пять ночей подряд Костромин провел с Маргаритой, как в наркотическом забытье и трансе.

Эти пятеро суток словно выпали из его сознания и жизни: он не очень хорошо помнил, как работал и что вообще делал днем в офисе, с кем встречался и как проводил переговоры – все словно дымкой какой-то подернуто. После работы он сразу мчался к Маргарите и проваливался в черную дыру – стоило ему прижать ее тело к себе, как в нем взрывалось какое-то неистовство, дикое желание, а разум и способность соображать выключались, как щелчком – в один миг!

Странное дело, он ни разу не остался ночевать у Риты.

Как только они доводили друг друга до полного изнеможения и она выключалась, мгновенно заснув, Костромин выбирался из постели, кое-как приводил себя в порядок и уезжал.

Почему? Он не мог ответить на этот вопрос, просто чувствовал, что так надо, и вытаскивал себя из ее кровати диким напряжением и усилием воли.

На шестые сутки Юрий понял, что если снова поедет сегодня к ней, то просто помрет на Ритуле, до такой степени истощения довели его эти ночные безудержные оргии.

Она только рассмеялась своим низким грудным смехом, когда он сообщил ей по телефону, что не приедет сегодня.

– Ладно, отдыхай, набирайся сил, – разрешила Маргарита и напомнила требовательным тоном: – Не забудь, что обещал завтра отвезти меня в тот дорогой ресторан. Закажи столик.

А куда деваться? Ездить к девушке только сексом заниматься вряд ли у него получится, она все же не жрица любви, с которой можно просто и за определенную плату, а тут подразумевается какое-то внимание со стороны мужчины, ухаживание и иное времяпровождение, не все же в постели.

Столик он заказал и еще подумал, что это заведение – самый любимый ресторан семьи художников, с которыми дружит Варвара, и они вполне могут там встретить его с Ритой...

И вдруг похолодел.

Костромину словно шибануло – он осознал, что первый раз за эти пять дней вспомнил и подумал о Варваре.

Он обалдел, ему даже дышать стало тяжело – сдавило грудь, сердце ухнуло тяжело и перехватило горло.

Господи, как же так?

Не может этого быть? За пять дней он вспомнил про Варвару

мимолетно, только когда секретарь спросила его о брони в гостинице. Юрий даже сразу не понял, о чем речь, а она напомнила про запланированную поездку в Италию. Он тогда распорядился отменить все для себя, предложив жене самой решать, ехать одной или нет, и тут его отвлек деловой звонок, и он забыл...

Господи, боже мой! Он совершенно про Варю забыл!

Юрий закрыл глаза и постарался вызвать в памяти ее образ, чтобы извиниться хотя бы таким образом, но... но Варино лицо так и не появилось перед ним, впервые за всю их совместную жизнь.

И тут Костромина накрыло осмысление того факта, что он забыл не только о жене, а о всей своей жизни: о родителях, о родителях Варюхи, о друзьях, о всем том огромном, ясном и важном, что составляло его жизнь, а во многом и его личность, что вело его еще неделю назад.

Только неделю назад!

Как в бездну ухнуло! В черноту!!

Он застонал и закрыл лицо руками – как такое вообще возможно? Как могло произойти, что он почти неделю не вспомнил ни о любимой жене, ни обо всей их жизни?

Эта женщина...

Эта женщина вошла Юрию под кожу, в мозг, в подкорку и будила в нем что-то темное! Нет, даже не темное, а что-то такое черное, глубоко порочное, низменное, развращенное и страшное, от чего он в ужасе отшатывался и сам, но... но не находил сил и воли отказаться от манящей притягательности этого порока, от этого животного первобытного секса. И словно раб в ошейнике тащился за своим надзирателем к удовлетворению этой темной страсти.

И только теперь Костромин в полной мере осознал, во что он вляпался и всю масштабность той зависимости, в которую он попал, ощутил черноту, втягивающую его в себя и разрушающую его личность.

Физически ощутил. И ему стало по-настоящему страшно.

Он не мог позвонить Варваре, даже не представлял, как с ней говорить теперь, что вообще можно ей сказать, но четко понимал, что его побег необходимо как-то объяснять семье.

Просто сигануть в Ритулину кровать и предоставить разбираться с родственниками и обстоятельствами одну Варвару он не мог.

И решил, что сначала надо бы объяснить все ее родителям, и поехал к Добродеевым.

Они хоть и удивились приезду зятя, но очень ему обрадовались и радушно пригласили. Теща засуетилась, принялась быстро что-то

накрывать на стол, но Юра ее остановил.

– Не надо, Лидия Андреевна, – он кашлянул, проталкивая застрявший в горле комок, и прохрипел через него: – Мне поговорить надо.

– Что случилось, Юра? – сразу же испугалась теща и положила руку на сердце.

– Страшного ничего, – поспешил успокоить он и попросил с виноватым видом: – Мне бы с вами потолковать, Леонид Николаевич.

Они перешли вдвоем в кухню, как-то успокоив Лидию Андреевну, сели за стол друг напротив друга. Костромин прокашлялся и смог начать свое покаянное объяснение.

– Леонид Николаевич... – Он замолчал, затем собрался и произнес: – Я ушел от Варвары.

Он ничего не скрывал, рассказывал тестю все, как было, начиная с залитой рубашки и заканчивая тем, что за пять дней ни разу не позвонил Варваре и того, что понял сегодня и как испугался этого своего понимания.

Леонид Николаевич слушал молча, сурово сдвинув брови, ничем иным не выдавая своего напряжения. Ни разу не перебил и не задал никаких вопросов.

– Я все понимаю, – хриплым, перегоревшим голосом заканчивал свое объяснение Костромин, – осознаю всю пошлость ситуации, но я ничего не могу поделать с какой-то болезненной, совершенно ненормальной тягой к этой женщине. Ничего. Поверьте, я пытался.

Тесть молчал. Помолчал и Юрий. Кашлянул и совсем уж севшим голосом, через сухое от напряжения горло, закончил покаяние:

– Я не знаю, что делать. Не знаю.

Леонид Николаевич тяжело поднялся с места, и Юрий мимолетно подумал, что тестю в этом году уже восемьдесят, но это даже представить невозможно, настолько тот бодрый, здоровый, моложавый и энергичный, но в данный момент известие, что принес ему зять, придавило мужчину настолько, что как-то сразу стало видно его возраст, он вдруг словно отяжелел и ссутулился. Тесть медленно обошел стол и прошел к окну, по дороге прикоснувшись к плечу Юры. Встал у окна, переплетя на груди руки, смотрел куда-то и молчал.

Молчал и Костромин, ожидая его приговора.

– Я очень любил свою первую жену, – вдруг заговорил Леонид Николаевич.

И Юрий напрягся, услышав этот голос, полный печальной силы. Он слушал рассказ тестя про беду, постигшую его прежнюю семью, и поражался силе воли и мудрости этого человека. У Костромина

подсасывало где-то над сердцем... он уже знал, чем закончится эта история.

– То, с чем ты столкнулся, Юра, это не простое потакание своим низменным инстинктам и желание разнообразия в сексе, которому подвержены большинство мужчин, изменяющих своим женам, – помолчав, продолжил Леонид Николаевич, – это страшная, разрушительная сила, которую называют бесовщиной. – Он погладил зятя по плечу и произнес с глубочайшей печалью: – Ты один с ней не справишься, мальчик. Это одержимость. Сходи в церковь, попроси помощи, может, чего подскажут. Молитвы знаешь? Читай. У тебя вроде друг буддист или индуист есть, спроси его помощи. Может, тебе уехать куда и духовными практиками заняться? – И вдруг эмоционально принялся убеждать: – И сопротивляйся, сопротивляйся, как можешь! Не поддавайся! Соблюдай меры безопасности, не разделяй с ней быта и еды, я не знаю! Ухватись за что-нибудь сильное, чистое, вон за вашу любовь с Варюхой, и держись мысленно за нее, тяни себя из этой тьмы. Нельзя сдаваться, Юра, никак нельзя, пропадешь.

– Я понимаю, Леонид Николаевич, – кивнул Костромин, чувствуя себя уже обреченным.

Он понимал. На самом деле понимал слишком ясно и отчетливо.

Но на следующий вечер повел Маргариту в ресторан, после которого они занялись раздеванием друг друга прямо в такси, везшего их к ней домой.

А вот с родным отцом объяснение у Костромина не сложилось.

Он поехал к родителям через неделю, чтобы лично сообщить об уходе от жены, надеялся объяснить все честно и без утайки, как и тестю, но отец его перебил, не дав возможности высказаться:

– Что значит ушел?! Какая такая ненормальная страсть? – бушевал отец, а мама, прижав пальцы к губам, скорбно качала головой и тихо плакала. – Дурь в башку стукнула, вот и вся страсть! Да как это можно от Варюхи уходить-то? – И стукнул ладонью по столу, разгорячившись. – Нам другая невестка не нужна, так и знай! Варя нам как дочь родная, и ее в обиду не дадим! Даже не смей говорить ничего! Пока к ней не вернешься, разговаривать с тобой не намерены! Все!

Вот так поговорили. Отец на своем решении стоял твердо, мама попыталась было сунуться к сыну, что-то сказать, обнять-пожалеть, но остановилась, солидарная с мнением мужа.

Костромин не звонил жене и не виделся с ней – он не понимал, что можно ей сказать в такой ситуации – попросить еще раз прощения? Попросить отпустить его погулять-потешиться? Сказать, что, мол,

подожди, родная, я тут потрахаюсь в удовольствие и вернусь? Так, что ли?

А как?

Оказий, чтобы позвонить, не имелось – ни проблем по хозяйству, при случае их благополучно ликвидирует тесть, денежные вопросы решены.

Какой еще найти повод позвонить и услышать Варин голос?

Слушать этот родной голос и гореть внутри чувством убийственной вины? Мазохизм чистой воды!

А Юрий так хотел ее слышать. Так хотел.

После той первой ночи в квартире Риты, когда Варюха привиделась ему и предупредила, что нельзя там спать, он больше ни разу не смог вызвать ее образ перед своим мысленным взором, она не являлась ему и не отвечала на его зов.

Костромин испугался потери их связи, потери ее лица, ее улыбки и поддержки, испугался до холода внутри, осознавая, что таким образом началось разрушение его личности, разрушение всего того, что было ему дорого, что связывало его с жизнью, разрушение его любви...

А где-то через две недели, как подарок, к Костромину стали приходить по утрам воспоминания об их с Варюшкой жизни, и он хватался мысленно за свет этих воспоминаний, как пусть и слабую, но единственную надежду на спасение, надежду на еще возможное будущее.

Ну, хоть на что-то...

И ему так не хватало этих ее прекрасных живых глаз, хотя бы и только перед мысленным взором. Этих глаз с огоньками внутренних лампадок.

Сколько помнил себя Юра, в подъезде дома его родителей в Ростове, этажом ниже, жил доктор-окулист, постарше его родителей лет на десять. Как-то, когда Юра с Варей приезжали в гости в Ростов, они столкнулись с доктором, выходя из подъезда. Юра представил ему жену, они раскланялись и разошлись каждый по своим делам.

А в один из очередных своих приездов Костромин застал соседа в гостях у родителей и спросил про светящиеся огоньки в глазах Варюшки, и окулист, усмехнувшись, объяснил:

– По своей сути человеческий глаз – это сложная оптическая система, состоящая из преломляющих линз. Роговица – это та внешняя линза, которая прикрывает непосредственно радужку и зрачок и имеет определенный угол выпуклости. Пространство между роговицей и радужкой является передней камерой, а угол, образованный периферией роговицы и радужки глаза, называется углом передней камеры, через него происходит отток внутренней жидкости через сложную дренажную систему. Это, так сказать, внешняя часть устройства глаза. Представил? Так

вот, у нас всех практически одинаковые эти углы преломления. Их величина зависит от размера глаза, его формы и еще нескольких параметров. У твоей жены просто уникальное строение роговицы, крайне редко встречающееся, она имеет особую выпуклость и форму, которая фокусирует в луч рассеянный свет в гораздо большей степени, чем у других людей. Только и всего. Никакой мистики, чистая физика и биология.

В простую физику и биологию Костромину верить не хотелось, столь прозаическое объяснение огоньков в глазах любимой его не устраивало категорически, и он предпочел держаться своей тайной, не высказанной никому версии – что это чистая, жизнерадостная душа Варюхи светит для него изнутри, обогревая своим теплом. Хотя он и не признавал особо никакой романтики, а про ее «лампадки» думал всегда именно так.

Не светит теперь. И не согревает.

Не приходит теперь к нему ее образ, только в странных воспоминаниях, являющихся не по его воле и не подконтрольных Юрию.

Всего за каких-нибудь две-три недели у Костромина наладился новый жизненный распорядок. Юра почему-то стал очень мало спать, если проводил вечер с Ритой, то возвращался домой, как правило, около часа ночи или чуть позже, падал на кровать, как убитый, и проваливался в черный, беспробудный сон часов до пяти утра.

И просыпался резко, в один момент.

Если же в этот вечер он не был у любовницы, то засыпал где-то в двенадцать и просыпался около четырех – и тоже в один момент. Вот тогда-то и приходили воспоминания про угробленную им бывшую счастливую жизнь – и мучили, и манили несбыточной надеждой.

И однажды вот таким утром, наверное, через неделю где-то, когда волна солнечных, ярких картин о прошлом пропала, как оборвавшаяся кинолента, Юрий почувствовал неудержимую тягу к какой-нибудь физической нагрузке, чтобы хоть чем-то заглушить изматывающую душевную боль. Прямо тело потребовало – пожалело его, что ли?

И Костромин надел старенькие кроссовки, которые непонятно с какой целью прихватил с собой, когда уходил от Варюхи в тот тяжелый день Беды, влез в спортивный костюм и отправился на улицу.

Так и начал бегать, а на следующий день и на тренажерах заниматься. Что это было? Откуда такое желание возникло? Он не знал. Но в этом был путь его спасения, пусть и небольшого, но спасения, хотя бы физического.

Станным образом достаточно резко у Костромина поменялись и пищевые привычки. Любитель мяса во всем его разнообразии, Юрий в один момент перестал его употреблять. А поводом послужил их поход с

Маргаритой в самый крутой в Москве – а в другие она не ходила – ресторан стейков.

Она обожала стейки с кровью, практически сырые, с острым соусом. Юрий отвечал на какой-то из ее вопросов и отчего-то непроизвольно следил за ее действиями: вот Рита отрезала большой кусок мяса, положила его в рот, чуть прикрыв глаза от удовольствия, начала пережевывать, и Костромин заметил, как в уголке ее губ скопилась капля кровавого мясного сока, которая не удержалась и потекла по подбородку. Маргарита тут же утерла ее белоснежной салфеткой, на которой остался кровавый отпечаток.

Ему стало дурно! Отчего-то – вот так: мимолетно, но остро до реальности – Юрию вдруг подумалось, что она жует не говяжий стейк, а кусок его плоти, что отхватила в сексуальном экстазе.

Костромина замутило, и тошнота рванула к горлу.

Он справился с собой и смог не показать открыто своей реакции, но с этого самого момента больше не смог есть мяса.

Никакого! Вообще! Как отрезало!

Перешел на рыбу и морепродукты. А вскоре составил себе специальный режим питания, называемый в кулинарии «средиземноморский», который Юрия более чем устраивал.

Тем временем Рита все чаще высказывала свое недовольство их отношениями:

– Я тебе не проститутка какая, что ты ко мне только спать приходишь, а после сматываешься, даже на ночь не остаешься! Переезжать ко мне отказываешься, выводить меня куда-нибудь не хочешь! На фига мне такой мужик? Меня надо показывать в обществе, водить на выставки и VIP-мероприятия серьезные, в кино и театры. И пора бы уже, Костромин, вывезти меня за границу, лето в разгаре. Я женщина дорогая, Юра, уникальная, если ты еще не понял, требующая к себе особого внимания и заботы. Если не можешь – свободен! Сам понимаешь, мне неинтересны мужчины, которые для меня ничего не делают. – И, усмехнувшись, закончила свою тираду: – Ты даже не ешь со мной вместе.

И вот тогда его накрыло откровением.

На самом деле не ест он с ней! Сколько раз Ритуля заказывала ужин из ресторана, чтобы они вместе поужинали, когда он поздно приходил к ней с работы, и столько же раз Юра сидел вместе с ней за столом, подливал ей вина, мучился поддержанием какой-то беседы и практически ничего не ел, а делал вид.

А еще он никогда с ней не целовался! Впрочем, это было несложно. Странно, но отчего-то Ритуля не любила поцелуев, никогда не проявляла

инициативу такого рода и как-то призналась, что ее раздражает, когда мужики первым делом лезут целоваться, и вообще она этого не любит. Вот так и получилось, что Юрий ни разу не поцеловал ее в губы! Ни разу! И осознание этого факта так же стало для него открытием, как и еще одно, догнавшее следом, – он всегда предохранялся, когда был с Ритой.

Всегда!

Вернее, Юрий не мог бы сказать, что это делает именно он, поскольку совершенно не отдавал отчета в этих своих действиях, подсознание, что ли, работало, но каждый раз перед моментом близости, находясь уже в полном неадеквате, он умудрялся каким-то невероятным образом надеть контрацептив. У него теперь везде хранились презервативы: в машине в бардачке и в пепельнице, в брюках, в пиджаках, в портмоне – везде!

Перед тем как отправиться к Рите, Костромин убирал в сейф паспорт, документы и все ключи, кроме тех, что от съемной квартиры, с собой же брал только права и документы на машину.

Почему? Зачем он так делал?

Костромин не знал, но эти его неосознанные действия давали ему еще одну слабую надежду, что кто-то или что-то в той самой высшей инстанции все же не махнул на него рукой безнадежно, посчитав совершенно пропащим, а хоть немного, но оберегают его, не давая совсем уж пропасть и сгинуть.

Но Юрий и сам старался бороться как мог с болезненным притяжением к Маргарите и его разрушительными последствиями.

Костромин отдавал себе ясный отчет, что необходимо настолько, насколько он сможет, ограничивать проведенное с ней время, и теперь старался приезжать к Ритуле не каждый день, а через день-два, а то и три дня. Затем купил для нее самый дорогой тур на известный европейский курорт, отговорившись от совместного отдыха срочной работой, и отправил на две недели.

Юрий прекрасно понимал, что если проведет с ней вместе хоть несколько дней вот так плотно: жить в одном номере, спать в одной кровати, есть-пить, решать какие-то вопросы, пусть и банальные, остаться ли в отеле или поехать на дискотеку, то он пропадет окончательно и бесповоротно.

Да и... Маргарита была ему совершенно неинтересна как человек, как женщина, мало того, чем больше он ее узнавал, тем больше отвращали его черты ее характера, поведенческие и бытовые привычки.

Ладно, все понятно – но! Это не имело никакого значения – отвращало его что-то в Рите или нет, нравилась она ему или тоже нет – его все глубже

и безысходней затягивала в себя эта страсть. Две недели отсутствия Маргариты давали Костромину хоть какую-то небольшую отсрочку, возможность побыть наедине с самим собой и попытаться разобраться в том, что с ним происходит, и хоть что-то сделать, чтобы задушить в себе эту ненормальную, бредовую тягу.

Не получилось.

Он встречал Риту в аэропорту, и все внутри дрожало от горячих, нетерпеливых мыслей о том, что через какой-то час они окажутся в постели, от ярких картин в голове о том, как это будет происходить, последние три дня Костромин только об этом и думал.

Пропал... Пропал.

После того памятного разговора с отцом Варвара пробыла у родителей еще два дня и вернулась в свою квартиру.

– Может, тебе не стоит оставаться одной? – сомневался папа правильности ее решения.

– Как раз одной мне остаться и нужно, – твердо заявила Варя и принялась объяснять, наверное, уже раз в десятый: – Мне требуется все обдумать и разобраться в себе самой.

– Ладно, ладно, – махнул папа, соглашаясь, но просил: – Только не пропадай больше. На звонки отвечай и звони сама.

Любимая квартира встретила Варвару опасливой тишиной. Варя остановилась на пороге, прислушиваясь к этой особой тишине, и они помолчали вдвоем с квартирой, повздыхали над их общей бедой и решили, что жить все-таки надо дальше. Варя переступила порог дома и принялась за генеральную уборку, настежь распахнув все окна и двери, изгоняя застоявшийся запах беды.

Рисовать она так и не смогла, хоть и пыталась много раз, а не получалось, только рука с зажатым в пальцах карандашом напряженно и горестно дрожала над нетронутым листом бумаги, немым укором лежавшим на столе.

Тогда Варвара нашла себе другое занятие – гулять по Москве.

Под неспешный, размеренный, прогулочный шаг по старинным московским улочкам и переулкам очень хорошо думалось, и Варя брела и брела без цели и направления, погружившись в свои непростые мысли, и все прокручивала в голове разговор с папой.

Разумеется, уже утром следующего дня после ночного разговора она нашла в Интернете то Послание к Коринфянам, о котором говорил ей папа, и перечитала самым тщательным образом, как и множественные пояснения

к нему.

Да, очень мощное теософское откровение, очень.

Эта его «любовь долготерпит... не ищет своего... сорадуется истине, все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит» стало для Варвары неким нравственным канатом, за который она уцепилась мысленно и тащила себя из отчаяния и черного, жгучего обвинения мужа в измене и предательстве.

Вытащить-то вытащила, но не изжила в себе до конца, не преодолела, как ни старалась, все еще обижалась и плакала ночами в подушку, и спрашивала его шепотом:

– Как же так, Юра? Ну как же так ты мог меня бросить?

А еще она перестала видеть его мысленным взором, как привыкла за годы семейной жизни, и как ни пыталась, так и не смогла вызвать его образ. Но то ли взамен, то ли для зыбкой надежды ей стали сниться сны про их прошлое, про их счастье и радость и про потерю сыночка. Варя улыбалась этим снам и плакала. Просыпалась и продлевала воспоминания...

Вставала, плотно завтракала, обувалась в удобную любимую обувь, отправлялась в центр города, как на работу, и ходила, ходила каждый день по московским улицам, повторяя про себя слова этого Послания и пыталась разобраться, почему так с ними произошло.

Откуда напасть такая пришла и зачем? Для чего?

В один из дней, когда Варя вновь наугад брела куда-то, из привычной теперь задумчивости ее вывел неожиданный толчок – ничего не видя вокруг, погружившись в свои нелегкие мысли, она и заметить не успела, как натолкнулась на человека, вышедшего из ворот небольшой старинной церквушки и крестившегося напоследок.

– Извините! – поспешила извиниться Варвара.

Мужчина улыбнулся, кивнул и ушел. А Варвара осталась стоять, задумчиво разглядывая церковь, и вдруг поняла, что не случайно оказалась именно здесь, что надо обязательно зайти и поставить свечки за здоровье себе и Юре. И так она обрадовалась этой мысли, что стянула с шеи платок, украшавший ее летний наряд, повязала его на голову и вошла в церковь.

Внутри было прохладно и торжественно тихо, как обычно бывает в каждой церкви, когда там не идет служба и не проводятся иные церковные ритуалы.

Посетителей практически не было, лишь парочка старушек в платочках и какой-то молодой человек у иконы в дальнем углу, молившийся о чем-то своем.

У самого входа, даже не в территории храма, а как бы перед ней у двери, расположилась небольшая церковная лавка, где Варя купила целый пучок свечей. Постояла на входе, перекрестилась, вошла и растерялась, как любой человек, редко посещающий храм, не сразу ориентируясь, куда и как надо ставить свечи.

И тут из дальней дверки за алтарем вышел невысокий пожилой священник с окладистой седой бородой и, повинувшись внезапному порыву, чему-то неодолимому, Варвара решительно подошла к нему.

– Здравствуйте, батюшка, – поклонилась она священнослужителю и, сложив ладошки, как положено, попросила: – Благословите.

Священник дал свое благословение, добро улыбнулся и собрался было идти далее по своим делам, но Варвара остановила его, торопливо попросив:

– Батюшка, мне надо с вами поговорить, – поймала его мудрый спокойный взгляд и добавила: – Очень.

– О чем же, дитя мое? – улыбнулся он.

– Мне помощь нужна, батюшка, – призналась Варюха, и ее глаза как-то резко налились слезами. – Беда у меня, и я не знаю, как с ней справиться и что делать.

– Ну-ну, – взял он ее за руку и погладил утешительно. – Господь управит и все молитвы услышит.

– Поговорите со мной, – попросила Варя, и закипавшие слезы вырвались на свободу, скатились по щекам, но она на них не обратила внимания.

– Идем, милая, идем, поговорим, – не отпуская ее руки, священник повел Варвару в угол храма, где стояла небольшая скамья, усадил и сам сел рядом. – Время у меня есть.

– Как мне к вам обращаться? – спросила Варвара, по-детски хлюпнув носом от слез.

– Обращайся батюшка или отец Филарет, – улыбнулся он, достал из кармана бумажный платок, протянул ей и спросил: – А тебя как зовут, дочь моя?

– Варварой, – вздохнула она, вытерла слезы и высморкалась.

– Ну, поведай, что за беда у тебя приключилась, Варвара.

И она поведала.

Сначала с трудом подбирая слова и помогая себе жестами, но постепенно рассказ полился свободно, слова находились сами собой, и Варя рассказывала о том, как они с мужем жили, как счастливы были и любили друг друга, и как поддерживали друг друга, когда ребенка

потеряли, и как вдвоем справились с болью душевной. Рассказывала об их жизни, любви и о своем творчестве. И как вдруг обрушилась на них эта напасть, передала тот ужасный разговор с мужем, когда он уходил, подробно пересказала историю папиной первой жены. Затем заговорила о Послании к Коринфянам, которое вытащило ее из черной мути обвинения. Священник слушал, не перебивал и вопросов не задавал, а когда Варя закончила свое сумбурное повествование, вздохнул тягостно и молчал какое-то время.

– Ты слышала когда-нибудь такое определение, как «Суккуб», Варвара?

– Нет, – задумчиво протянула Варя, пытаясь припомнить. – Может, что-то отдаленно, но вроде нет.

– Придешь домой, посмотри поподробней в Интернете, – улыбнулся ей отец Филарет, снова помолчал, и улыбка исчезла с его лица. – Суккубами в разных религиях называли демонов похоти и разврата в женском обличье, которые соблазняют мужчин и вытягивают из них жизненную силу. Еще их называли сиренами, и иные разные имена давали, но основная задача суккуба совращать мужчин, сводя их с ума, и забирать их жизнь. Можно назвать это предрассудками и мракобесием, только ведь и религию еще недавно в Советском Союзе называли мракобесием, – улыбнулся он грустно. – Я не ведаю, столкнулся ли твой муж именно с такой женщиной, но, судя по тому, что ты рассказала, похоже, что эта женщина действует на него именно так. А самому человеку без сильной духовной составляющей с одержимостью не совладать, как и с иными тяжкими зависимостями. – И спросил вдруг: – Вы венчаны?

– Да, батюшка, – кивнула Варвара.

– А раз венчаны, да еще в любви, – неожиданно строго заговорил он, – то ты самый близкий и родной ему человек, твоя молитва за него самая сильная будет, вот и молись. Если ты человек не воцерковленный и всех обрядов не соблюдаешь и служб не посещаешь, ничего страшного, главное – искренняя сердечная молитва, идущая от души.

– А какую молитву надо читать? – спросила она, немного стушевавшись от его строгости.

– Я тебе подскажу, – снова по-доброму улыбнулся священник, – и подскажу, к каким святым обращаться и у кого помощи просить. И еще, дитя, – погладил он ее по руке, – съезди к Матушке Святой Матронушке, попроси и у нее помощи и там помолись. В вашей беде любая подмога нужна.

– Съезжу, обязательно! – твердо пообещала Варвара.

– И не вини его, – продолжил наставление отец Филарет. – В сердце свое, в душу черной обиды не допускай. Вина такая все убивает и калечит. А ведь муж и жена одно есть целое, и оба виноваты в своих бедах.

– И я? – поразилась Варя.

– А то как же, – снова стал строгим священник. – Первым делом у жены муж, а уж после и дети, и все остальные дела и заботы, так Господом нашим указано. Жены нынче все о себе и о своей самостоятельности пекутся, реализовываться кидаются, а того не понимают, что таким образом душу свою и своих детей калечат, и мужей своих от себя отвращают. Не буду тебе проповеди читать, только скажу еще кое-что. Запомни, Варвара: счастье любит тишину. А ты о своем счастье всему миру в трубы трубила и мужа своего превозносила и восхваляла – уж как хорош он у тебя, какой молодец. А негоже этого делать: счастье – вещь интимная, лишь для двоих, и тщательно оберегаемая. Радость жены, которую любят и холят, только твоя, женская, и выставлять ее на люди, кричать об этом – лишь провоцировать в людях зависть, злобу и корысть. А это грех, поскольку грех не только в творении его, но и в провокации его. Никто не говорит, что надо ходить угрюмым и притворяться несчастным, когда в людях любовь живет, она и так видна, и так всех вокруг обогреет, но кричать о своем счастье и выставлять его, значит, потерять. Есть такая присказка народная: «Раскатилось словами, да по деревеньке» – так говорили про тех, кто чем-то кичился, но потерял предмет своей гордыни и радости. – Отец Филарет снова похлопал ее по руке и улыбнулся: – Ну, идем, Варвара, покажу, куда свечи поставить, и молитву подскажу, какой молиться, хотя и Богородицу читать надо обязательно, и «Отче Наш», без них никак.

Варвара все сделала в точности, как сказал отец Филарет: и молитву прочитала, что он ей в молитвеннике показал, и Богородичную прочла, и свечи поставила. А когда выходила из церкви, батюшка догнал ее, окликнув у самых дверей, подошел, взял за руку, посмотрел прямо в глаза и сказал каким-то особым голосом:

– Мужа не предавай, не отрекайся, помогай ему молитвой, забудь про обиду дурную, помни о любви вашей, за нее держись и береги ее. Помни, что мирское и телесное все есть пыль и прах, главное, чтобы душевной измены не было, измены любви. – И перекрестил: – Ну, иди, Бог в помощь тебе, Варвара.

Вернувшись домой, Варя сразу же засела за компьютер, выуживая из Интернета всю информацию, какую только могла найти, о том самом загадочном суккубе, о котором говорил отец Филарет. Она было даже обрадовалась такому явному оправданию и объяснению Юриного ухода и

его ненормальной привязанности к другой женщине.

А утром проснулась и поняла – нет.

Конечно, удобней и легче думать, что Юрий не предал ее, все дело только в сильном воздействии, которое на него производит эта женщина. Злое и ненормальное. Так, конечно, проще и оправдать мужа, и себя успокоить, но... это глупость несусветная – суккубы какие-то, воздействие! Мракобесие, точно! Он просто увлекся другой женщиной, и все, а она...

Варя целый день ходила и все думала, думала о том, что сказал ей священник. А на следующее утро собралась и поехала к Матронушке – мракобесие, не мракобесие, а помолиться и попросить помощи точно не помешает. Ей любая помощь сейчас не помешает.

Варя выстояла длинную очередь, сделала все, как там у них заведено и как ей подсказали знающие женщины, а когда уже подходила к мощам, вдруг совершенно неожиданно для себя расплакалась и никак не могла остановиться – опустилась на колени перед мощами, плакала и через слезы что-то говорила Матронушке, просила помощи, молила спасти Юру.

Две женщины подхватили ее под руки, помогли подняться, о чем-то спрашивали, но Варя не понимала, о чем, сунули что-то в руку и проводили до выхода. И только оказавшись за дверью храма, она смогла успокоиться немного, глубоко вдохнула и выдохнула.

– Умирает, что ли, кто у тебя? – спросил ее чей-то голос рядом.

От неожиданности Варя даже вздрогнула, повернулась на голос и увидела женщину лет за пятьдесят.

– Не-нет, – всхлипывая после бурных слез, ответила Варя, даже головой покачала и призналась: – Муж ушел. – И зачем-то пояснила: – К другой женщине.

– А-а-а, – покивала понимающе женщина и заметила: – Что ж так убиваться, может, и хорошо, что ушел, может, другой придет и получше первого. Так часто бывает, люди плачут, умоляют Господа вернуть, что потеряли, а жизнь потом раз, и покажет, что хорошо, что потеряли, новое пришло, и получше, – и махнула рукой. – А у меня вот внучок умирает, болезнь страшная. Тут думаешь, уж хоть что со мной пусть произойдет и на меня все перекинется, лишь бы он выздоровел и жил, да только... – И она снова махнула. – У каждого свои беды. – Покачала головой и сказала: – Пойду еще помолюсь.

А Варвара стояла как окаменевшая, пораженная до самой глубины души тем, что сказала эта женщина, ее интонациями, этим спокойным голосом, не смирившимся, но принявшим свою беду и необходимость с ней бороться. И этому ее «плачут, умоляют вернуть, а жизнь раз, и покажет, что

хорошо, что потеряли, новое пришло, и получше».

Варвара была так поражена разговором, что думала о нем всю дорогу назад и повторяла про себя слово в слово. А когда разжала кулак, который все сжимала неосознанно, то обнаружила в нем лепестки цветов, которые раздавали молящимся у мощей Матронушки.

Вернувшись домой, она каждый листочек осторожно распрямила и уложила сушиться между страницами книги.

Налила себе чаю, прихватила кружку и встала у окна, задумчиво глядя куда-то вдаль.

Почему-то именно сейчас Варя осознала, что уже не вернется прежняя жизнь и ничего не будет так, как раньше.

Уже никогда не изменить того, что Юра ушел от нее из-за другой женщины, это останется с ними навсегда, получится ли у них жить вместе или они разойдутся и станут жить порознь, но это знание останется с каждым из них навсегда. И все, что произойдет в дальнейшем, будет совсем по-другому – плохо, хорошо ли, непонятно, но по-другому, это точно, и надо принять эту новую действительность.

Все! Нет больше той прежней насыщенной и полной счастья жизни – все! Кончилась! И надо уже начинать осознанно жить в этой новой реальности, какой бы она ни оказалась.

Выяснилось, что самое сложное – это побороть в себе обиду на мужа и бесконечно изматывающее размышление о том, что ему-то там хорошо с другой женщиной, в его новой жизни, весело и замечательно, у него любовь-секс и сплошная радость, а у нее тут удушающее тяжелое уныние, крах всего и теперь вот и молитвы о нем.

Она даже рисовать из-за него не может!!

Вот с этими претензиями и обидой было труднее всего справиться, но Варвара старалась.

Под конец июня на Москву опустилась жара, изматывавшая людей и плавившая все вокруг, причем пришла резко, всего за одну ночь – вчера еще стояли теплые ветреные дни, а наутро жарища грянула. Варвара полезла на верхние полки гардероба доставать самые легкие одежки и первым делом сняла запакованные в специальный вакуумный пакет Юрины вещи. Опустила на пол и встала над ними, задумавшись.

С того дня, как он ушел, миновали месяц и десять дней, Варя вела точный счет этим дням. За все это время Юра ни разу не позвонил и не объявился. Правда, он постоянно звонил папе и справлялся, как у нее дела, но ей – ни разу! Лишь приходили деньги от него на карту и звонили из его бухгалтерии, просили передать им показание счетчиков, чтобы оплатить

коммунальные услуги.

И все. Тишина.

Варвара ужасно, бесконечно соскучилась по мужу, ей так его не хватало, так...

«Стоп! – строго приказала себе Варвара и отодвинула эти мысли подальше. – Раскисать нельзя!»

Понятное дело, что Юра может купить себе все, что ему необходимо, но у него есть вот эти замечательные летние вещи, весьма и весьма дорогие, между прочим...

Костромин возвращался из Подмосковья с одного из строительных объектов, с руководителями которого подписал серьезный договор о сотрудничестве. Работы предстояли масштабные, планы они согласовали, мелочи обговорили, и уже завтра утром его бригада приступает к работе. Это хорошо!

Вообще постоянное желание Костромина сбежать от своей ненормальной привязанности к Рите в работу стало приносить неожиданно весомые положительные результаты в развитии его бизнеса. Он мысленно отмахивался, считая это стечением обстоятельств, везением и своим профессионализмом, но про себя осторожно удивлялся.

Зазвонил телефон, укрепленный в держателе на торпеде машины. Юрий глянул на определитель, и сердце остановилось...

«Варюша» – светилась надпись на экране.

Костромин резко свернул на обочину, затормозил, вытянул смартфон из держателя и медленно нажал на предложение «ответить».

– Привет, – услышал он ее родной голос.

И сердце, вспомнив, что надо жить, застучало как сумасшедшее, его аж в пот бросило.

– Привет, – осторожно ответил Костромин.

– Я тебя не отвлекаю?

– Нет, нет! – торопливо уверил он.

Господи, как же он по ней соскучился! Как же ужасно, бесконечно он по ней соскучился!

– Юр, – сказала Варвара спокойным тоном. – Я тут собрала твои любимые летние вещи, жара ведь несусветная на нас напала. Когда ты сможешь их забрать?

– Я? – растерялся он и тут же решил: – Сейчас могу.

– Прямо сейчас? – удивилась она.

– Ну... – посмотрел он на часы. – Я за городом, возвращаюсь с

объекта, думаю, за час доберусь, пробок вроде не должно быть.

– Хорошо, приезжай, – согласилась Варвара и, не попрощавшись, отключилась.

Он сидел и тупо смотрел на погасший уже и темный экран смартфона, который так и держал в руке, и чувствовал, как теплеет в груди возле сердца.

Что же он натворил? Как он без нее живет? Это же невозможно...

Возможно – тут же напомнил ему смартфон, завибрировав вызовом от девушки по имени Маргарита, звонившей с целью поинтересоваться, идут ли они завтра на концерт.

На концерт они идут. Завтра. Подтвердил Костромин и напомнил, что сегодня работает и к ней не придет.

Поставил телефон обратно в держатель, вздохнул тяжело и поехал к жене.

Варвара так нервничала, ожидая мужа, что не знала, куда себя деть, и от волнения вдруг решила приготовить его любимое летнее блюдо – окрошку по ее специальному и засекреченному рецепту. Юра это блюдо обожал, мог целый день есть в жару, особенно когда они бывали на юге, тогда... Стоп! – жестко остановила себя Варвара, нельзя сейчас предаваться воспоминаниям, а то она разнюнится, расплачется – нельзя!

В принципе она и собиралась готовить окрошку для себя, поэтому и нужные ингредиенты имелись, только поленилась, решила что-нибудь просто так перекусить. А тут расстаралась и вышла не окрошка, а сплошная роскошь.

Этот рецепт Варя нашла в книге старинных русских блюд, которую ей показал один художник. Книга была абсолютно раритетная, художник даже открывал ее с такой осторожностью и пиететом, что Варвара, помнится, пожалела, что у нее нет белых хлопковых перчаток, как у архивистов. Он раскрыл том торжественно и медленно и перелистывал страницы, что-то объясняя.

А Варюха вдруг заинтересовалась одним интересным рецептом – холодного крошеного рыбного супа, так он назывался. Она прочитала, а потом и записала, впрочем, как и многие другие рецепты из той книги. Целый день у того художника просидела, конспектируя.

Вот так и появилось у них в семье это уникальное блюдо, которое Варя усовершенствовала кое-какими своими добавками и придумками – рыбная окрошка, заливавшаяся холодной свежей сывороткой и настаивающаяся нужное время.

Варвара поймала себя на том, что от ужасного волнения и нетерпения почему-то вдруг взялась подробно вспоминать про ту книгу, про рецепт, отвлекалась, что ли.

И вот звонок в дверь!

Она побежала и вдруг остановилась перед дверью, положила руку на зачастившее дробью сердце и стояла, отчего-то не решаясь открыть. Звонок зазвенел еще раз громко и так неожиданно для нее, что Варюха дернулась, ойкнула и ринулась открывать.

Увидела Юру... и задохнулась от счастья просто его видеть.

И смотрела на него во все глаза. Господи!! Как же она по нему соскучилась!! Как соскучилась!!

А он застыл и смотрел, смотрел на нее жадным взглядом и не мог двинуться и ничего произнести – так и стояли, разделенные порогом, и глядели друг на друга, пока на нижнем этаже с шумом не открылись двери лифта.

– Привет, – выдохнул Костромин, словно очнувшись от наваждения.

– Привет, – ответила выдохом Варвара и отступила от двери, пропуская его, – проходи.

Юрий зашел, посмотрел по сторонам, вдохнул запах родного дома, прислушался к нему, ощущение было странным, словно он отсутствовал здесь не месяц с лишним, а целую потерянную где-то жизнь. Наверное, так оно и есть.

– Я приготовила твою окрошку, – сказала Варвара излишне бодрым тоном, закрывая за ним дверь. – Будешь?

– Нет, спасибо, – отказался Костромин, преодолевая себя.

Как только Варя сказала про окрошку, он тут же почувствовал божественный вкус во рту, и ему нестерпимо захотелось отведать ее немедленно.

Но сейчас...

Как? Вот он станет есть, постанывая от удовольствия, а она будет сидеть напротив? Улыбаться, как обычно бывало у них прежде, и во всем этом будет что-то непередаваемо прекрасное из их прошлой жизни и какая-то надежда на будущее.

А он уйдет! Вот доест эту окрошку, возьмет вещи и уйдет! Туда, к той женщине! Пусть не сегодня, завтра – но к той женщине!

А Варька снова останется тут одна.

И, будь она неладна, с целой кастрюлей окрошки, которую, Юрий точно знал, приготовила специально для него.

Для него, твою мать!!

Костромину резко стало так плохо, что перехватило легкие спазмом и дышать оказалось невозможно, и говорить, и смотреть на нее.

– Мне надо руки помыть, – придушенно просипел он и кинулся в ванную, сбегая от этих ее всепонимающих весенних глазищ, смотревших на него с тревогой.

Он подставил лицо под струю холодной воды и продышался как-то через ненависть к себе. Было тошно от себя самого, но он справился, затолкал это отвращение подальше, вдохнул-выдохнул, выключил воду, вытер полотенцем лицо и вышел из ванной комнаты.

Но самообладания Костромину хватило ненадолго, стоило увидеть, как жена сидит на краю дивана, напряженная, натянутая, как струнка, сцепив руки в замок на коленях, и смотрит на него перепуганными глазами, ему тут же захотелось завывать от бессилия. Юрий сел на диван, но подальше от Вари, и тоже сцепил замком пальцы, сжал их с силой.

– Юра, что с тобой? – осторожно спросила его Варюха.

– Со мной, Варь, все то же самое, – глухо ответил Костромин.

И замолчал. И внезапно его прорвало, совершенно неожиданно, бесконтрольно, словно затопило страшной темной волной.

– Я сам себе отвратителен, Варь! – Он повернул голову и посмотрел на нее. – Я люблю тебя, мне без тебя плохо совсем, тошно, я ужасно по тебе скучаю, но я сплю с другой женщиной, потому что не могу преодолеть дикой сексуальной тяги к ней! Как тебе такая правда? Как тебе такой муж? – горько усмехнулся он и продолжил свое признание: – Она неприятна мне как личность, как женщина, как человек, я даже разговаривать с ней не могу, но я сплю с ней, и ради этого удовлетворяю ее капризы и позволяю ей собой манипулировать. – Он расцепил ладони и потер глаза. – Я мечтаю избавиться от нее и одновременно ужасаюсь при одной мысли потерять этот секс! Ты не представляешь, каким дерьмом и ничтожеством я себя ощущаю!

– Юра! – кинулась к нему Варвара утешать, обняла, как смогла, угловато, неудобно, но обняла. – Перестань, не надо себя уничтожать такой ненавистью! Это твоя тяга беда, и мы с ней справимся. Это как болезнь, понимаешь?

– Варька! – внезапно как очнулся Костромин и, резко повернувшись, ухватил ее руками за лицо и всмотрелся в глаза. – Ты прости меня, родная, прости, пожалуйста!

– Я прощу, прощу, – вдруг залилась она слезами.

– Ты только не бросай меня, Варюха! – просил с надрывом, эмоционально, уже ничего не слыша, Костромин, жадно вглядываясь в ее

лицо. – Я все понимаю, я предал тебя, обидел ужасно, я изменяю тебе, но ты меня прости! И не бросай, прошу тебя!

– Я не брошу, не брошу! – пообещала она, продолжая заливаться слезами.

И вдруг Костромин, не выдержав, припал к ее губам долгим, сильным, почти болезненным поцелуем.

И они целовались, целовались, словно возлюбленные, давно потерявшие и считавшие друг друга погибшими, неожиданным чудесным образом встретились, оказавшись живыми. И куда-то канула беда, и пропасть, разделявшая их, и полетели в стороны вещи, судорожно срываемые друг с друга.

Он что-то еще говорил, как в горячечном бреду, умолял, объяснял, целовал, и столько в этом их соединении было отчаяния, столько невозможности всего и столько больной и настоящей любви, что слезы смешивались на их лицах, и казалось, что рыдают даже их тела...

И Варвара чувствовала всем сердцем, всей душой, каждой своей клеточкой и всей своей любовью это его глубокое неодолимое отчаяние и душевную боль...

Как человек, угодивший в воду полыньи, пробитой стремниной в неотвратимую гибельность, затягивающей его глубинной черноты, цепляется из последних сил за крошащуюся под его пальцами льдину, срывая ногти и раздирая пальцы в кровь, уже зная, чувствуя, что пропал, пропал окончательно и безвозвратно, и все же, все же – спастись, спастись, пусть хоть в призрачной, невозможной надежде! Так и бился в Варвару Костромин в той самой последней отчаянной, уже практически невозможной надежде... и в любви!

Все-таки в любви!

Он заснул сразу после ошеломляющего, невероятного по силе, высоте и чистоте чувств оргазма. Все еще крепко прижимая Варюху к себе, не отпуская от себя и во сне, и положив голову ей на плечо. И Варвара осторожно, чтобы не потревожить этот очищающий сон, еле-еле дотянулась двумя пальчиками свободной руки за сброшенным на пол пледом, подтащила к себе, подняла одной рукой и укрыла их обоих.

Юрий спал совершенно расслабленно и мирно, а Варюха прижимала любимого к себе и рассматривала, не отрываясь. Он изменился за это время, выглядел старше своего возраста, морщинок добавилось, словно некая невидимая печать глубоких переживаний отразилась на его лице, и похудел немного, правда, мускулы проявились более рельефно.

Наверное, прошло около часа, когда Варвара почувствовала, что рука,

на которой лежала голова мужа, окончательно затекла и сильно разболелась. Женщина постаралась как можно осторожней вытянуть руку, но Юра вдруг резко, в один момент проснулся.

– Рука, – извиняющимся тоном пояснила Варвара.

Костромин посмотрел на нее пристально, каким-то странным, глубоким взглядом, наклонился и поцеловал долгим, невероятно нежным, благодарным поцелуем и... и перелег на нее сверху и целовал уже все ее лицо медленно, пронзительно нежно.

И так же медленно и нежно они соединились и сливались воедино, смакуя и даруя друг другу каждое мгновение этой нежности...

А после снова невероятного, пронзительного оргазма Костромин сразу поднялся и, собрав свою одежду с пола, ушел в душ, не сказав ни слова. Варвара, услышав, как полилась вода, встала с дивана и оделась.

Провела рукой по диванной обивке, как будто благодарила за то, что сейчас здесь случилось с ними. Диван был именно такой, как и хотел Костромин – мягкий и низкий, и очень глубокий, такой, на котором и сидеть, развалившись и протянув ноги на кресло или пуфик, удобно, и лежать уютно, как в перине, и на котором они не раз занимались любовью и прекрасно помещались вдвоем.

Как сегодня.

Звук льющейся воды в ванной комнате прекратился, Варвара вздохнула, поднялась с дивана и пошла в кухню.

– Варь, – сухим покаянным голосом произнес у нее за спиной Костромин.

Она не отозвалась, застыла у столешницы с напряженной спиной, ожидая того, что он скажет, и уже зная, чувствуя, что именно он скажет.

– Я пойду, – через силу произнес Юрий.

– Да, – отозвалась хрипло она, кашлянула, развернулась к нему лицом и кивнула, отпуская его и освобождая от этой пытки. – Иди.

– Прости, – попросил он в который уже раз.

– Я стараюсь, – улыбнулась она болезненно и повторила: – Стараюсь, Юра. – И вздохнула, принимая наигранно легкий тон. – Сумка с вещами в гардеробе. Иди, заberi.

– Да, – кивнул Костромин, поиграв желваками на скулах от душивших его эмоций.

И вышел из кухни.

Варюха передохнула, стараясь справиться с собой, ее взгляд упал на кастрюлю с окрошкой, и женщина вдруг заторопилась.

– Юра, подожди! – позвала она, выбегая в прихожую, когда он уже

распахивал входную дверь.

Костромин остановился, повернулся и улыбнулся ей совершенно измученной улыбкой человека, терпящего пытку.

– Ты сегодня... – Она запнулась, но спросила-таки: – ...пойдешь к ней?

– Нет, нет, – торопливо заверил он, даже головой покачал, – что ты.

– Подожди тогда секунду, – попросила Варюха и торопливо ушла.

И вернулась, неся в руке большой пищевой термос, который обычно давала мужу, когда он ехал в командировку.

– Вот, – протянула она термос Костромину. – Возьми. Это окрошка, ты же любишь, я ее для тебя готовила.

– Спасибо, – кивнул он, забирая термос. Сглотнул, пытаясь справиться с бушевавшими чувствами, шагнул было к жене, хотел что-то сказать, объяснить. – Варь...

– Не надо, Юр, – остановила она и сама шагнула к нему, оказавшись совсем близко, погладила по щеке, всмотрелась в его лицо. – Не надо такого отчаяния и боли. Не надо так уничивать себя, и такой черной вины не надо. Сходи в церковь, поговори с батюшкой каким, может, он тебе поможет и что-нибудь подскажет, – приподнялась на цыпочках, поцеловала Юрия в щеку и коротко в губы и прошептала: – И береги себя, не поддавайся ей, не сдавайся.

Он отпустил ручки сумки, она шлепнулась большой лягушкой на пол возле его ноги, прижал Варю к себе одной рукой, уткнулся лицом ей в волосы и прошептал:

– Я стараюсь, Варюх, стараюсь изо всех сил. – И попросил еще раз, совсем тихо, от самого больного своего сердца: – Прости...

Вдохнул глубоко, выдохнул, резко отпустил жену, поднял с пола сумку и ушел, не оборачиваясь.

Она не плакала, не сожалела.

Перестать стенать! – одернула себя Варвара. Хватит!

Не знаешь, чем помочь – для начала прекрати себя изводить! А там посмотрим, батюшка сказал: «Господь управит!» Вот пусть он и управляет, а она...

...легла спать, хоть и было совсем еще рано, но, словно охраняя ее разум от психологических перегрузок, организм заявил, что ему требуется отдых, и Варя буквально отключилась, стоило ей забраться в кровать и коснуться головой подушки.

На следующий день Варвара, как уже стало привычно, отправилась бродить по Москве и, проходя знакомыми улицами, вдруг поняла, что

испытывает тягу снова поговорить с тем самым священником, с отцом Филаретом, рассказать ему про вчерашний приход мужа и испросить совета, да хотя бы просто побыть рядом с мудрым человеком.

Отец Филарет был занят, у него шло венчание, Варя подошла как раз к середине обряда. Она смотрела с грустью на молодую красивую пару, слушала слова молитв и наставлений, что давал им батюшка, и держалась, чтобы не расплакаться от нахлынувших воспоминаний про их с Юрой венчание.

Ничего, выстояла и обряд и приступ слезливости не допустила.

Отец Филарет обрадовался Варе, сказал, что с ней побеседует, но чуть позже, пока занят. Варвара, ожидая его, поставила свечи и помолилась у икон, как учил батюшка, а у Богородицы так и вовсе задержалась и что-то объясняла ей шепотом, просила помощи...

– Ну, что, дочь моя? – подошел к ней отец Филарет. – Просветлело в душе у тебя?

– Не совсем, батюшка, – вздохнув, повинно призналась она.

Они устроились на той же скамье, что и прошлый раз, и Варвара принялась рассказывать, как ходила к Матронушке, и про разговор с той женщиной, и о том, что поняла, и, разумеется, о приходе Юры.

– Я не понимаю, как мне жить дальше, что делать? – закончив рассказ, высказала она наконец самое важное, что сама до сих пор не осмысливала до конца, но что подспудно мучило ее и не давало покоя. – Я потеряла не только мужа, я потеряла свое творчество, и это так же ужасно, как и его уход. У меня не одна беда, а две страшные потери. Невозможность рисовать просто убивает меня, батюшка. Мне не за что зацепиться душой, чтобы справляться с ситуацией, нечем даже себя занять. Я не могу читать, смотреть телевизор, кино, театры, выставки – ничего не могу! Даже разговаривать с родными и друзьями не могу. Я не знаю, что делать... – Все же заплакала она, как ни крепилась, и повторила: – Не знаю.

Отец Филарет вздохнул глубоко, снова достал бумажный платочек и протянул ей. Варвара взяла, кивнула благодарно, но вытирать слезы позабыла, неотрывно глядя на батюшку.

– Расскажу тебе одну историю, – начал говорить он своим приятным густым успокаивающим голосом. – Было это в начале девяностых годов, служил я тогда в Подмоскowie в одном небольшом приходе. Вот как-то увидел женщину, не из моих постоянных прихожан, молится она, крестится, поклоняется и улыбается при этом да посмеивается. Я заинтересовался, подошел и спросил, что ее так радует, а она мне отвечает: «Вот, батюшка, пришла Господа Нашего благодарить, поклоны ему земные

бить за то, что взял всего лишь деньгами!» И рассказывает, что у нее большая семья: она с мужем, двое детей уже взрослых, уже и у них семьи свои и внуки имеются, и все они живут в одном доме. Много лет копили деньги, чтобы приобрести хозяйство побольше, и собрали наконец нужную сумму. Уже и покупателей на свой старый дом нашли, и новый дом подобрали с большим участком. Уж и договорились с хозяевами и оформлять документы начали, а за день до того, как продать свой старый дом и расплатиться за новый, деньги-то у них украли. Сосед завистливый воров навел, сказал тем, где деньги держат. Уж как они расстраивались, как плакали все и горевали: считай, все потеряли. Хорошо хоть свой дом не успели продать. А через три дня тот дом, что они планировали купить, сгорел дотла, да еще и хозяева пострадали, один и вовсе погиб. Загорелся дом от неисправной старой проводки. Вот женщина и молится от радости и благодарит Бога, что «взял», как она выразилась, с них всего лишь деньгами, а не бедой за то, что такое дело большое затеяли, а Господа ни разу не помянули даже, не помолились и помощи не просили, забыли Бога в суете житейской.

Он замолчал, вздохнул скорбно, достал из кармана небольшое яблочко, протянул Варваре и продолжил свою наставническую речь:

– Люди по натуре своей человеческой эгоистичны и инертны и в большинстве своем вспоминают о Боге, только когда беда какая-то с ними приключится, вот уж тогда бегут в церковь поклоны бить и умолять о помощи. Мы забываем благодарить Отца нашего Господа о том даре, о той благодати, которой владеем и что имеем каждый день. Вот ты, например, дочь моя, даже и не думаешь, что на самом деле обладаешь огромным счастьем: ты здорова, руки-ноги у тебя целы и голова в порядке, твои родители здоровы и все еще с тобой, у родных все в порядке, муж твой здоров, у тебя есть любимое дело, творчество и материальная стабильность, крыша над головой и пища в любой момент. А это большое счастье. Большое, – повторил он назидательно. – Только люди воспринимают это счастье как должное и забывают о необходимости постоянной душевной работы, о молитве, о том, что необходима и аскеза, и пост, как посвящение Господу и как очищение той самой души. – И неожиданно посоветовал: – Ты яблочко-то попробуй, вкусное, фермер нам один привозит.

Варвара откусила от яблока и стала жевать. Действительно, вкусное.

– Вот и ты, Варвара, – продолжил священник, с улыбкой поглядывая на нее, – возблаговари Господа, что он тебе такое легкое испытание дал. Вот подумай, если бы сейчас муж твой лежал прикованный к койке и муку

терпел невыносимую в смертельной страшной болезни, как бы ты и о чем Бога молила?

– Чтобы выжил, – тут же мгновенно представила она Юру на больничной кровати и ужаснулась, аж похолодела вся и повторила запальчиво: – Только бы живой был! О жизни его молила бы!

– Во-от, – протянул отец Филарет. – И коль любишь ты его истинно, то просила бы Господа: да пусть что угодно случится, хоть любовница у него, хоть три, хоть и совсем меня покинет и другую семью заведет, только пусть живой и здоровый будет и так страшно не мучается. А еще небось как та женщина, говорила бы: пусть бы мне страдания эти, чем ему. От любви бы своей так говорила. Разве ж не так?

– Так, батюшка, – покивала расстроено Варя.

– Вот и подумай, насколько тяжела ноша твоих испытаний, настолько ли, чтобы предаваться унынию? Трудно твоему мужу, не спору. Тяжело бороться с той темной силой, с которой он столкнулся, но ему дано такое испытание Господом нашим, Отцом небесным, и он его проходит, значит, есть у него на то и силы. А твоя обязанность как жены венчанной в любви взаимной помогать мужу и поддерживать всячески. Молись, и ничего иного нового я тебе не скажу, Варвара.

– А если он пропадет? – прошептала она, сама пугаясь этих своих мыслей. – Если не справится с этой одержимостью?

– Господь милостив, – погладил ее по голове батюшка, мудро улыбаясь. – Но нам не дано знать его воли.

Этот разговор с отцом Филаретом поддержал Варвару, помог взглянуть на проблему под иным углом, но не дал желаемого успокоения и понимания, как жить дальше и что делать со своей жизнью?

Она чувствовала себя совершенно неприкаянной и металась, пытаясь занять себя хоть каким-то делом: то выставки посещала, то участвовала со своими прошлыми работами в других выставках. Снова стала общаться с художественным кругом своих приятелей и знакомых. Но ничего ее не радовало и не могло отвлечь от бесконечных мыслей о Юре и ужаса потери своего творчества и таланта.

Измучившись душевно, Варвара вдруг решила, что надо срочно поменять обстановку, и купила горящую туристическую путевку на Алтай, надеясь, что может там, в этом волшебном краю, ей станет легче и, может, может...

Алтай был прекрасен!

И поездка была чудесная... но не для нее. Вместо того чтобы

отвлечься от своих переживаний, Варвара лишь глубже погрузилась в уныние, в первый же день поездки оказавшись в одном из тех мест, где они побывали с Юрой, и это просто вытаскивало из нее все силы и душу.

Но она заставила себя пройти весь тур до конца и вернулась в Москву совершенно измученная и опустошенная. И надо было снова думать, что же делать дальше.

Как жить? Как ей жить?

Маргариту просто сносило.

Она не понимала, что происходит. Ей никак не удавалось полностью подчинить этого мужика и заставить его делать то, что она хочет. Как вообще такое возможно?

Никто и никогда не сопротивлялся ее влиянию, мало того, с радостью попадал под него, а этот Костромин продолжал противостоять ее напору. Поначалу Риту это сильно заводило, но постепенно стало раздражать, а последнее время так и просто выводить из себя. И тогда она принялась скандалить.

Вот это было что-то новенькое в ее жизни – скандалы. Раньше никогда такого с ней не происходило, ибо не имелось для них оснований.

Какие скандалы? О чем вы? Если она была чем-то недовольна, ее мужчины немедленно торопились исправить такую оплошность и во всем угождать, только бы Маргарита не отлучила их от своего тела и не лишила... ну понятно чего.

Этот же Костромин!

Нет, он ее баловал, а куда бы он делся! Старался, в меру своих скромных возможностей, разумеется, все-таки не олигарх, на настоящую лакшери, роскошную жизнь не тянет, но ничего, пока Риту вполне устраивал и такой уровень. Тем более что планы на него у Ритули имелись совершенно конкретные, деловые и далеко идущие.

Вот о планах, кстати.

Именно из-за них она целую неделю пребывала в ужасном настроении и невероятном недоумении, как вообще такое возможно!

Рита объявила Костромину, что собирается за него замуж и ему пора бы сделать ей официальное предложение.

– Я женат, – напомнил он спокойным ровным тоном, который иногда ее просто бесил.

– Значит, пора развестись, – распорядилась Рита холодно.

Юрий пожал плечами и одному дьяволу понятно, что он подразумевал под этим жестом.

– Разведись! – строго потребовала Рита с нажимом и предупредила: – Или уходи и не смей ко мне больше приходить! Мне нужен муж, а мы друг другу прекрасно подходим. Так что решай.

Он снова неопределенно пожал плечами и... она обалдела! – встал и ушел! Молча! Не сказав ни слова!

И неделю вообще не звонил. Не объявлялся!

Ритка бесновалась, ей мозг от такого поведения мужчины сносило – да как такое возможно?!

Бабушка Эльвира Андреевна, выслушав негодование и возмущение внучки, посоветовала:

– Брось его, не трать на него время, найди другого мужика. Этого тебе не сломать! На фиг, Рита, не занимайся ерундой!

– Да сейчас! – возмущалась Рита, пойдя на принцип. – Ну уж нет! Я решила. Я на него поставила, и я его сделаю! – И посмеялась, признаваясь бабушке: – К тому же это единственный мужик, который меня страшно заводит в сексе, и я его постоянно хочу. Ничего, – пообещала она, – я его приручу! Будет ноги мне целовать!

– Ну, резвись, если так приспичило, – усмехнулась бабуля, но предупредила: – Особо не зарывайся, у таких мужиков есть определенный предел, который лучше не переступать, можно и огрести. Бросила бы ты его, что ты в него уперлась? Зачем тебе мужик, которым ты не можешь управлять? Думаешь, добьешься своего, и он изменится? Не-а, такие не меняются! Поостереглась бы ты, Рита.

– Ерунда, – отмахнулась Ритка. – Будет так, как я захочу.

Она хотела! Она действительно хотела Костромина, как ни одного мужика в своей жизни, он заводил ее страшно этим своим постоянным молчанием, отстраненным холодным видом и тем, что сам решал, когда приходить к ней, а когда игнорировать. А больше всего тем, что ей никак не удавалось переломить ситуацию и привязать его к себе намертво.

Вот и в этот раз Рита продержалась неделю, изматерившись, kloкоча негодованием и возмущением, но так и не дождавшись покаянного звонка, позвонила сама и потребовала, чтобы он приехал, якобы для серьезного разговора.

Разговаривать они вообще не стали, сразу с порога занявшись сексом.

К теме развода больше не возвращались, но это не значило, что Ритуля отказалась от своих планов, напротив, она только укреплялась в решимости заполучить его, как самый крутой трофей своей коллекции.

И раз с Костроминым пока бесполезно говорить на эту тему, надо заняться его женушкой, чтобы она сама дала ему развод и послала куда

подальше.

Эта идея порадовала Ритулю.

Но для начала следовало отыскать жертву. Ни адреса, ни телефона Юриной жены у нее не имелось, как и возможности добыть их у Костромина. Со своим телефоном он никогда не расставался и не оставлял его без присмотра, даже когда ходил в туалет, да и толку-то от того смартфона, на нем пароль стоит. Паспорта и иных документов, кроме прав и документов на машину, с собой не носил, она сто раз, наверное, проверяла, когда он был в душе или в туалете.

Но Ритуля сообразила, как добыть нужный ей адрес и телефон.

Она обратилась к знакомому из ГИБДД, которому однажды помогла, разумеется, с дальним расчетом на ответные услуги, и теперь пользовалась этими самыми его услугами, хоть он давно и безнадежно пускал на нее слюни, отлично понимая, что она барышня не его уровня и ничего ему тут не обломится, но деньги тоже очень любил и брал с удовольствием.

Вот к нему Ритуля и обратилась, чтобы по номеру и марке машины в своих гаишных базах он нашел адрес Юрия и – еще пачечка денежек – телефон его жены. Он и нашел все данные.

Варвары Леонидовны Костроминой.

Ну-ну.

Где-то через неделю после возвращения с Алтая на сотовый Варвары пришла эсмэска: «Если хочешь быть живой и здоровой, разведись!»

Варя как-то не сразу въехала в такой наезд, прочитала сообщение еще раз и похолодела, понимая, от кого именно оно пришло. Посмотрела определитель – разумеется, номер неизвестный.

Эту первую эсмэску Варя проигнорировала, но следом за ней посыпались новые и новые, с угрозами, оскорблениями, со скабрёзными и откровенно порнографическими описаниями того, чем занимается эта женщина с ее мужем. Потом начались звонки.

Первый раз звонок раздался совсем ранним утром, где-то часов в шесть, наверное.

– Да, – ответила Варвара, не проснувшись до конца и не посмотрев на определитель.

– Ты что, не поняла? – раздался незнакомый наглый голос в трубке. – Тебе же сказано: жить хочешь, разведись немедленно. – Незнакомка вдруг рассмеялась: – Слушай, а это идея! Как вдовец он меня еще больше устроит, не придется делить недвижимость.

И отключилась.

Днем эта женщина позвонила снова, но Варвара не взяла трубку. Вечером раздался еще один звонок, и на экране определился незнакомый номер, но другой, не тот, с которого звонила незнакомка. И Варвара ответила.

– Слушай, подруга, – весело спросила та женщина. – Ты на каком кладбище предпочитаешь лежать? Я тут решила оплатить тебе достойные похороны.

Варвара быстро отключилась.

Ей не было страшно, ей было противно.

Она проходила еще день, напряженно думая, посвящать Юру в такой телефонный терроризм его пассии или нет, и так и не решила.

Но через два дня бесконечных мерзких эсмэсок и звонков с различных номеров Варя не выдержала и позвонила мужу.

– Привет, – ответил он, и Варюха услышала, уловила всем сердцем, как он обрадовался этому звонку.

– Привет, – не смогла удержать улыбки и радости она.

– Что-то случилось? – спросил Юра.

И вся ее мгновенная светлая радость улетучилась от этого вопроса.

– Да, Юра, случилось, – подтвердила она. – Твоя барышня присылает мне грязные эсмэски, звонит и угрожает. Это можно как-то прекратить?

– Я разберусь, – очень жестко ответил он и распорядился: – На звонки не отвечай, только на номера родных. К вечеру я все улажу. – Замолчал, подышал тяжело в трубку и совсем другим, покаянным, в один миг уставшим и перегоревшим голосом попросил: – Прости, Варюш, прости.

– Юра! – вдруг спохватилась Варя, испугавшись отчего-то за него. – Ты, знаешь что, ты не разбирайся с ней! Не надо! Просто придумай что-нибудь!

– Не переживай, Варюш, я разберусь с проблемой, – с забытой ею нежностью произнес он и отключился, не попрощавшись.

Разобрался или нет, она не знала, но вечером курьер доставил ей новый навороченный смартфон с новой сим-картой, на который практически сразу, минут через десять после ухода курьера, раздался звонок, определившийся на экране как «Юрий».

– Да, – ответила она.

– Варюш, ты попользуйся пока этим номером, я туда уже забил всю записную книжку и отправил всем рассылку с твоим новым номером. Это временно, потом... – Он запнулся. И они замолчали: никто из них не знал, когда настанет это потом, настанет ли вообще и что будет с ними обоими после этого «потом». Но он справился с заминкой и продолжил твердым

тоном: – Потом можно будет вернуться к прежнему номеру. И, знаешь, Варюш, ты поживи пока у родителей. Или, хочешь, я тебе тур какой-нибудь по Европе куплю или еще куда.

– По Европе не хочу, – отказалась Варвара. – Подумаю. Может, куда и поеду, ты не волнуйся.

– Но все же... – Он помолчал и закончил-таки фразу: – Поживи пока у родителей.

– Хорошо, Юра, я подумаю, – спокойно ответила Варя и, не удержалась, спросила: – Ты как там? В порядке?

– Нормально, – ответил он, и Варя услышала, как Костромин усмехнулся совсем невесело.

– Юра, – вдруг заторопилась она. – Ты держись, ты не поддавайся, слышишь! Ты все-таки сходи в церковь. Или, знаешь, может тебе с Володей поговорить, вдруг он что подскажет, он же продвинутый в духовных практиках.

– Хорошо, Варюш, я схожу, – пообещал ей Костромин совершенно уставшим голосом и попросил: – Ты там... береги себя, Варь.

– Я берегу, берегу, – беззвучно заплакала она и попросила в ответ: – И ты береги.

– Договорились, – усмехнулся грустно Костромин и попрощался: – Ну, пока.

– Пока, Юр, пока, – плакала Варвара.

На следующий день в дверь к ней позвонил курьер. Представился, когда Варя спросила «кто?», объяснил, что доставка цветов, и Варвара спокойно открыла.

А что бы ей спокойно не открыть, если у них вокруг дома охраняемая территория и внизу сидит консьержка, которая очень даже бдительная, иногда так чересчур, и строго следит за тем, кто куда и по какой надобности идет, в тетрадку специальную записывает: «для порядка», как она говорит.

Вот курьер с цветами идет к Варваре Костроминой, это нормальное явление, у нее любящий муж, который частенько присылает ей вот так цветы, особенно когда сам находился в командировках.

Курьер как курьер, держал в руках огромную длинную картонную коробку, которую и вручил Варе после того, как она расписалась в ведомости о доставке, пожелал всего хорошего и ушел.

Варюха улыбалась – это от Юры, точно!

После вчерашнего их разговора, ну а кто еще мог прислать ей цветы, конечно, Юра...

Оказалось, что, кроме Юры, нашлись желающие...

В коробке лежали четыре большие голландские черные розы на длинных стеблях, уже увядшие совершенно, перевязанные траурной лентой с надписью: «Покойся с миром, Варвара».

И маленькая записка к «букету»:

«Ну, все, ты меня разозлила всерьез!»

Вот только теперь Варвара испугалась.

Ее накрыло осознанием, насколько ненормальна эта женщина, какой злой волей она обладает. С ее стороны можно ожидать любой провокации, любого нападения.

Варе стало плохо от понимания ситуации, в которой она оказалась. Одно дело – муж ушел из-за женщины, и совсем другое – когда эта женщина собирается тебя извести!

Совсем другое! Это как-то, знаете, неприятно!

Она вдруг вспомнила слова Юры о том, что он испытывает патологическое, болезненное влечение, и о том, что он не уважает эту женщину и она его даже отталкивает как личность и как человек.

От этого воспоминания Варваре стало еще страшнее.

Она переедет, временно переедет к родителям, только...

Вот только у нее послезавтра выставка-продажа, на которой надо обязательно присутствовать, потому что там представлены три ее работы и устроители просили привезти с собой еще несколько рисунков и гравюр по ее усмотрению, потому что ожидали большого интереса к своей выставке и высокого спроса к работам художников. А ехать надо именно из дома – ближе, и везти папки с работами удобней.

Конечно, аргументы так себе, все ерунда – можно на такси преспокойненько и от родителей поехать, но...

Но где-то в глубине Варе все же не верилось, что ей может угрожать реальная опасность. Ну, пишет и звонит эта неадекватная барышня, ну, угрожает и букет дурацкий прислала, но что она вот так на самом деле попытается ее убить, что ли?

Да бред! Больная ненормальная женщина, и все!

Просто бесится, видимо, от того, что Юра ей не по зубам, не может его приручить, вот и сходит с ума!

Пережив первую удушающую волну страха, Варвара успокоилась, погасила панику и подумала: «Да что мне теперь из-за ненормальной какой-то из дома сбегать? Да пошла она куда подальше!»

Она решительно вышла в коридор и долго нервно заталкивала цветы и коробку в мусоропровод – цветы затолкала, вся исколовшись, а вот коробка

не входила категорически.

– Ну и черт с тобой! – разозлилась окончательно Варя и оставила эту длинную дуру у мусоропровода. – Потом вынесу на мусорку!

В таком вот боевом задоре и провела весь вечер.

На самом деле ничего страшного не происходило, да и не страшного тоже ни в этот день, ни на следующий день, а Варя и в магазин за продуктами ходила, и по городу гуляла, в церковь заходила свечки поставить и помолиться за мужа, как отец Филарет научил. И все тихо и спокойно: никто не поджидал ее в подворотне и не покушался на ее драгоценную жизнь.

Варвара расхрабрилась окончательно, поддерживая в себе взбодренный дух смелости.

Через день после того, как ей доставили тот злополучный букет, когда Варвара садилась в такси, чтобы ехать на выставку, какая-то женщина в балахонистой темной одежде, в платке и больших темных очках, спокойно проходившая мимо, вдруг резко метнулась к Варваре и плеснула ей в лицо какую-то жидкость.

Варя инстинктивно отшатнулась, дернула вверх рукой, в которой держала большую папку с рисунками, прикрывая лицо, нога соскочила с тротуарного бордюра, подвернулась, Варюха удержалась, не упала, но непроизвольно присела на одно колено.

– В следующий раз, – подскочив ближе, зло зашипела женщина, склонившись над ней, – это будет кислота. Поняла? Завтра же чтобы подала на развод, а то уродом станешь. Или трупом.

И довольно больно толкнула ее рукой в плечо, отчего не удержавшая равновесия Варя повалилась на асфальт.

Все произошло настолько стремительно, что она и не успела толком сообразить, что случилось. Видевший все водитель такси выскочил из машины и поспешил к Варе на помощь, помог подняться на ноги.

– Я все видел, – сказал он, – регистратор все записал. Можем полицию вызвать.

– Не надо полицию, – отказалась Варвара.

– Вы ее знаете? – предположил он.

– Нет, – покачала головой Варя. – Но догадываюсь, кто это может быть. – И спросила, потрогав пальцами непонятную субстанцию на папке: – Чем она меня облила?

– Красная краска, – тоже потрогал пальцем и даже понюхал водитель.

– Вы меня подождете? – спросила Варя. – Я себя в порядок приведу, и мы поедем.

– Хорошо, – кивнул водитель и неуверенно заметил: – Все-таки надо бы в полицию заявить.

– Надо, – согласилась с ним Варвара.

Она поднялась к себе, умылась, переоделась, переложила рисунки в старую, изрядно потрепанную папку и спустилась к такси.

Все это время Варвару сотрясало нервной дрожью, а в голове заевшей пластинкой звучал голос этой женщины: «В следующий раз это будет кислота!»

«Не будет никакого следующего раза!» – словно очнувшись от транса, сказала себе Варвара.

Она не заметила, как прошла выставка, целиком находясь в своем внутреннем треморе и переживаниях, снова и снова прокручивая мысленно тот момент, когда на нее напали. Варя не помнила, с кем и о чем говорила и как вообще прошло мероприятие, лишь в самом конце сообразила, что ее поздравляет один из кураторов выставки, и лишь в тот момент поняла, что практически все ее рисунки продались.

Вот тогда она и вернулась в действительность.

И вдруг так разозлилась! Так разозлилась, прямо – ух, как! Прямо до зубовного скрежета!

«Нет, дрянь ненормальная, ты моего мужа не получишь! – решила вдруг Варвара. – Не-е-ет!»

Какой развод? Даже и мысли такой она не допускала и совершенно точно знала на уровне инстинкта, шестого чувства, на каком-то недоступном высшем уровне знала, что Юра так же, как и она, и мысли не допускает о разводе.

Может? Может, но не из-за этой женщины и не сейчас. Когда-нибудь, и вполне возможно, что эта ситуация так изменит их обоих, что они уже не смогут быть вместе. Но не сейчас!

И эта гадина его не получит!

Но Юра прав – надо лишить эту женщину возможности доставать Варвару, сделав ее объектом своей злобы, и лучшее средство, как ни крути, не побег, нет, а временное отступление.

Но, как ни странно, Варвара смогла найти и позитивную сторону в произошедшем нападении – теперь она совершенно определенно поняла, что Юра не придумывает себе оправдания и не пытается смягчить для нее свой уход, говоря о ненормальной тяге к этой женщине и утверждая, что она его даже отталкивает как личность – все это чистая правда.

Он не ушел от Вари устраивать жизнь с другой женщиной в новой любви – нет, он на самом деле попал в зависимость.

И сопротивляется ей.

От осознания этого факта Варюхе неожиданно стало легче. Появилась даже уверенность, что Юра обязательно справится с этим влечением, он же всегда со всем справлялся, а там они разберутся.

Посмотрим.

И Варвара занялась делом, заказала машину для грузоперевозок, позвонила родителям, попросила приехать и помочь собрать вещи, чтобы перебраться к ним, ничего не объясняя толком и не отвечая на их вопросы.

Конечно, она им ничего не рассказала. Никому не рассказала, хотя и подумывала позвонить Юре, но...

Ну, позвонит, расскажет, и что? Только душу ему выматывать?

Где-то через неделю Варвара поймала себя на том, что ей душно в Москве во всех отношениях – был конец августа, но не чувствовалось никакого приближения осени, а жарило совершенно по-летнему во всю дурь. И Варя почему-то стала неожиданно ясно чувствовать, что Москва ее угнетает, давит, не дает свободы. Варваре нестерпимо захотелось уединения, тишины и сосредоточенности где-то ближе к природе. Может, поехать к морю? Вот к морю было бы совсем замечательно.

Она поделилась своими переживаниями с папой, и тот, вдохновившись ее идеей, неожиданно порадовался такой перспективе:

– Хорошая мысль, Варюша! К морю это правильно! Тебе надо как-то взбодриться. – И предложил: – Так поезжай в Колин дом, он же пустой стоит. Они по очереди все лето там отдыхали, а теперь до следующего сезона дом пустовать будет.

Идея и на самом деле оказалась замечательная!

Николай – это старший сводный брат Варвары по папе.

После ухода Леонида Николаевича из первой семьи его отношения с сыновьями не изменились к худшему. Даже наоборот, укрепились и стали еще более тесными – им пришлось вместе переживать трагедию, случившуюся с Евгенией Борисовной, бороться за ее разум и жизнь и... хоронить ее.

Парни к тому времени были уже взрослые, отца глубоко уважали и искренне любили, поэтому, когда в его жизни появилась Лидия Андреевна, они всячески поддерживали Леонида Николаевича, сразу же нашли с новой женой отца полное взаимопонимание и довольно быстро стали по-настоящему близкими друг другу людьми.

Жизнь одного из сыновей, Игоря, складывалась непросто: он окончил училище ВДВ, по собственной инициативе пошел в спецназ и... и попал под раздачу непростых времен развала Союза по полной программе –

почтил своим участием в боевых действиях все горячие точки, какие только можно найти, но лучше не надо, и всю Чечню прошел, и что только и как не «насобирал» в своей службе.

Поэтому долго и не женился, все отговаривался, что не хочет молодую жену вдовой оставить, так что его домом многие годы был тот, где жил отец со своей второй семьей, и именно туда Игорь возвращался из всех командировок, горячих точек и госпиталей.

Женился Игорь только десять лет назад, когда ему стукнуло сорок, у него родилось двое сыновей, старшему сейчас восемь, а младшему семь, такие классные мальчишки!

У Николая же первый сын Иван на три года старше Варюхи, а второй сын Артем родился с ней в один год.

Когда Варвара появилась на свет, то оказалась единственной девочкой в этом коллективе настоящих мужиков, и они баловали ее страшно. Ну еще бы! Такое чудо – белые волосики крутыми кучеряшками, огромные зеленые глазщи, вечная улыбка, ямочки на щечках, да еще девочка шустрая, как стрекоза, шумная, быстрая, хохотушка ужасная. Да эти мужики ее обожали!

Но, ясное дело, у каждого свои семьи, заботы, дела. У племянников Ивана и Артема давно свои семьи, и Леонид Николаевич уже трижды прадед, а Варя получается бабушка какая-то там внучатая. Видятся-встречаются все фактически по праздникам и несчастным случаям, разумеется, созваниваются и по скайпу беседуют, но всей семьей собираются крайне редко.

В самом начале девяностых Николай с несколькими друзьями открыли свой бизнес, и... дальше по «большой программе», как и у всех, кто имел неосторожность в те времена стать коммерсантами, – прошли, что только можно и чего совсем не хотелось. Одного из их партнеров застрелили, на Колю несколько раз покушались, да чего там только у них не происходило! Варе с мамой, отцом и Колиными мальчишками полгода прятаться пришлось, но... Не об этом, это все уже в прошлом, хоть и страшном, но в прошлом.

Николай и второй его партнер фирму и дело свое сумели удержать и все эти годы только росли и развивались как серьезные бизнесмены, матерели и обрастали производствами, предприятиями и всяческой недвижимостью.

Вот мы и подошли к главному – к недвижимости.

Несколько лет назад, еще до того, как Сочи объявили будущей столицей Олимпиады и ломанулись туда дельцы от строительства со всех сторон на бюджетный пир, и еще до того, как в связи с этим подскочила до

небес стоимость жилья в этом регионе, Николай приобрел там дом с участком, вроде как и на окраине, и не так уж далеко от моря, но все же считается в черте города.

Дом он полностью перестроил по современным технологиям, участок засадили фруктовыми деревьями, ягодными кустами и цветами, вложился в обустройство серьезно, пару лет до ума доводил, и получилось в результате все очень здорово.

В этом году все по очереди Сочи посетили: и Игорь с семьей, и Коля, и Ваня с Артемом. Все, кроме Варвары с Юрой. И родители ее в этот раз не поехали, все за дочь переживали и старались рядом находиться, вдруг спасти придется.

Когда папа напомнил про сочинский дом, Варю словно осенило: а ведь верно! Конечно, туда! Она очень любила этот уютный дом с потрясающим видом из окон, большой участок с фруктовыми деревьями, совершенно потрясающе пахнущими персиками в период их созревания, да и вишней-черешней и грушей. Ей там всегда замечательно отдыхалось душой и телом.

Надо срочно звонить Николаю! Прямо сейчас!

На этом месте Варвара вдруг спохватилась:

– Пап, а ты говорил им о... – остановилась она.

– Нет, – покачал головой Леонид Николаевич, поняв ее невысказанный вопрос. – Мы с Лидой решили, что не стоит никому говорить про вас с Юрой. Никто про ваши дела не знает.

– Спасибо, – поблагодарила Варя за понимание и обняла отца. – Ну, что, пап, поеду я в Сочи?

– Поезжай, дочка, – благословил он и поцеловал ее в лоб.

Она все же позвонила Юре, но совсем по иному поводу, а не ради жалобы на его неадекватную и даже опасную пессию.

– Привет, – ответил он, и Варвара почувствовала его улыбку.

– Привет, – улыбнулась она в ответ. – Я звоню предупредить, на всякий случай, что уезжаю в Сочи. Поживу там немного, а может, и много, как настроение сложится.

– Правильно, – одобрил Костромин. – Там сейчас самое великолепие: сентябрь, бархатный сезон.

И они замолчали, одновременно вспомнив, как отдыхали вдвоем в такой же сентябрь и бархатный сезон в том самом доме, вырвавшись из суетной Москвы всего лишь на недельку, и как тогда им там было...

– Варь... – прервал эти их сладкие, теперь и горькие от осознания потери, воспоминания Костромин, – тебя больше не беспокоили?

Варя помолчала, решая: сказать – не сказать?

– Нет, – ровно ответила она.

Сочи оказался именно таким, каким и должен быть в начале сентября, – уже неспешный и нешумный, уставший от бурного и громкого лета, промчавшегося стремительно мимо, бархатисто поглаживающий кожу не палящим, а ласковым солнцем, освежая ее брызгами прибоя.

Этот город пах счастьем и теплой грустью по отгремевшему сезону, подарившему людям беззаботное солнце, загар в черноту, просоленную кожу, курортные романы и страсти, кипящие в них.

У Варвары перехватывало горло от невозможности вернуть и повторить хоть что-то, хоть маленькую толику из их с Юрой счастливой жизни, безвозвратно куда-то канувшей, – повторить тот их сентябрь, истекающие соком персики, которыми они кормили друг друга, валяясь голыми на веранде после потрясающего соединения, их ночное купание в море, поездку в горы, где Костромин азартно ловил форель в горной речке – и еще тысячу оттенков, цветов, запахов, улыбок и смеха, моря и воздуха, из которых ткалось их безграничное, горячее счастье...

Сентябрь был тот же. Жизнь была другая.

И все же дышалось ей тут намного легче, чем в Москве.

Это да! Это Варя почувствовала сразу, словно освободилась от какого-то тяжелого груза. Пусть и не всего, но хоть от его части.

Галина, женщина, которая все эти годы работала кем-то вроде управительницы дома: нанимала персонал, если в этом возникала необходимость, когда собиралось много народу, или сама вела хозяйство, если приезжало два-три гостя, а когда все разъезжались, то присматривала за домом и садом, предложила Варваре ходить на море рано утром.

И Варюха за несколько дней настолько прирастилась к этим ранним заплывам, с удивлением открыв для себя потрясающую красоту совсем раннего утра, когда солнце только поднимается и тишина особая наступает в природе, что ходила на море совсем рано и одна, когда Галя бывала занята.

В этих утренних походах было какое-то особое очарование, нежность – птицы поют негромко, людей практически нет, море ласковое-ласковое и такое спокойное, прозрачное, а над ним торжественно встает солнце.

Красота!

В один из первых дней после приезда Варя нашла понравившуюся ей церковь, зашла, чтобы поставить свечи и помолиться за Юру, как уже

вошло у нее в привычку, и попала на утреннюю службу в момент, когда священник читал проповедь.

Он говорил о двойственности человеческой натуры, соединяющей в себе как величие духа, так и животную его составляющую, о том, что никто не свят в этой жизни, один Господь безгрешен, говорил о том, что человек слаб и совершает неприглядные поступки и ошибки не потому, что плохой, а потому, что именно слаб. И эта слабость проявляется в том, что человек легко поддается своей темной стороне, которая заключается в том, что удовлетворяет свои низменные инстинкты. Но светлая, духовная часть человека дана ему для того, чтобы останавливать эти разрушительные порывы и устремляться духовно к Господу.

Ведь самый легкий путь – это сдаваться низменным порывам, и чем больше человек им потворствует, тем больше требуется ему этого удовольствия и тем быстрее разрушается его физическое тело и душа, ведь это самый легкий путь, потому как он не требует усилий – только бери, а потом плати тяжелыми болезнями, деградацией, потерей здоровья и семьи, ранней смертью. Но мы не можем и не должны отказываться от обеих своих ипостасей: и от духовной, и от животной, и задача человека сохранять гармоничный баланс между животным и духовным, стремиться к увеличению своей духовной составляющей и делать это посредством любви, вот к чему призывает нас Господь.

Варвара не стала слушать проповедь до конца, и когда священник начал говорить о реалиях сегодняшнего дня, об обществе тотального потребления, о зависимостях от еды, гаджетов и так далее, она тихо вышла из церкви и побрела к центру города.

Шла и думала о том, что Юра... – а о чем еще она могла думать? Постоянно, и только о нем! Так вот – он всегда являлся яркой и многогранной личностью, почему же Варя воспринимала его лишь в одной плоскости, делая упор только на его положительные качества и очевидные достоинства?

Будучи еще совсем девчонкой – что там двадцать два года, смешно! – Варвара влюбилась в него и в этой своей влюбленности замечала лишь позитивную сторону Юриной натуры, восхищалась им и так привыкла к этому героическому образу, что не замечала никаких его недостатков. Она невольно вынудила мужа постоянно соответствовать той высокой оценке, которой его наградила, и отказывала в праве быть целым, истинным, многогранным, со своей темной стороной, отказывала в праве принимать в себе и низменное и не отказываться от своего животного начала и наличия страстей. Может, именно поэтому и случилась с ним такая безумная,

разрушающая одержимость? Потому что он слишком долго был для нее положительным сверх всякой меры, потому что она возвела его на пьедестал?

А кто знает, может, и так. Кто знает?

И что, получается, что огромная часть вины за ту беду, в которую Юра попал, да и Варвара вместе с ним, лежит и на ней?

А ведь лежит, точно!

Варя недавно посмотрела кусочек старого фильма «Любовь и голуби», и там героиня говорит со слезами:

«Разве ж я думала раньше, что ты вот раз, и куда-то денешься!»

Вот и она не думала, что он «раз, и денется», жила себе в наивной беспечности и глупой уверенности, что Юра – это постоянная величина в ее жизни, что он всегда будет рядом, «пока смерть не разлучит», будет прекрасно безмятежной под его защитой.

А человек – не плоскость, а объем, если переводить на Варварин профессиональный сленг. И какие в душе у каждого кипят разрушительные и созидательные страсти, даже ему самому неведомо.

По делам нам Господь-то воздает, еще как по делам, если честно!

Варя несколько дней обдумывала ошеломившее ее открытие о том, что она возвела в культ положительные качества мужа, подсознательно отгородившись от признания того, что он целостный человек и в нем присутствуют иные страсти.

Понакручивала, понакручивала себя этими размышлениями, попереживала из-за своей вины и в какой-то момент вдруг подумала: да фигня это все!

Глупости!

Да – возвела, да – на пьедестал! А почему нет?

Почему нет-то, если он этого достоин, если для нее Юра и есть герой во всех отношениях! Какие объемы там, плоскости!

Знала она и видела все недостатки мужа, просто они ее никак не задевали, не было в них ничего порочного. Юра мужчина правильный во всех отношениях, и это факт. Он никогда не был волокитой и на сторону не глядел, это точно. Ну, кто ж мог предположить, что его захлестнет разрушительная страсть?

Да никто!

Да он сам в первую очередь и представить себе не мог, что подвластен таким темным страстям и может попасть в серьезную зависимость!

Ну и что? А вы на сто процентов уверены в себе и в своей чистоте и непорочности? Да? А может, вспомните о своих са-а-амых потаенных

фантазиях и желаниях, которые позволяете себе только в темноте под одеялом? А? Да все мы живем и понятия не имеем, какие «бомбы замедленного действия» носим в себе и что там у нас в сознании и в генах намешан за коктейльчик и когда эта фигня рванет.

Может рвануть, а может, и обойдется, и проживете всю жизнь праведником безгрешным, примером детям и внукам!

Вот вы на сто пудов уверены в близком человеке? Вы точно знаете его темные стороны и о чем он под тем же одеялом фантазирует, когда вы заснули?

Сколько житейских историй происходит, когда положительный во всех отношениях человек ни с того ни с сего вдруг начинает такое вытворять, что ховайся, как говорят в Украине, или держите его семеро! Да сплошь и рядом!

Вон Евгения Борисовна! Это в советское-то время, когда у них правильные все были, порядочные, и вдруг женщину в солидном возрасте, передовика производства, руководителя, прекрасную жену и мать так сорвало с катушек, что она себя забыла, семью, мужа-детей бросила!

А вот она, Варя, абсолютно уверена, что никогда не впадет ни в какую страсть-зависимость? Ну, пусть не в сексуальную, что, у нас дерьма в жизни мало? Гаджеты, соцсети, обжираловка, выпивка-наркотики, даже этот здоровый образ жизни дурацкий, на котором сейчас все помешались и у народа головушку сносит.

А вы? Вы уверены, что с вами такого не случится?

Знаете, ни у кого нет гарантий! Все живем без страховки и главное – сразу на чистовик, без репетиций и черновиков.

Так что и на самом деле ерунда все это – был хороший, стал плохой, ай-яй-яй, сделал каку! Все мы одинаковые и отличаемся друг от друга только степенью разумности и осознанности, а то и просто трусливости, спасающих нас от пустяковых плохих поступков и мелких грешков.

А в глобальном – ничего не предсказать! И никто не застрахован!

Завтра вот вас сорвет – и привет! ловите кепку!

Варвара, будучи по своему складу характера человеком практичным, окончательно запуталась в этих бесконечных философствованиях и эмоциональных качелях, на которых шатало ее из стороны в сторону: то Юра плохой, то хороший, но оступился, то прощаю и жду, то обвиняю и плачу...

В какой-то момент Варвара почувствовала, что ей нужны соратники, ну, не совсем чтобы соратники – люди, которые столкнулись с такой же проблемой и каким-то образом ее преодолели. Не в том смысле, что клуб

по интересам типа «разведенки не сдаются!» – нет, ей хотелось узнать об опыте других женщин, как они справлялись с подобной ситуацией и как выходили из нее...

И она отправилась в книжный магазин, поскольку любила именно книги – копаться в мемуарах известных женщин – ну правильно, почему бы не обратиться к ярким неординарным личностям, уж у них-то страстей и всяких расставаний, а уж гуляний от своих жен-мужей так и того подавно?

В одной из автобиографий Варвара нашла упоминание о страшной и великой судьбе монахини Нектарии, жившей в восемнадцатом веке, и сильно заинтересовалась этой личностью.

В книжном ничего не обнаружила, в Интернете долго копалась по разным ссылкам, в библиотеке несколько раз зависала и нашла-таки...

Графиня Наталья Шереметьева вышла замуж за князя Ивана Долгорукова по великой девичьей любви. Она была прелестной, благонравной, воспитанной по заветам «Домостроя» девушкой. А он известный гуляка, бабник, дебошир, картежник, буян, дрался до увечий и смерти противников не один раз, по гулящим девкам шлялся и был как брат родной императору Павлу Второму.

Наталья полюбила Ивана совершенно беззаветно с первого взгляда. Только отгремела их помолвка, как император Павел Второй умер, и Долгоруковы попали под жесточайшую опалу. Как только Наталью ни уговаривала родня отказаться от этого брака, да и сам Иван давал ей свободу. А она категорически отвергла такое предложение и добровольно приняла опалу вместе с любимым Ванечкой.

Господи, через что только не пришлось ей пройти! Там такая история изгнания и ее жизни – зашибись! Чего только стоит эпизод, когда Ивана заключили в яму земляную с маленьким узеньким оконцем у самого потолка и Наталья ходила каждый день к любимому, кормила, гладила его лицо, голову, спутанные волосы пыталась расчесать пальцами, плакала над своим Ванечкой и так вот держала в руках его лицо и разговаривала, разговаривала с ним и даже колыбельные ему пела.

Позже Наталья написала о своей жизни книгу «Своеручные записки», и одна фраза из этого дневника поразила Варвару до самого сердца: «...во всех злоключениях я была своему мужу товарищ».

Варвара заливалась слезами, читая биографию этой женщины до глубокой ночи, пораженная, обескураженная мощью ее бесконечной любви к мужу и силой ее духа. Извела десятки бумажных носовых платков, уплакалась вся до распухшего лица и судорожных всхлипов от слез.

Дочитав до конца, вышла на веранду подышать и хоть как-то

успокоиться. Ночь стояла воистину бархатная – огромное бездонное, величественное небо, усыпанное звездами, теплый, еле уловимый ветерок, уже и музыка всякая затихла к такому часу, и лишь звенела тишина.

И вдруг Варвару осенило, словно снизошло на нее откуда-то знание, данное свыше: единственное, за что можно держаться в этой жизни – не поверите! – это Любовь!

Любовь, потому что больше-то не за что держаться! Когда так и живем без гарантий и страховки, можно только одно – ухватиться и держаться за нее!

И только в ней спасение. В Любви.

Варвара вдохнула полной грудью вкусный южный воздух, запрокинула к небу голову и тихо позвала:

– Юрочка, – помолчала, словно ждала его отзыва, и попросила шепотом: – Ты сохрани себя, Юрочка! Бог с ней, с той изменой, это ерунда телесная, пустая, все можно пережить. Ты только себя сохрани. Очень постарайся.

И прошептала молитву, которой научил ее отец Филарет.

На следующий день Варя снова начала рисовать.

Утром проснулась и поняла, что испытывает непреодолимую потребность срочно нарисовать то, что бьется у нее в голове, даже руки чесались – кинулась к столу, к карандашам и бумаге, перенесла образы на лист, посмотрела и почувствовала: чего-то не хватает!

Варя побежала в магазин для художников и накупила красок!

Вот чего ей не хватало! Цвета! Ей сейчас просто необходим цвет!

И начала рисовать красками. Акварелью, пастелью, гуашью и даже маслом – как никогда еще не рисовала! Выплескивала все, что мучило и билось у нее в душе, все, на что надеялась и о чем молилась, и то поразившее ее своей простотой открытие, что совершила она вчера ночью...

Костромин выскочил тогда от Варюхи, после их близости, чувствуя себя...

Он сидел за рулем и долго не заводил машину, откинул голову на подголовник, положил ладонь на глаза и замер.

Бывает такая душевная боль, которая не может сравниться ни с какой физической болью – вот так он чувствовал себя в тот момент.

Близость с женой была настолько прекрасной, какой-то очищающей, словно его достали из мертвой воды и на мгновение опустили в живую.

Всем сердцем, всей душой Юра рвался к Варе, ему нестерпимо

захотелось обнять ее, прижать к себе сильно, до боли, и так и держать, пока сердце не перестанет плакать.

Он хотел домой. Он хотел обратно в свою жизнь. К Варюхе! Он хотел обратно в свою любовь. Он хотел, чтобы все было как прежде.

Твою мать, вся жизнь под откос! Из-за...

Когда он проснулся на плече у Варюшки и они снова соединились в невероятной нежности, в момент достижения вершины у Костромина перед глазами вспыхнуло алым огнем воспоминание об оргазме с Ритой!

И все! Все! Что б ее разтак...

Его как напалмом захлестнуло чувство настолько глубокой вины и безвозвратной потери, что он в глаза не мог смотреть Варьке, как расплавленным маслом опалило его этой виной!

Невозможно было сравнивать близость с Варюхой и секс с Ритой, но Костромин мужик, и он сравнивал.

С Варюшкой это происходило как вспышка солнечного света, а после были ласки и доверительные разговоры шепотком, смех, улыбки, радость вперемешку с бесконечной щемящей нежностью и любовью. Каждый раз, когда они сливались, у него возникало ощущение наполненности солнечным светом, правильности жизни и усиление, что ли, своей мужской сущности...

С Варюхой он поднимался к чему-то высокому в момент оргазма, всегда так чувствовал – словно умирал и возрождался, и всегда вместе, он постоянно чувствовал их единение.

Свет и радость.

С Ритой же это было ощущение порочного удовольствия такой болезненной силы, которое каждый раз будто низвергало в пропасть, в черноту. И Юрий всегда был один, без нее, и каждый раз в момент оргазма он осознавал свою порочность и чувствовал, что опускается все ниже и ниже.

С Варварой он чувствовал себя, да и был свободным.

С Ритой он порабощен – не ей, чем-то самым низменным, самым порочным в самом себе. Юрий каждый раз боролся, чтобы освободиться от этого рабства. Каждый раз.

Создавалось ощущение, что у него словно раздваивается сознание и жизнь – с одной стороны, он совершенно разумный, деловой мужик, который отдает себе отчет, кто такая Рита, какие интересы она преследует и на какие именно «кнопки» его сознания, рефлексов и первобытных инстинктов нажимает. С другой же стороны, он не мог преодолеть порочную тягу к этой женщине.

Это противоречие разрывало Костромина и сносило ему мозг!

Понятно, что он справился со своим отчаянием в тот день у подъезда своего дома, с болью душевной – нет, а с отчаянием – да. Потер жестко ладонью лицо, изгоняя слабость, завел машину и уехал.

А на следующий день улетел в командировку. Лично, хотя должны были лететь его мастер и проектировщик. Костромину хотелось оторвать себя от Риты, разделить себя как можно большим расстоянием с ней и в который раз попытаться навсегда разорвать эту связь.

Ничего, конечно, не получилось!

Уже в самолете, возвращаясь в Москву, он невольно начал представлять, как приедет сегодня к Рите...

Несколько раз за время их связи Костромин пытался уйти, взрывался внутренним возмущением – что я, пацан какой-то так зависеть от секса в конце-то концов! Чай, не мальчик, нормальный здравомыслящий мужик! Все, говорил он себе, все! И... постыдно, унижительно возвращался.

Унижительно для себя самого, хорошо хоть ума хватало не ставить Ритулю в известность, дескать, я, мол, вот такой крутой перец ухожу от тебя, прощай, Маргарита, расстаемся мы на век!

Нет, просто переставал отвечать на ее звонки или сбрасывал. А когда-таки тащился к ней снова, чувствуя себя последним придурком и тряпкой безвольной и отговаривался от ее вопросов, почему это он не звонил и на ее звонки не отвечал, что был в командировке и связь плохая, и бла-бла-бла ерунду всякую, матеря себя мысленно последними словами.

Вот так.

Ритуля нашла себе новое развлечение – устраивать Костромину скандалы и разборки. Он видел, что она получает от этого удовольствие, хоть все сцены и напоминали театр одного актера – Костромин с ней практически не разговаривал и уж тем более не вступал в подобный «диспут».

Он не мог разговаривать с Маргаритой, не понимал, о чем. Что им обсуждать? О чем говорить, какими переживаниями делиться? Чем Гуччи отличается от Дольче Габано? Или о каратности бриллиантов и о жизни и скандалах богатых и знаменитых?

Смешно до слез.

Но Рита принимала его молчаливость за склад характера, а может, и ограниченность ума, что вероятней, пойдя пойми, что она там о нем думала, его мало волновало ее мнение. Вообще Ритуля его совершенно не интересовала как личность, да, впрочем, и как женщина тоже. А ее претензии и желания интересовали Костромина еще меньше.

Но они таки у нее были, скажу я вам!

И она с удовольствием их высказывала в скандальной нахрапистой форме. Все-таки, как ни пыталась «отшлифовать» и придать столичного лоска Ритуле ее бывшая любовница Ангелина, пер из нее нахрап провинциальный.

И она требовала. Требовала «огранки» бриллиантового блеска своей жизни, требовала большего внимания, требовала, чтобы Юрий переехал к ней жить, и дошла до требования, чтобы он на ней женился.

Вот тогда Костромин возразил, напомнив, что женат.

Рита его выгнала, отлучив от своего белого порочного тела, и велела не возвращаться, пока Юрий не разведется.

Он не возвращался неделю! Не звонил даже. На третий день Костромин поймал себя на том, что поглядывает на телефон и размышляет, в какой форме с Ритой поговорить так, чтобы ничего не обещать, но и получить разрешение вернуться. И стал себя контролировать, чтобы не сорваться.

Он выдержал неделю, она позвонила сама. Три ночи подряд они наверстывали упущенное, а на четвертый день Юра понял, что так не пойдет. Так он на самом деле переедет к ней, чего доброго, и Костромин отправил Маргариту на очередной отдых в Европу.

На фиг!

Она вернулась довольная, загоревшая, успокоенная, как ему показалось, но вышло...

Он расслабился, идиот! Он совершенно забыл, выпустил из внимания, что эта женщина добивается своей цели любыми путями, не имея никаких нравственных ограничений! Не брезгуя никакими средствами! И спохватился, только когда позвонила Варюха и рассказала о Ритином телефонном терроризме.

Его просто порвало! Но...

Ах, что б ему пусто было этому «но»! Послать бы эту Риту, отделаться от нее навсегда, но... твою ж мать! Ничего он ей сделать не мог и выяснять отношения по этому поводу тоже не мог! Костромин вообще не намекнул, что знает о Ритином наезде на Варюху! Он купил последнюю модель смартфона и новую симку, забил туда все нужные телефоны и отправил Варваре. И попросил ее переехать к родителям.

А что еще он мог?! Что?!

Ну, кое-что все-таки мог! Например, задаться вопросом, кто «слил» Ритуле номер телефона его жены. В тот же вечер, вернувшись домой, Костромин засел за свой компьютер и вошел в управление Ритулиным

компом и всеми ее гаджетами и только тогда сообразил, что давно не проверял интернетовскую жизнь барышни.

Первое время, когда они сошлись, Юрий отслеживал все ее контакты, почту и информацию, но вскорости ему до отвращения надоело читать и слушать рассуждения Ритули и ее бабушки о том, что надо предпринять, чтобы он поскорей на Маргарите женился, и обсуждение других претендентов на место мужа. А уж проверять ее дневничок бросил сразу – умом еще двинешься от таких откровений.

Ритулин звонок «другу» гибэдэдэшнику Костромин вычислил сразу, «поколдовал» немного в Сети, и через смартфон того погонного перца вошел и в его личный комп, благо майор был дома и развлекался «стрелялкой-ходилкой», за что ему большое хакерское спасибо, облегчил работу.

А вот его Костромин решил наказать. Причем так, «с оттягом», показательно, чтобы и до Ритули дошло! И... переслал на рабочий компьютер его начальства всю «бизнес-переписку» майора с так называемыми «клиентами», то бишь записи о его взятках и делах, которые он отмазывал, закрывал или, наоборот, заводил, на кого просили, мелкие услуги и так далее, обставив это «послание» таким образом, что вроде как мужик сам, «случайно» набрал неправильно электронный адрес, на который послал и сообщение... а следом за ним и весь архив своих деловых записей – типа: ой, извините, произошел какой-то сбойчик в компе.

Идиот! Кто же держит в компьютере компромат!

Но и Ритуле спускать просто так ее выходки Костромин не собирался – и у нее сначала что-то «случилось» со смартфоном, в котором вдруг пропала вся информация. Вся, значит, вся! Записная книжка, сообщения, фото и видео, переписка – тью-тью! Через полчаса телефончик «сам собой» перезагрузился и был снова готов к работе совершенно исправный. «Чистый лист».

Так же непонятно почему «сбойнул» комп Ритули, обнулив все файлы, заодно и грязненький дневничок, а вместо заставки высвечивалось предупреждение: «Вы обращались к пиратским базам данных для получения личных сведений о гражданине Российской Федерации. Администрация предупреждает, нелегальные базы данных могут нести в себе паразитические вирусные программы, негативно влияющие на ваш компьютер».

Что-то такое вот написал Костромин, громя в пыль начинку ее компа и уничтожая все ее страницы в Сети.

Вообще, если честно, мальчишеская такая получилась месть. Ритуля материлась, орала, даже посуду била от бессильной злобы, он застал часть этого «концерта», когда пришел к ней на следующий день. Вызвала мастера-компьютерщика, тот поковырялся, недоуменно пожал плечами и поставил диагноз:

– Совершенно рабочий нормальный винт. Комп в порядке, и проги основные целы. Вы просто словили какую-то нехилую хрень, скорее всего, по элетронке пришла, вот она все и похавала. Я вам тут поставил антивирус мощный. Он почистит.

Костромин слушал этот лепет и еле сдерживался, чтобы не рассмеяться вслух. В общем и целом паренек был прав, но про «антивирус, который почистит» было красиво, и денег он срубил за эту лапшу с Ритули нехило.

– А он точно все стер и там ничего нет? – допытывалась Рита.

– Совершенно ничего, – уверил ее парень.

– А не могла эта информация куда-то деться? Я не знаю, попасть к кому-нибудь на комп или ее кто-нибудь как-то получил в свое распоряжение, скачал? – выясняла она с пристрастием.

– Ну, если вы ее никому сами не пересылали, то нет, точно нет, – уверил ее спец по компам.

– Нет, я не пересылала, – твердо заявила Ритуля и снова спросила: – А нельзя ее восстановить, она точно пропала?

– Нет, – убежденно заявил парень. – Вычищено все, и невозможно восстановить.

Костромин усмехнулся про себя – оно, конечно, вычищено, он постарался, но перед этим сделал копии ее дневника, фото и видео совершенно откровенных с ее прошлыми мужчинами и женщиной, сделал записи некоторых ее разговоров и кое-что из электронной почты.

Так, пусть будет для страховки, а то Ритуля у нас дама злобная, мстительная и непредсказуемая, а он все же не до такой степени наивный, чтобы ей подставляться, хоть, конечно, и дурак, что связался с ней.

Впрочем, если с Ритой Костромин этот акт возмездия сделал скорее от бессилия, то вот ее другу из ГИБДД не повезло куда как серьезно, дальше некуда. У него же в переписочке и некий компроматик на свое начальство имелся...

Маргариту даже вызывали в органы дать показания.

Она дала. Пока только показания на своего «друга» из серии: «ничего не видела, ничего не знаю», «пороса само у сад пришло, так что ж гнать животину». Но труханула она вполне реально, Костромин это видел. Ну,

хоть так.

В сентябре позвонила Варюха.

У Костромина даже дыхание перехватило, когда он услышал в трубке ее голос, и он улыбался, слушая его как музыку. Она сообщила, что уезжает в Сочи.

Сочи... Как же они там отдыхали однажды! Сорвались в один момент – сидели, болтали, смеялись в кафе после его работы, а за окном дождь с ветром, и Варюха смотрит на улицу унылую и говорит вдруг:

– Сейчас бы в Сочи, к морю.

– Поехали! – сразу же решил Костромин.

– Прямо сейчас? – разулыбалась она.

– Ну а когда? – уже начал действовать он, подзывая официанта.

И они улетели той же ночью... А потом был недельный отдых, любовь на веранде, персики, ночное купание голышом, и море любви...

Воспоминания.

Ему снова стало так тошно, так...

Порой Костромин ненавидел Риту до остервенения, до темных кругов перед глазами, так ненавидел, что ему хотелось ее убить! Вот самым, что ни на есть реальным образом – убить! Порой так просто непреодолимо!

Он только теперь по-настоящему понял смысл «Кармен»: это не про страсть, как думают все, и не про ревность – это про болезнь! Про безумную, изматывающую болезнь! Про психоз, вызывающий тяжелую физическую зависимость! И Костромин как никто понимал и сочувствовал несчастному Хосе, который убил Кармен вовсе не из-за ревности, хотя она и явилась причиной, последней каплей в его заболевании, убил потому, что больше не мог терпеть постоянную боль и унижение от этой зависимости, не мог сносить безумной тяги к этой женщине! Как человек, испытывающий непереносимую боль, которая сводит с ума, разъедает мозг.

Вот это Костромин осознавал совершенно четко – бесполезно убийство, которое совершил Хосе, потому что смерть этой женщины не отменит и не ослабит безумного желания и ненормальной тяги к ней. Но теперь, черт побери, ты будешь жить без этого наркотика и знать, что сам себя его лишил. И ничего уже невозможно вернуть!

А Кармен та, никакая не свободолюбивая героиня, вся такая из себя прекрасная и гордая – это пожирательница мужчин, присоска, вытягивающая из них любовь, жизненные силы и бросающая их умирать! И не более.

После инцидента с телефонным преследованием Вари Костромин решил, что надо как можно жестче контролировать себя и свое неодолимое

влечение к Рите, и сбегал от нее в работу с еще большим упорством, чем раньше.

А куда еще? Только там он мог отключиться от мыслей о ней, о себе и от бесконечно изматывающего чувства вины перед Варварой.

Он с головой погружался в дела и стал проводить еще больше времени в офисе, хотя куда еще больше: это только сутки, как пошутила его секретарь. Стал лично с мастерами и менеджерами ездить в командировки, для этого сам находил все новых и новых потенциальных клиентов, увеличил работу рекламного отдела, оплачивал крупные пиар-кампании по продвижению услуг своей фирмы и летал по всей стране не реже двух раз в месяц, даже в Сибирь катался несколько раз.

На Риту времени практически не оставалось, что только радовало Юрия, но проклятая и неистребимая тяга к ней лишь усиливалась от длительных разлук, и вот это Костромина удручало и откровенно пугало.

Ритуля же продолжала скандалить и постоянно что-то требовать.

Как-то Костромин поехал в Суздаль один, без своей команды, проводить переговоры, которые завершились быстро, и к общему удовольствию обеих сторон договор подписали весьма выгодный для всех.

Клиенты принимали его радушно и настоятельно рекомендовали осмотреть исторический центр города, ознакомиться с его культурой, может, и совершить экскурсию.

И он решил – почему нет, история вещь хорошая.

Правда, обошелся без экскурсий, купил путеводитель с историческими данными и описанием событий и отправился культурно обогащаться. Костромин набрел на великолепную старинную церковь и вдруг почувствовал желание войти туда и... и что? Помолиться? Он не знал ни одной молитвы, кроме «Отче наш», но что-то мягко, но настойчиво подталкивало его в спину, словно нашептывало:

– Иди. Надо пойти.

И тут Костромин вспомнил, что и тесть Леонид Николаевич, и Варюха просили, чтобы он сходил в церковь помолился и поговорил с батюшкой.

И он вошел в храм.

Купил свечки, прошел к алтарю и встал перед ним под самым куполом, не зная, что дальше делать.

Так и стоял, смотрел на распятого Христа и внезапно почувствовал, как откуда-то из солнечного сплетения поднимается волна такого острого отчаяния, подкатившая комом к горлу, перекрывая дыхание, что Костромин, прикрыв глаза, зашептал:

– Ты слышишь меня, Господи? Если слышишь, помоги! – Он

всхлипнул, судорожно втянув воздух, поднял глаза, посмотрел на Христа и продолжил свою выстраданную молитву, шепча ее с каким-то бессильным надрывом: – Помоги! Мне не нужна эта страсть, я ее не хочу! Я не хочу этой женщины и этой ненормальной привязанности к ней! Я не могу больше жить в этой жуткой зависимости! Я перестал быть самим собой, я погибаю, Господи! Помоги, освободи меня от этой болезни!

Он замолчал, сглотнул несколько раз, проталкивая застрявший в горле слезами не пролитыми комок, и снова посмотрел на Иисуса.

– Если это испытание, то считай, что я его не прошел, – молил он о помощи. – Мне не нужна эта страсть, я чувствую, как она меня разрушает, разъедает, как ржавчина, и боюсь, что поддамся ей окончательно и сгину совсем! – И, не выдержав, прикрыл глаза рукой и попросил: – Я хочу вернуть свою жизнь, хочу домой, хочу к Варюхе, мне нужна моя жизнь, моя жена...

Почему-то стало темнеть в церкви, Юрий не понял, свет, что ли, притушили или погасили совсем? Но становилось все темней и темней, и Костромин уже перестал различать предметы вокруг, и вдруг голове стало тяжело, словно она налилась чугуном, заболела шея, стиснутая болезненным спазмом, застучало быстро-быстро сердце, и все куда-то поплыло...

Он резко вздохнул, приходя в себя, дернулся всем телом, испуганно осмотрелся и понял, что сидит на лавочке возле церкви, а рядом с ним устроился пожилой, благообразный священник приятной наружности с добрыми глазами и реденькой бороденкой и держит Костромина за руку.

– Ну, вот и полегчало, – улыбнулся батюшка и похлопал Юрия по руке успокоительным жестом. – Ничего, бывает. Видать, много на себе черноты несешь, сын мой, коли тебе в храме Божьем плохо стало, – и присмотрелся к Юрию повнимательней. – Или болен?

– Нет. – Юрий усмехнулся невесело. – Хотя как посмотреть.

– Беда какая с тобой приключилась? – по-доброму и искренне заинтересованно спросил батюшка.

А Костромин посмотрел на него... и отчего-то начал рассказывать о той самой «приключившейся» с ним беде. Рассказывал сумбурно, останавливаясь, подбирая слова, вспомнив про свою жизнь с Варей, про то, как впервые столкнулся с Ритой. Он говорил, говорил и все посматривал на священника, боясь, что тот встанет и уйдет по каким-то своим важным делам и не дослушает до конца, не поймет, зачем Юрий сюда пришел.

Но тот дослушал со всем возможным вниманием и вздохнул тяжело, когда Костромин замолчал.

– Как зовут-то тебя, сын мой? – спросил батюшка.

– Юрием.

– А меня отец Афанасий, – представился батюшка и еще раз вздохнул. – Да-а-а, – протянул он задумчиво. – От лукавого эта связь твоя, что и говорить, бесовская эта женщина и зависимость, которой она тебя опутала, бесовская. Злая.

– И что делать? – спросил Юрий, вглядываясь в выражение лица священника.

– Молиться, что ж тут скажешь, – вздохнул в третий раз батюшка и пожал плечами: – Ты за то время, что во грехе блуда живешь, в церковь хоть раз ходил?

– Нет, вот сегодня впервые, – признался Костромин и спросил с большим сомнением: – Что, надо бесов каких-то там из меня гнать? Экзорцизм проводить?

– Да какой экзорцизм! – отмахнулся в сердцах от глупости отец Афанасий и поворчал: – Все такие умные пошли, продвинутые, про изгнание бесов все знают, Интернетов начитались, икнут пару раз, и бегут в церковь: изгоняй из них бесов, батюшка, спасай. Самим надо справляться, жить в чистоте душевной, заповеди соблюдать, молиться и устремляться душой к Отцу нашему Всевышнему.

– За меня жена молится, – грустно усмехнулся Костромин. – Мне тесть сказал, что Варюша регулярно в церковь ходит, свечки ставит и молится обо мне.

– Венчаны с женой? – строго спросил отец Афанасий.

– Венчаны, – подтвердил Юрий.

– Тогда ее молитва самая сильная для тебя, – кивнул довольно батюшка. Помолчал, посмотрел вдаль и заговорил тихим проникновенным голосом: – Женщина, что попалась тебе на жизненном пути, она, конечно, бесовского отродья, но противостоять притяжению ее соблазна ты обязан, если хочешь сохранить себя как личность, душу свою сохранить. Трудно это, но возможно, тебе по силам. Понимать надо, что ничего не происходит просто так и на все есть глубокий смысл и Воля Божья, нашему разумению недоступная. Но Господь всегда дает человеку только по силам его, значит, ты в состоянии справиться с такой напастью. Никому не дано знать, для чего ему то или иное испытание, что в себе, в своей жизни должен преодолеть человек, чтобы подняться душой, очиститься, – перевел взгляд на Юрия, улыбнулся ему светло и похлопал его по ладони, ободряя. – Обращайся к Господу за помощью, молись как умеешь, держи себя в аскезе насколько сможешь, противляйся злу, и Господь поможет.

– Как молиться? В церковь ходить?

– Уж как получится, – повздыхал батюшка. – Можно и без храма, самому молиться, но Бога-то вспоминай и на него надейся. Вон, святой водички возьми, умывайся ей, жилье свое окропи, пей понемногу, особенно когда к той женщине идешь. Не пренебрегай и такими святыми дарами Господа нашего и помощью Его, – снова похлопал по руке и начал тяжело подниматься со скамьи.

Костромин поспешил встать вместе с ним и поддержал батюшку под локоть.

– Для чего-то вам с твоей Варюхой дадено такое испытание, – сказал наставительно отец Афанасий. – Значит, надо его пройти. – И буднично добавил: – Давай благословлю, и пойди водички-то святой возьми.

И показал Юрию, как правильно сложить ладошки для благословения, перекрестил и напутствовал:

– Сопrotивляйся, Юрий. Только сопротивляйся не женщине той, а темноте в самом себе, за которую она тебя к себе и привязывает. Свою душу чисти и о ней беспокойся. – И перекрестил еще раз: – Господь с тобой!

Вернувшись в гостиницу, Костромин выпил полстакана святой воды, улегся на диван, открыл ноутбук, решив поработать, и практически сразу заснул.

Первый раз с того момента, как ушел из дома, ушел от Варвары, он проспал с позднего вечера до позднего утра глубоким, мертвым каким-то сном.

Все это время после ухода от жены Юрий регулярно два раза в неделю созванивался с тестем и расспрашивал, как дела у них с Лидией Андреевной и главное – как там Варвара. От Леонида Николаевича он и узнал, что Варвара рисовать не может, и это было еще одним тяжким камнем на душе Юрия, еще одной долей вины, прибивающей к земле.

В октябре у Вари день рождения и годовщина их свадьбы. Костромин позвонил тестю справиться о ее делах, и Леонид Николаевич сообщил, что они с женой собираются лететь в Сочи к дочери на день рождения. Будут только вчетвером, больше она никого видеть не хочет.

Родня вся в своих делах-заботах, а общие друзья Костромина с Варварой затихарились и как-то попропали – ждали, наверное, чем закончится их непонятное расставание: окончательным ли разводом или возвращением блудного, в прямом смысле, мужа в семью. Вот тогда можно будет и принять чью-то из супругов сторону и разделиться – кто с ним дружит, кто с ней. И ведь, скорее всего, все к нему перебегут, у Варвары

Костромин был и за подруг, и за друзей, ну и кое-кто из общих знакомых по материальным соображениям к нему переметнется, есть и такие расчеты в людях – он-то какой-никакой, но бизнесмен, и с каждым днем все более успешный, а Варя все еще начинающая художница с пока очень туманной перспективой.

Как ни грустно, но это реалии жизни и ничего с ними не поделаешь. Всегда так. У всех расстающихся пар.

Впрочем, Варвара, как понял Костромин из разговора с тестем, никого и не хотела видеть, на свой день рождения не звала и общаться с друзьями не рвалась.

Юрий долго думал, что ей подарить такого, чтобы по-настоящему порадовать? Подумал было какую-нибудь ювелирку интересную и дорогую, лучше эксклюзивную, но прикинул, с чем этот презент будет ассоциироваться у Варюхи потом? С тем периодом жизни, когда муж гулял с другой женщиной? И каждый раз, надевая колечко или серьги с браслетом, она будет об этом вспоминать? Нет уж, на фиг такие ассоциации.

По этим же соображениям отпали и остальные возможные вещи. Тогда Костромин заказал, достал и купил все самые любимые, самые наисвежайшие деликатесы Варвары, да побольше, и собрал из них увесистую подарочную корзину.

Ну а что еще? Доставку огромного букета из ста роз ее любимого сорта он уже заказал через Интернет, букет принесут ранним утром в день ее рождения.

Накануне отлета они договорились с Варюхиными родителями, что Юрий подъедет в аэропорт, чтобы передать с ними корзину с вкусняшками и проводить их на самолет. Он просмотрел загруженность дорог, выбрал оптимальный вариант и все ж таки попал в пробку, как ни старался их объехать. Хорошо хоть рассчитал время с большим запасом именно на такой случай.

Стоя в пробке, Костромин переключал радиостанции и попал на волну, где заканчивалась песня Визбора:

«Вот поворот какой...» – пел его тезка своим проникновенным голосом.

От шибанувшей в мозг мысли Костромин замер, почувствовав, как, прихватив шею жестким зажимом, боль побежала вниз по позвоночнику.

Почему он решил, что Варюха будет сидеть ровненько на своей прекрасной попке и ждать, когда он, нагулявшись по бабам, вернется к ней?! В окошко его высматривать – «кто там с горочки спустился?», не

любимый ли муж одумался?

Откуда такая самоуверенность?! Почему он живет с непоколебимой уверенностью, что она только его и никуда не денется, дождется его возвращения? А если он не вернется?

Ну, если нет? Если не справится, не сможет отодрать себя от этой бабы, что б ей пусто было, то что?

Костромину стало хреново от таких мыслей и совсем уж поплохело от последующих за ними.

Варюха же тоже может махнуть на него рукой, может полюбить другого и совсем уйти от Юрия. Вон уже в Сочи улетела, не желая находиться рядом с ним в Москве. И не звонит, не разговаривает с ним, даже эсэмэски какой захудалой не пришлет. Не желает общаться, да и что с ним общаться-то! А?

– О Господи! – пожаловался вслух Костромин и попросил: – Не надо! Не надо, Варь, не уходи к другим, не бросай меня, подожди немного.

И от отчаяния закрыл глаза рукой.

«Сколько немного, ты знаешь? – спросил он у себя. – И чего она должна ждать? Своей старости?»

И все же попросил шепотом:

– Не надо, Варь, не уходи. Ты только свети мне, свети...

Отдавая себе при этом отчет в своем махровом мужском эгоизме, который вкладывает в эту просьбу, все же просил и просил Костромин.

На следующий день Варюшка сама позвонила и поблагодарила за деликатесы и великолепный букет, даже фото этого букета переслала и себя рядом с ним, и себя с родителями на веранде сочинского дома за накрытым торжественным столом.

Костромин потом целый день ходил с ощущением тепла в груди от того, что услышал ее родной голос, даже спать лег, улыбаясь тому, что все еще чувствует это тепло.

Маргарита немного труханула. Вообще-то не немного, а серьезно так труханула!

Что и говорить, сплеховала она. А ведь учил ее уму-разуму Семен Федорович, учил. Наставлял, да и бабушка и Ангелина воспитывала, что нельзя подставляться.

А она вот...

Несколько дней жила в тревожном ожидании, что Костромин узнает и не только порвет с ней всякие отношения, но еще, чего доброго, и уголовное дело заведет. У Ритули, конечно, есть связи везде – понятное дело, мужики рулят миром, а она рулит мужиками, но пока эти связи не

настолько крутые и не до такой степени застолбленные, чтобы ее взялись отмазывать от очевидного криминала.

Ангелина сто раз права – на том высоком уровне мужчины совсем другие, их банальным сексуальным влечением не привяжешь к себе намертво, они свои посты, миллиарды и власть такими способами добывали и так за них держатся, что ни под какую зависимость их не подведешь. Им на детей своих и родителей глубоко наплевать, что уж говорить про постельные утехи. Для них это просто утехи, пусть и офигенные.

Впрочем, к этому уровню Маргарита еще не подобралась и близко и мужчин оттуда в покровителях и друзьях не имела.

Пока мы в пути.

И, кстати, чтобы помнить и не забывать – большой ступенькой на этом пути является Костромин.

Да, сглупила она с этой краской!

Да она и не собиралась обливать его жену, это спонтанно получилось, само собой!

Ритуле нравилось доставать женушку Костромина, по-настоящему нравилось – эти грязные эсэмэски, жаль фоток и видео с Юрой у нее нет, ни разу не удалось его сфотографировать, а вместе с собой и подавно, но и без них неплохо получилось. И с цветочками смешно. Она еще придумала несколько страшилок для той Варвары. Вот одну из них и решила осуществить.

Рита хотела облить дверь ее квартиры красной краской и написать что-нибудь про ее кровь, в таком ключе, и даже придумала, как пройти мимо консьержки.

Она подходила к подъезду, когда входная дверь запищала и вышла та самая Варвара.

Ритуля ее сразу узнала.

Она как-то видела ее снимок. Они были с Костроминым в ресторане, Рита отошла в туалет, а возвращаясь, тихо-тихо подошла к Юрию со спины, он сидел и смотрел на фотографию жены на экране смартфона, и Рита заглянула ему через плечо. Он сразу же отключил экран, как только ее заметил, но было уже поздно, она запомнила это лицо.

А тут прямо на нее идет его жена, ну Ритуля и не удержалась от эффектного нападения. Вообще-то хорошо получилось, одно выражение лица этой бабы чего стоило!

Но когда она вернулась домой, поостыв от восторга, и смогла трезво оценивать, что сделала, то подумала о том, что ее видело слишком много

людей – мамаша с коляской проходила, да и водитель такси прямо на нее смотрел, и у него в машине наверняка видеорегистратор есть, и снял нападение и Ритино лицо, тем более с нее очки совсем почти упали. Да еще точно есть камеры слежения у каждого подъезда, и что хуже всего – зона вокруг этого дома охраняемая, а Рита поленилась идти и заехала во двор, охрана записала номер ее машины.

То есть везде по-глупому засветилась! А это очень плохо!

Если эта овца напишет заявление да приложит к нему все эсэмэски и распечатку телефонных звонков с угрозами, то вполне вероятно, что полиция заведет уголовное дело. Сделать-то они ей ничего не сделают особого, но попадать под судебное разбирательство никак нельзя!

Да и Костромин!!

Он ее сто пудов тогда бросит! Это ее-то! Бросит мужчина!

Еще неизвестно, как он вообще на эту новость отреагирует, может, из-за женушки своей и сотворит что-нибудь такое Рите неприятное!

В общем, Ритуля пару дней дребезжала всерьез, тем более Юрий в эти дни к ней не приходил.

Но все обошлось. Костромин ни про нападение, ни про звонки и сообщения его жене ничего не сказал, значит, эта его овца ему не пожаловалась. И даже в полицию не обратилась.

Ну, вообще-то и дура. Рита бы на ее месте всех достала и на уши бы подняла, орала бы до потолка и такое бы устроила, если бы ей кто-то угрожать взялся.

Ну, что ж, ей же лучше.

Да еще этот случай с ее гаджетами! Она испугалась до ужаса – если бы кому-нибудь в руки попало хоть что-то из ее записей, фото и видео, было бы... Очень фигово могло быть, так можно и голову потерять! В прямом смысле! Она держала кое-какой компромат на нужных людей, в том числе и на Ангелину. Такие дела далеко не лишние при ее жизни и целях, могут и пригодиться.

Но Рита выдохнула облегченно, когда компьютерщик уверил ее, что все просто стерлось и восстановлению не подлежит.

Хоть и обидно, но лучше так.

Ритка приняла эти события за некое предупреждение высших сил и решила затихариться до поры.

Но временно! С женой Юрия она еще не закончила!

Да и с Костроминым начались сложности – он стал намного реже у нее появляться. Естественно, он ссылается на работу, а на что же еще? Не по другим же бабам он ходит, смешно. С одной стороны, это даже хорошо,

пусть поднимает и укрепляет свою фирму, Маргарите она еще понадобится в будущем, но, во-первых, Рита чувствовала, что теряет контроль над Юрием, а во-вторых, элементарно ей не хватало секса, и она его постоянно хотела. В том смысле что и секса хотела, и самого Костромина.

Ну ладно, он ей оплатил шикарный тур, и она там оторвалась на свободе – отдохнула шикарно!

Но сам Юрий постоянно в каких-то командировках! И вообще эта история затянулась, сколько можно, прошло уже... сколько? Полгода, между прочим, а свадебного марша не слышать!

И Ритуля решила, что пришло время для серьезных мер.

Все! Пора становиться женой Костромина! Срочно!

«А на самом деле, – подумал Костромин, когда Рита выступила очередной раз со своим матримониальным наездом, – полгода прошло! Он ушел от Варюхи в середине мая, а сейчас уже середина ноября!»

У него волосы на голове встали дыбом, когда он осознал этот факт – полгода! Мама дорогая, которая вместе с отцом порвала с ним всякие отношения, – мама дорогая! Полгода!

Все в омут черный, беспросветный кануло, даже время! Как и не было!

Когда Леонид Николаевич и Лидия Андреевна вернулись из Сочи, то передали Костромину Варварины работы.

– Это тебе, – протянул ему тесть одну за другой четыре картины в строгих багетах, – Варвара просила передать. Подарок от нее.

Костромин выставил картины в ряд на столе и внимательно рассматривал. Его потрясла новая удивительная глубина и сила произведений, он поразили исходящей от них энергии и притягательности. И цвет!

– Она стала писать красками, – поделился он впечатлением. – И никогда так мощно не писала.

– Да, – согласился тесть. – Она и сама поражается, говорит, что даже во сне сюжеты картин видит.

– А почему вы так быстро вернулись? – поинтересовался Юрий, не в силах оторвать взгляда от картин.

– Она нас отправила, – усмехнулся Леонид Николаевич и вздохнул даже. – Вся ушла с головой в творчество, в работу погрузилась, а нам говорит: езжайте, мне одной надо в уединении себя слушать.

– Как она там вообще, Леонид Николаевич? – осторожно спросил Костромин и посмотрел на тестя, старательно заталкивая поглубже свою виноватость.

– А ты знаешь, неплохо, – ответил тесть. – Ей хорошо в этом доме, да и в городе тоже. Потом вот, словно наворачивает, вся в творчестве, видишь, какие новые у нее мотивы появились, техники, сила передачи, глубина особая. Но она не только рисует, гуляет у моря. Иногда рисует там на натуре. У Вари несколько раз картины покупали прямо с мольберта. И сочинская картинная галерея взяла у Варюшки несколько работ для демонстрации. Так что все у нее там в порядке, Юр, не беспокойся, и ей там нравится.

– Это хорошо, – порадовался за Варвару Костромин.

И расстроился ужасно – вот и подтверждение его страхам: Варюха уже налаживает свою жизнь без него, у нее новый удивительный виток творчества, совсем другой город, в котором она живет, другая обстановка, и, похоже, ей нравится эта ее новая жизнь.

Без него. Новая – без него.

Как по сердцу кто когтями прошелся, так больно стало от осознания этой истины.

Картины Костромин повесил у себя в кабинете, поскольку больше всего времени проводил именно там. И теперь каждый день смотрел на них, и каждый раз поражался силе этих полотен, и находил в них что-то новое.

Как ни старался Юрий не оставаться ночевать у Риты, но несколько раз все же приходилось, когда она доводила его до полуобморочного состояния, полностью измотав безудержным сексом так, что он элементарно даже шевелиться не мог.

И каждый раз, просыпаясь в ее кровати, он чувствовал себя выжатым лимоном, к тому же не имея возможности побегать с утра, позаниматься на тренажерах, разгоняя бодрость и заряжаясь энергией, Костромин потом весь день чувствовал себя разбитым и находился в мрачном, угнетенном состоянии.

Вот так он себя и ощущал, когда как-то, в конце ноября, в очередной непредусмотренный раз проснулся в кровати у Риты. И еще не открывая глаз, сообразив, где заснул, мысленно простонал от безнадёги, заранее смиряясь с испорченным наверняка днем и испоганенным самочувствием и обругал себя последними словами за слабость.

Надо было себя выколупать как-то из этой койки и добраться до дома хоть ползком!

Он открыл глаза, повернул голову и посмотрел на спящую рядом Риту, поражаясь этому ее черному, беспробудному сну, из которого ее невозможно было выдернуть, словно она в иное измерение проваливалась.

Вздохнув, Костромин сел на кровати, прислушался к своему телу, констатировал его общую усталость и вялость, снова мысленно ругнулся и, покряхтев, выбрался из постели.

Собрался уж было направиться в душ, и тут его остановила одна странная мысль. Вернее, не мысль, а некое непонятное чувство.

Чего-то не хватало.

Чего-то привычного и постоянного явно не хватало в его ощущениях.

Он постоял, внимательно прислушиваясь к своему состоянию, даже глаза прикрыл для пущей сосредоточенности, и вдруг... как будто медленно вползая в его осмысленность, пришло осознание, что он не чувствует сексуального желания, которое постоянно пребывало с ним все это время – постоянно! Всегда – сильнее или слабее, убойно или намеком, даже после полного удовлетворения оно в нем горело или тлело, но всегда присутствовало это жаркое сексуальное влечение к Рите.

Всегда!

А тут... Он не понял.

Костромин медленно, словно боясь спугнуть этот намек на освобождение, дуновение намека – повернулся и посмотрел на спящую девушку.

Он смотрел и осознавал, что не чувствует присутствия никогда не затухающего желания к ней. Не затухавшей все эти шесть с лишним месяцев безудержной, ненормальной тяги.

Он резко сорвался с места, практически обежал кровать в два прыжка, оказавшись с той стороны, где спала Рита, рывком сорвал с нее одеяло и посмотрел на раскинувшуюся во сне голую девушку.

Он всматривался в нее взглядом фанатичного испытателя, провел по ее бедру рукой, прислушался к своему внутреннему состоянию и понял, что ничего не чувствует – вообще ничего! Тогда Костромин перевернул ее на спину, быстро улегся рядом, прижал к себе, провел руками по всему ее телу, задержавшись на роскошной груди, и убедился, что она не вызывает у него сексуального желания – пусто, нет, ничего нет!

Совсем! Ни-ка-ко-го!!

Он охренел! Он боялся вдохнуть глубоко и спугнуть это, пока еще совсем призрачное и робкое освобождение. Костромин жадно всматривался в ее лицо, неосознанно продолжая гладить и прижимать, даже ногу ее закинул себе на бедро, и внезапно ощутил, как сначала чуть-чуть, только намеком начало поднимается в нем откуда-то из желудка странное отторжение, смешанное с тошнотой, все разрастаясь и разрастаясь... пока не достигло такой степени, что он, перемахнув через спящую девушку

одним скачком, ринулся в туалет и, рванув крышку унитаза, успел вывернуть ему всю свою погубленную душу, вместе с содержимым желудка.

Так! – остановил себя Костромин, надо думать разумно! Что это было? Он отравился чем-то? Возможно, но вряд ли. С Ритулей, как уже стало привычным для него на уровне рефлексов, Юрий вчера ничего не ел и не пил. Перед тем как отправиться к ней, он плотно поужинал в кафе, в котором был постоянным и любимым клиентом – платил дорого и чаевых не жалел, и качество за свои деньги получал отменное и гарантированное. Там он точно отравиться не мог.

Тогда что это?

«Давай поступательно, Костромин, продуманно и не спеша», – призвал он, посмотрев на себя в зеркало.

Прополоскал неторопливо рот зубным эликсиром, умылся, вытер лицо и, уже вешая полотенце на крючок, задумался и, повинувшись внезапно пришедшей идее, забрался в душевую кабинку. Неспешно помылся, принял в конце контрастный душ для бодрости, коль пробежка и тренировка недоступны, выбрался из кабинки, долго с силой растирался полотенцем и, наконец, вернулся в спальную комнату.

Юрий стоял над спящей Ритой, смотрел на нее и совершенно отчетливо осознавал, что больше не хочет эту женщину.

Не хочет!

Исчезла, испарилась бесследно больная неодолимая тяга к ней, он перестал чувствовать эту изматывающую ненормальную зависимость от этой женщины!!

Мало того, от одного воспоминания о сексе с Ритой, о том, что и как он с ней делал, от ощущения самого себя в той ненормальной, животной близости с ней, от мысли, что вот прямо сейчас он может снова заняться с ней сексом, у Костромина с новой силой рванула к горлу резкой волной горечь тошнотворная, вызывая слабость во всем теле, настолько полное отторжение этой женщины он испытывал в этот момент.

Он стоял, смотрел на нее, прислушиваясь к своим ощущениям, и никак не мог до конца поверить, что он свободен.

Свободен?!

Что, на самом деле? Да ладно!

Вот так в одно мгновение, как по щелчку? Это нереально!

Костромин смотрел на Риту и ощущал недоумение – что он здесь делает? Что он делает рядом с совершенно чужой ему женщиной, мало того, что чужой, еще и неприятной, отталкивающей его как личность, а

теперь вот и вызывавшей в нем физическое чувство дурноты?

Это что такое? – дурел, недоумевая, Костромин. Что с ним происходит?

Это что, действительно свобода? Его свобода?

Он странным образом излечился от этой беды?

И вот когда его догнало наконец осознание реальности произошедшего, первым доминирующим желанием, выстрелившим у него в голове, был побег.

Бежать! Бежать!!

И тут его пробило очередной пугающей мыслью, аж в холод бросив, – а если это временно? Если он сейчас уйдет, а скажем, завтра снова почувствует большую неутолимую потребность в Рите, что тогда, проситься обратно?

«Нет! – жестко сказал себе Костромин. – Нет, все! Хватит!»

Пусть хоть какая тяга и жгучее желание, он ухватится за воспоминание о том, как его мучило и выворачивало наизнанку, он ухватится за то чувство глубочайшего отвращения, которое испытал сейчас к себе самому, отвращение к тому темному, низменному в себе, что побуждало его к этой рабской привязанности. Он не позволит больше поощрять в себе нездоровую похоть. Он справится!

И, когда Костромин осознал, что решение окончательное, его словно отпустило что-то, до этого момента неосознанно сжимавшееся жестким кулаком.

И все – понял, почувствовал – теперь действительно все, окончательно!

Но! Рита, конечно, еще та циничная и расчетливая стерва, если не сказать больше, но он все же не последний козел какой-то. Просто так уйти, закрыв за собой дверь, это уж совсем оскотиниться и не уважать себя, как мужика.

Костромин неторопливо и тщательно оделся, по ходу дела соображая, где и что можно сейчас, в пять утра, раздобыть. Скорее всего, в каком-нибудь ночном клубе.

Так-с, где тут у нас ближайший ночной клуб, полез он смотреть в Интернет, а заодно посмотрел, где цветы можно купить.

Все-таки у Ритули был достаточно простецкий вкус – она предпочитала полусладкое шампанское. Как ни объясняли ей знающие люди, что такого напитка в природе не существует, что шампанское вино делается только в провинции Шампань и исключительно класса брют, но закрепившиеся провинциальные привычки искоренить трудно – стейк она

запивала не сухим вином, а портвейном, и очень это дело любила, а шампанское обожала полусладкое, да под какой-нибудь салатик с майонезной заправкой.

Салат Костромин не брался найти для нее в пять утра, а вот шампанское раздобыл, и даже вполне приличное. Большой букет ее любимых алых роз тоже сумел купить в круглосуточном цветочном магазине и вернулся обратно в квартиру.

Рита, насколько Костромин знал ее привычки, проспит часов до десяти утра.

Не удержавшись, он проверил еще раз свою реакцию на нее – постоял возле кровати, посмотрел на Ритулю – отвращение и однозначное отторжение не проходило, напоминая о себе легким тошнотворным волнением в желудке.

Хорошо! Порадовался Костромин. Хорошо!

Ну что ж, пара последних штрихов – и можно смело считать себя полностью свободным от этой женщины и этой связи. Он включил ее ноутбук и напечатал на нем коротенькое послание:

«Рита, я ухожу и думаю, что больше мы никогда не увидимся. Благодарю тебя за все, что между нами было, каким бы оно ни являлось, это «все», и прости, если обидел чем. Надеюсь, ты не станешь держать на меня долгую обиду и копить зло. А если все же станешь, то прими небольшой дружеский совет на прощание – не стоит вынашивать планы и обдумывать какие бы то ни было возможности отомстить или как-то навредить мне или моим близким, и уж тем более пытаться воплотить эти планы в жизнь, вспомни о незавидной судьбе своего товарища, майора ГИБДД, который теперь находится под следствием.

Ты же так не хочешь?

Прощай».

Он распечатал послание на принтере.

На тумбочку у изголовья кровати, рядом со спящей Ритой, Костромин поставил вазу с цветами, бутылку шампанского, положил лист с текстом, а сверху неизменную банковскую карту и пин-код к ней, записанный на листочке – на карте, конечно, далеко не миллионы, которые предпочитает Ритуля, но и не десять тысяч рублей, а намного побольше будет. С точки зрения Костромина, так вполне достаточно для прощального «поцелуя».

Да, ключи!

Рита, как и большинство людей с полным отсутствием морально-нравственных ограничений, готовых в любой момент обокрасть и обжулить кого угодно, а может, и покруче что сотворить ради собственной выгоды,

ужасно боялась, что ее могут ограбить или какого иного криминала в свой адрес. И злилась, когда Костромин уходил и захлопывал за собой дверь только на один «язычок» от замка, поэтому и вручила ему ключи от своей квартиры где-то через неделю после того, как окончательно поняла, что ночевать он категорически не желает.

Юрий последовательно прошелся по всей квартире, проверяя, не оставил ли какие-нибудь мелочи, даже самые незначительные, или вещи, ничего не обнаружил, постоял возле спящей Ритули, посмотрел на нее, специально разжигая и поддерживая в себе новое чувство отторжения и тошноты, медленно положил на лист связку ключей от ее квартиры и ушел, захлопнув за собой дверь на ненадежный язычок замка.

Все!!

Первым порывом Юрия было стремление ехать к Варюхе прямо сейчас, сию же минутку – немедленно! Нет, сначала позвонить и сказать, что он свободен, и сразу же улететь к ней в Сочи – мириться, вымаливать любым способом прощение и постараться вернуть их прежнюю жизнь!!

Повинуясь этому полностью захватившему его сознание нетерпеливому желанию, Костромин направился в сторону аэропорта, но вдруг ощутил, как совершенно реальный удар в голову, поразившую его мысль – куда к Варюхе?! Стоять!

Вот таким?!

Каким? Костромин заглушил машину.

«Каким таким? – спросил он еще раз недоуменно, прислушался к себе... и услышал четкий ответ. – Грязным!»

В этот момент на Юрия навалилось грузом тяжелым новая напасть: он совершенно ясно, практически физически почувствовал себя грязным – больным, нечистым телом, душой, мыслями, испачканным чернотой животного примитивного совокупления, которому предавался.

Костромин обалдел от силы этого ощущения, обвалившегося на него удушливой смрадной волной.

Твою ж дивизию! И что теперь с этим делать? А?

Хотелось запрокинуть голову и завывать в голос.

Какая Варюшка? Свалиться ей на голову таким вот подарочком – ура, я перестал хотеть ту бабу! Теперь вот тебя хочу! Пуцай меня в дом обратно и до своего белого тела и вертай все, как было раньше! Да и нужен ли он ей теперь, вопрос.

Костромин сжал зубы, защебил двумя пальцами переносицу, вдохнул-выдохнул, тряхнул головой, отгоняя навалившееся отчаяние, завел машину, развернулся и поехал в свою съемную квартиру.

Ритуля проснулась, потянулась, как сытая довольная кошечка, глянула на вторую половину кровати и поморщилась недовольно – опять Костромин сбежал ночью.

Нет, пора что-то с этим делать! Жесткий ультиматум, – решила тут же Рита, – либо ты окончательно со мной, либо пошел отсюда! Она снова потянулась, повернула голову в другую сторону и замерла, увидев большой букет алых роз, стоявший в вазе на тумбочке, и рядом с ним бутылку ее любимого шампанского.

– Что тако-о-е? – промурлыкала довольным тоном Ритуля. – Что, Костромин, ты никак решился на предложение? Или что?

Она перекатилась на бочок и только тогда заметила еще и записку с лежавшими поверх нее связкой ключей и банковской карточкой.

– И что здесь? – спросила Маргарита, притянув к себе записку, быстро пробежала текст глазами и нахмурилась: – Не поняла, ты о чем, Костромин, какое ухожу?

Резко села на кровати и прочитала более внимательно. И, по мере осмысления написанного, менялось выражение Ритино лица – с расслабленного и довольного на безумную маску ненависти и дикой злобы.

– А-а-а-а!! – низко, утробно заорала-завыла она.

В одно мгновение Риту обуял безумный приступ такого жуткого неистовства, которое она прежде не переживала. Девушка скомкала листок, с силой отшвырнула его и забилась, как в падучей – колотила по кровати кулаками и выгибалась дугой, кричала, визжала, выла, как животное, больное бешенством.

Одним прыжком подскочив с кровати, смахнула с тумбочки вазу с цветами и принялась их топтать, искалывая шипами в кровь ступни босых ног. Она крушила и громила вокруг все, до чего могла дотянуться, стремглав рванула в кухню и принялась бить тарелки, чашки – все, что попадало ей под руки!

И орала! Бешено, не по-человечески орала, выла, в дикой ярости, повторяя:

– Сволочь!! Сволочь!! Убью!! Уничтожу!!

И вдруг припадок ее неконтролируемой агрессии прекратился. В одно мгновение, как и вспыхнул.

– Подожди! – чуть склонив голову набок, как чуткое животное, прислушивающееся к пугающим звукам, предупреждавшим об опасности, произнесла она: – Что он там написал?

И Рита рванула назад в комнату босиком прямо по битым осколкам, не

обращая внимания на боль и порезы. Словно выискивая добычу в траве, она обыскала комнату шаг за шагом, пытаясь найти выброшенный листок, уже оставляя кровавые следы от пораненных ступней, но совершенно не чувствуя боли и не отдавая себе в этом отчета.

Записку она обнаружила в самом углу под креслом и тут же села на пол, тщательно расправила лист и прочитала еще раз.

– Подожди, – повторила она себе совсем другим голосом, более осмысленным и слегка перепуганным. – Так это что? Получается, что это он, что ли, Виктора подставил? Костромин? – испугалась Ритуля до кольнувшего в груди холодка. – Это что, он сделал так, что Витя под следствием оказался? Так, что ли? – И она снова жадно вчиталась в строчки и прошептала: – Точно. Тогда что? Получается, Костромин знал, через кого я достала его адрес и телефон его жены? Он что, знал про жену? Про звонки и нападение, что ли?

И тут она испугалась по-настоящему, до холода, прокатившегося волной по всему телу. И вдогонку словила еще более страшную мысль:

– А если с моим компьютером тоже он... – И судорожно втянула в себя воздух от практически парализовавшего ее страха. – А если он скачал себе... а там...

Ее заколотило мелкой дрожью, лист, который она держала в руке, дрожал, издавая неприятный звук. Расширившимися от страха зрачками, заполнившими всю радужку глаз, Рита смотрела куда-то и тряслась от страха, сидя на растоптанных алых розах, даже после своей гибели источавших нежный тонкий аромат...

Костромин чувствовал себя больным, опустошенным, словно его выпотрошили, как дохлую рыбу, но еще и грязным, заразным, как чумной.

Это ощущение засело в сознании Костромина, и уже на следующий день Юрий, подгоняемый этими чувствами, договорился в известной клинике о полном курсе глубокого обследования, даже лег в стационар для этой цели!

Провел там неделю.

Так же сильно и яростно, как он хотел раньше Риту, Костромин переживал свою заразность, какую-то внутреннюю грязь и пугался ужасно – может, у него с психикой что-то неладное?

Нет, ничего такого не происходит, уверили его медики, кроме, пожалуй, того, что он, кажется, умирает.

Через пять дней после выписки, когда пришли все анализы и результаты его обследования, Костромина уведомили, что никаких

вирусных или бактерицидных заболеваний у него не выявлено, но! Организм катастрофически ослаблен, жизненно важные органы под серьезной угрозой, показатели абсолютно всех маркеров находятся на самом нижнем пределе или, в некоторых случаях, даже опустились еще ниже.

Рекомендаций дали много, но Костромин их все проигнорировал, лишь подробно выяснив, какие проводятся процедуры для очищения организма?

Врачи припухли от такого заявления пациента, уверяя, что у него нет жизненных сил ни для каких очистительных процедур, ему требуется покой и полное восстановление и вообще срочная госпитализация, а не эксперименты над здоровьем.

Он же хотел только одного – очиститься.

У нас же есть прекрасная платная медицина, которая почистит от всего на свете, от чего вы только захотите, дорогой и любимый вы наш клиент, даже если вы покойник, за ваши-то большие деньги любой каприз.

И Костромин пошел в другую клинику, где ему промыли кишечник, провели процедуру очистки печени и отправили на плазморефрез, в простонародье именуемый «чисткой крови», это когда через специальные фильтры пропускается вся кровь человека.

Домой после этой процедуры Юрия привезло такси, и сердобольный водитель помог ему добраться до квартиры, сам бы он не дошел.

Костромин рукой-ногой нормально двинуть не мог от чисток этих, есть не мог, лежал два дня подряд, пил воду минеральную и сок и давал себе нелестные характеристики.

Чувствовал он себя отвратительно, едва ли не помирал, но что самое поганое – ощущение своей внутренней грязи и заразности так и не прошло.

И тогда он набрал Володю.

Вовка Сомин был его старым другом еще с институтских времен, встречались часто до того, как появилась Рита в жизни Костромина. С Ритой Юрий ухнул в черноту и пропал для всех на целых полгода с хвостиком. Впрочем, да что уж теперь об этом...

Володька всегда был не такой, как окружающие, и еще со школы всерьез увлекся всякой эзотерикой, духовными практиками, пока окончательно не погрузился в эту тему и не сделал их делом своей жизни. Насколько было известно Костромину, друг изучал индуизм, буддизм и иные духовные учения и практики. Жил какое-то время на Гоа в ашраме, потом в Таиланде и даже в Гималаях.

Сейчас у него своя не то чтобы школа, но что-то вроде клуба, занимающегося популяризацией и объяснением духовных практик разных

стран. Но лично Володя не преподавал, это делали его ученики и соратники. Сам же Владимир постоянно находился в разъездах, продолжал изучать духовные практики по всему миру.

Костромину повезло – Вовка оказался в Москве и даже ответил на его звонок. Юрий что-то пытался сбивчиво объяснить, сам не понимая, как сформулировать свой вопрос и обращение, но друг понял, что нужна помощь, и приехал лично.

Владимир выслушал Юру, сидя на полу в позе лотоса возле дивана, на котором валялся Костромин, отпаивая его какими-то непонятными травяными настоями, которые привез с собой в двух термосах, как и банку тибетского меда, который добавлял в отвары по ложечке.

Когда сбивчивый рассказ Юрия подошел к концу, Володя помолчал довольно продолжительное время, потягивая задумчиво травяной напиток из небольшой пиалки.

А потом стал говорить.

И уж сказал, так сказал! Костромина пробрало до потрохов! Так пробрало, что страшно стало.

– У каждого народа, в каждой религии существует персонаж, воплощающий дьявольскую или бесовскую волю, появляющийся в женском обличье и обладающий невероятным сексуальным магнетизмом, основная задача которого заманивать в свои сети мужчин и вытягивать из них жизненную силу, в некоторых случаях и тупо кровь. У них разные имена, разные способы поведения и назначения, но суть у всех приблизительно одинаковая. Такими считаются, например, в древней славянской и русской мифологии Мара, она же Клеша, Понтианак или Ансарас в индуизме, в греческой мифологии Ламия – женщина-змея, принимающая женский облик. В христианстве такой демон в женском обличье называется Суккуб. Это существо обладает невероятной, нечеловеческой сексуальной привлекательностью, она притягивает к себе мужчин, занимаясь с ними сексом, и высасывает из них все жизненные соки до полного их истощения и смерти человека.

– Вов, ты, на минуточку, сам-то слышишь, что говоришь? – усмехнулся невесело Костромин. – Ты хочешь сказать, что Ритуля – демоническая женщина типа суккуб?

– А ты тут лежишь в полном истощении от большой и великой любви, которую повстречал в своей жизни?

– Ну-у-у, – протянул неопределенно Костромин, не зная, что ответить, и предположил в форме вопроса: – Может, все-таки какой вирус, который врачи не обнаружили?

– Вирус, – согласился Владимир. – Рита твоя и есть тот самый вирус. Видимо, у тебя сильный Ангел-хранитель, наверняка кто-то из твоего рода за спиной твоей стоит. Тебе невероятно повезло с ним, Юрка, потому что ты неосознанно делал очень правильные вещи и грамотно защищался, как мог, от ее влияния. Во-первых, ты старался не оставаться с ней на ночь. Дело в том, что во сне человек гораздо более уязвим, и любым силам низшего уровня ночью легче всего подпитываться его энергией. А суккуб как раз высасывает энергию из мужчины, когда тот находится в пограничном состоянии, то есть в состоянии сна. Во-вторых, ты не преломлял с ней хлеба и не пил с ней вина, совместная еда – мощнейший ритуал обмена энергиями, в-третьих, ты, не понимая отчего, вдруг занялся спортом, а физические упражнения накачивают организм энергией. Поэтому она у тебя и восполнялась. Ну и в-четвертых, ты перестал есть мертвую пищу, то есть убитых животных, и в гораздо большей степени начал потреблять пищу живую, то есть овощи, зелень и фрукты. И то, что ты с той женщиной практически не общался, тоже уменьшало обмен энергиями. Все это в совокупности давало тебе мощную защиту от ее жесткого влияния и одновременно восстанавливало хоть в какой-то степени энергию. – И спросил: – А ты в церковь не ходил? Не просил помощи?

– Нет. Один раз пошел, когда в Суздале был, так мне там стало плохо, и меня из храма вынесли. Поговорил с батюшкой, он меня выслушал, порекомендовал молиться. Но это как-то не для меня, что ли, непривычно, – признался виновато Костромин и вдруг улыбнулся. – Тесть говорит, что Варюха теперь регулярно ходит в храм, ставит там свечи и молится за меня.

– А вот это круто, Юр, – очень серьезно заметил Владимир. – Это очень круто. Вы венчаны и в любви, значит, ее молитва очень мощная, к тому же Варя имеет сильное подключение к высшим светлым силам, потому что человек творческий. Да и сама по себе она очень светлая личность, – и, усмехнувшись, хлопнул Костромина по плечу. – Говорю же, повезло тебе, Костромин! Много у тебя защитников и хранителей.

– А если б не защитники? – тихо спросил Юрий.

– Юр, – став в мгновение серьезным, ответил Володька, – честно? Ты и сейчас еще слишком близко к той самой черте, тебя бы оттуда вытащить надо, и не стоит думать о том, что бы могло быть.

– Но почему вдруг так резко? Ходил, работал, жил, все было нормально, и в один момент вдруг: фигасе и здрасте, чуть ли не при смерти? – дивился Костромин.

– Потому что паразит никогда не убивает своего носителя до конца и

даже поддерживает его жизненные функции, пока тот полностью не обескровится. Ты отключился от той, кого подпитывал, и сразу рухнула вся твоя физика.

– Я не верю, что мы всерьез обсуждаем такие вещи, – восторженно воскликнул Костромин. – Мистика какая-то, демоны в женском облике, вампиризм, хренизм какой-то!

– Знаешь, брат, тебе сейчас лучше эмоции лишние не проявлять и на протесты силы не растрчивать, – довольно жестко оборвал его Сомин. – А что касается мистики, то все это не более чем законы обмена энергиями, если тебе так удобней и проще для восприятия. Ты же, помнится, в универе входил в научную группу профессора Грача, и вы там изучали возможности беспроводной передачи энергии по теории Теслы и еще кого-то. И занимались разработкой прибора, показывающего состояние биополя человека с наведенного аппарата, а не при непосредственном контакте. Было такое?

– Ну, было. Но это же наука, – подтвердил Костромин.

– То есть наличие у человека биополя, по-другому ауры, ты не отрицаешь?

– Нет, разумеется, это давно доказанный факт, – подтвердил Юрий.

– Прекрасно, значит, и закон обмена энергиями ты тоже помнишь, и повторять не надо, что один источник, обладающий определенными физическими характеристиками, может поглощать мощность другого, обладающего иными физическими характеристиками. И мы с тобой сейчас в научные дебаты вступать не станем. Потому скажу тебе проще: все физические законы распространяются и на людей, поскольку те являются физическими объектами. – Он отпил травяного отвара из своей пиалы. Посмотрел пару мгновений в нее, перевел взгляд на Юрия и сказал с нажимом: – Тебе не об этом надо сейчас рассуждать, Юр, и не пытаться осмысливать, что реально, а что мистика из области паранормального. Нам сейчас надо думать, как тебя спасти, потому как твоя аура с тебя содрана, ее практически нет, а твое поле все пробито дырами, через которые утекают остатки энергии и жизненных сил. И одна из этих дыр – это чувство глубочайшей вины, которую ты испытываешь перед Варей и родными. А вина – самая разрушительная для человека эмоция. И заткнуть ее можно только полным прощением себя. Постарайся это сделать. Уж как сможешь, и пусть тебе поможет осознание того, что Варвара твоя не меньше чем ты виновата в том, что с вами случилось.

– Это как это? – обалдел Костромин. – Она-то чем?

– Тем, что возвела тебя на пьедестал, тем, что слишком сильно тебя

превозносила и хвалилась вашим счастьем всем подряд. Это, разумеется, приятно любому мужику, но такое отношение не должно выноситься на публику.

– Господи, да это такая ерунда, – возмутился в сердцах Костромин. – Ну, расхваливала она меня, ну и что? Не богом же объявляла! Подумаешь, все знали, что у нас хорошая семья.

– Вот и подумали, кому положено наверху, – подхватил его тираду Владимир, – и преподнесли такой жесткий урок. Юр, ничего на свете не случается просто так, за любым событием стоит замысел, по большей части не доступный нашему разумению. Казалось бы: вот вы такие хорошие люди, у вас замечательная семья, любите друг друга, откуда же тогда такая напасть прилетела? А вот прилетела, и причин для нее может быть неисчислимо: не законченные кармические долги, это по одной религии, сокрытая порочность, которую требовалось очистить, это по другой, гордыня и самодовольство, это по третьей, и так можно сколько угодно насчитать. А к ним присовокупить и вариант испытания вас обоих, и толчок к духовному развитию, который назрел, а вы оба тормозите, поскольку вам и так хорошо.

– Да! – потрясенно прокомментировал Костромин и поинтересовался: – И что с этой фигней делать? Что, просто так себе жить нельзя, будешь постоянно огребать, что ли? Для развития и тонуса? Общего.

– Есть одно средство, чтобы не огребать, – усмехнулся Владимир, – соблюдать заповеди, в каждой религии свои, можно вообще быть атеистом и ни во что не верить, главное – стараться жить в духовной и нравственной чистоте, помнить о душе и заниматься ее нуждами, стремиться к саморазвитию.

– Очень просто, – поддакнул Костромин и поинтересовался: – Слушай, Вовк, ты же вроде буддист или индуист, а говоришь о постулатах христианских.

– Открою тебе тайну, – усмехнулся тот. – У каждого народа своя вера, свои заповеди и каноны житейского и бытового поведения, заложенные в их религиях и верованиях: от жесткого страшящего католицизма до вуду и верований пигмеев типа: природа – все и мы ей молимся. Так вот, молитвы все работают. Без исключения. И молитвы, и заповеди. И, кстати, я не придерживаюсь строго одного верования, до сих пор являюсь крещенным в православии, но и буддизм принял, и еще кое-что. – И он снова стал серьезным. – Хватит нам тут с тобой теософские споры разводить. Юр, у тебя на самом деле очень сложная проблема, и решать ее

требуется срочно. Никакие врачи-больницы-таблетки-процедуры не помогут, а только навредят.

– И что тогда делать? – по-деловому сосредоточенно поинтересовался Костромин.

– Первым делом в природу тебя бы эвакуировать надо, – как бы размышляя, отвечал Владимир. – Знаю я одно этническое поселение, «Красивое» называется, там бы тебя травками отпоили, в баньке отмыли, обрядами бы старинными восстановили за годик, ну месяцев за восемь, очень бы это хорошо было, тем более на родной земле и в своей этнической среде. Да только если бы ты находился в чуть лучшем состоянии. А то, что мы имеем в данный момент, требует немедленных и нестандартных мер. Короче говоря: спасать тебя, Юр, надо. И есть у меня некоторое предложение по этому поводу.

– Не мешать концы отдавать? – усмехнулся Костромин.

– Не совсем, – улыбнулся ему Володя. – Экстремальное предложение и в твоём положении ну очень рискованное, но если получится... – Он вздохнул и принялся объяснять: – Ты знаешь, что я совершаю паломнические и научно-исследовательские экспедиции в разные страны. Несколько лет подряд я посещаю и изучаю Тибет, его верования и культуру, его монастыри и храмы и жил там продолжительное время, осваивая их практики. Так вот, уже года четыре, наверное, как я пытаюсь попасть в один высокогорный монастырь возле священного Кайласа, и мне регулярно в этом отказывают. В тот монастырь вообще никого из посторонних и иностранцев не пускают. Насколько я знаю, за все время существования его посетили только три иностранца, и те еще в позапрошлом и прошлом веке. Так вот, вдруг совершенно неожиданно мне пришло официальное разрешение посетить его и приглашение от самого настоятеля монастыря. Странно то, что на Тибет не совершают поездок в зимнее время года по той простой причине, что фиг куда доберешься, все засыпано снегом, в том числе дороги, не говоря уж о горных тропах, к тому же там холодно и реально опасно в это время. И тем не менее в приглашении особым пунктом отмечено именно данное время посещения монастыря и никаких отсрочек до весны-лета. Сейчас я занимаюсь срочным оформлением документов вместе с Академией наук, которая тут же приступила к формированию научной экспедиции в этот монастырь. Я предлагаю тебе поехать с нами. Подожди, – остановил он жестом руки Костромина, собравшегося что-то сказать. – Подумай хорошенько. Взвесь все, Юр. Риски серьезные. Мы тупо можем тебя туда не доездить, понимаешь? Ты слишком слаб по всем параметрам. Но если мы доберемся до того

монастыря, то я сто пудово уверен, что тебе там окажут реальную помощь. Почему я туда и рвался все эти годы: их монахи следуют особым духовным практикам. Тантрический буддизм практикуют все тибетцы в древней религии Бон, которую они соблюдают, но в этом монастыре помимо общепринятой религии и практик занимаются еще и особыми, тайными практиками. Вот туда я и хочу тебя отвезти.

– Я согласен, Володь, о чем говорить, – ответил, не раздумывая, Костромин и пояснил: – Я хочу вернуть свою жизнь, и как можно скорей. К Варюхе хочу, я ужасно по ней соскучился, до боли. Мне, Вов, нужно попробовать как-то сохранить нашу семью. Я даже не знаю, получится ли у меня.

– Об этом ты подумаешь после. А сейчас, Юр, коль ты согласен и полностью отдаешь себе отчет, как сильно рискуешь, займись устройством своих дел – и рабочих, и личных.

– Личных это как? – уточнил Костромин.

– Завещание составь, – посмотрев ему в глаза, со всей прямолинейностью пояснил Владимир.

Делами, так делами.

Костромин долго не размышлял, на кого оставить свое детище, свою фирму, а позвонил одному человеку – Берестову Сергею Константиновичу.

Они познакомились два года назад, когда семья Берестовых строила себе новый дом. Вообще-то у них уже имелся дом, в котором они жили, очень даже приличный, в прекрасном элитном охраняемом поселке, но жена Сергея с уникальным именем Мирослава ждала ребенка, и семья решила, что нужна родовая усадьба побольше.

Дом им возвела очень достойная фирма, с которой Юрий сотрудничал на постоянной основе несколько лет, возводили не в том поселке, в котором жили Берестовы, а попроще. Зато и природа там была более богатой, и участок они приобрели просто замечательный с величественными соснами и елями.

Дом вышел чудесный. Фирму Юрия, понятное дело, наняли по профилю его предприятия – провести сложные работы по электрификации всей этой красоты, с чем они и справились самым наилучшим образом.

Как-то получилось, что, пока шли работы, Юрий с Берестовым прониклись друг к другу взаимным уважением и искренней симпатией, с удовольствием общались и много разговаривали. Тогда-то Костромин и выяснил, что старший их сын уже взрослый парень, учится в академии ФСБ, младшему же сынишке в то время было всего два годика, а Мирослава ждала третьего ребенка – девочку.

С Берестовым они сошлись на взаимном глубоком уважении. Сергей расспрашивал Костромина о карьерном пути, о фирме, живо интересуясь, как Юрий решился на свое дело и организовал его, дал несколько очень полезных советов и искренне предложил свою помощь, если понадобится. Поведал и о своей работе, он, оказывается, много лет был известным всей стране антикризисным менеджером и спасал многие предприятия, или гробил, если спасать было уже нечего. Сейчас Берестов вместе со своей командой работал на правительство, но и собственное дело не оставил.

Вот его и попросил о встрече Костромин.

– Плохо выглядишь, Юрий Максимович, – с искренним участием заметил Берестов, когда они встретились у него в офисе.

– Чувствую себя так же, – слабо улыбнулся в ответ Юрий и пояснил, пока туманно: – Поэтому и пришел.

– Что-то серьезное со здоровьем? – нахмурился Берестов.

– Да так просто не объяснишь, Сергей Константинович, да и бог бы с ним, – отмахнулся Костромин и приступил к делу. – Я к тебе вот по какому поводу: уехать мне срочно придется надолго, возможно, на полгода, а может, и побольше. Это как раз с моим здоровьем связано. И уехать, понимаешь, в такие места, где никакой связи нет: в Тибет, в горы. Такая вот ерунда получилась. Сам понимаешь, бизнес без присмотра на долгое время не оставишь, вот и пришел к тебе, Сергей Константинович, с просьбой. Нужен очень толковый управленец, на которого я со спокойной душой могу положиться. Такой, чтобы и дело не загубил, не греб под себя, пальцы веером не выставлял без присмотра-то хозяйского, ну желательно, чтоб и не воровал. Очень нужно, Сергей Константинович. Поможешь?

– Не вопрос, Юр, – тут же уверил его Берестов. – Специалиста тебе подберем достойного, не волнуйся. Ты же знаешь, какие у меня ребята работают. Да и лично присмотрю, обещаю. Лечись со спокойной душой, не волнуйся.

– Вот за это отдельное спасибо, – поблагодарил от души Костромин. – И еще, Сергей Константинович, у тебя жена юридической фирмой владеет, мне надо бы толкового юриста, оставить некоторые распоряжения, составить грамотно завещание и назначить юридическое сопровождение дел на время моего отсутствия. Она-то у тебя работает или дома сидит?

– Славка-то? – улыбнулся светло Берестов. – Да сейчас, посадишь ее дома, как же. Хотя, если честно, ведет она всего несколько своих самых крутых клиентов, больше дома время проводит, дети-то маленькие: Ваньке четыре уже, а дочке-то всего полтора годика. Но все равно работает. Я ей сейчас наберу, и вы договоритесь о встрече.

Если честно, Костромин еле ноги волочил, но приходилось мобилизоваться и срочным порядком организовывать дела на время своего отсутствия. Он передал свой пост и обязанности новому назначенному управленцу, серьезному молодому человеку, которого прислал ему Берестов, сразу же проявившему себя весьма компетентным специалистом с достойными навыками руководителя.

Костромин остался мальчиком доволен, почувствовав, что и на самом деле со спокойной душой может оставить на него бизнес. К тому же его управленческий аппарат – бухгалтерия, мастера отделов и единственный зам – сами по себе тоже были серьезной сплоченной командой, подобранной лично Костроминим с особым тщанием еще в самом начале бизнеса. Но и подстраховаться, понятное дело, он тоже не забыл на всякий случай всяческими юридическими документами и поручениями.

И завещание составил, как и советовал Вовка.

А куда деваться?

Вот и настал наконец момент самых важных для Юрия дел.

Первое – он приехал к тестю с тещей на серьезный разговор и постарался, как мог, объяснить, что с ним происходит и куда он собирается, озвучив версию своего участия в важной научной экспедиции.

– То есть как это с тобой невозможно будет никак связаться? – всполошилась Лидия Андреевна. – А если с тобой что-то случится, Юра? А если у нас тут произойдет что-то и ты срочно понадобишься?

– Если со мной что случится, вам сообщат. А если у вас тут что, то сразу же звоните на рабочие телефоны, на время моего отсутствия меня будет замещать назначенный управленец. Зовут его Федор, я вам тут все подробно про него написал и его координаты обозначил. – Юрий протянул папку с документами. – Он все, что надо, сделает, все вопросы решит и со всеми проблемами поможет.

– Господи, Юра, – не могла успокоиться теща, – да зачем тебе понадобилось ехать бог знает куда на Тибет какой-то, да еще зимой? Новый год скоро, а ты куда-то уезжаешь! – и посмотрела на мужа, ожидая его поддержки. – Ну, действительно, случись что, и как мы тут будем?

– Ничего не случится, – уверил ее мягким тоном Леонид Николаевич и положил поверх ее руки свою ладонь, успокаивая. – Если Юра так решил, значит, для этого у него есть резоны, – и перевел взгляд на зятя.

– Леонид Николаевич, – попросил его Костромин, – вы за Варюхой присмотрите, пока я там. Вот на всякий случай карточка банковская и пин-код к ней. Это на всякий случай, вдруг что.

– Не надо никаких случаев, Юра, – отрезал строгим тоном тесть и

напутствовал: – Ты выздоравливай там поскорей и возвращайся.

– Как вы догадались? – обалдел Костромин его проницательности.

– Да что там, Юр, все понятно, – отмахнулся тесть. – Ты на себя-то смотрел? Тень одна осталась, да и только. – И спросил вдруг проникновенно и с особым смыслом, глядя собеседнику в глаза: – Ты освободился?

– Полностью. Совершенно и подчистую, – ответив таким же прямым взглядом тестю в глаза, твердо произнес Костромин и усмехнулся невесело: – Но не без потерь.

– Ничего, – поддержал его тесть. – Главное живой, а с остальным... – И закончил, как припечатал: – Поезжай и ни о чем не беспокойся. И возвращайся.

Юрий кивнул, как бы обещая, словами почему-то не смог, и спросил:

– Вы на Новый год в Сочи поедете?

– Обязательно, – подтвердил предположения тесть.

– Вы тогда перед отъездом позвоните Федору. Он подъедет в аэропорт и передаст от меня подарки вам и Варюшке. А елку и все остальное, что нельзя передать с самолетом, вам там доставят. Я уже заказал.

– Да зачем ты беспокоишься, Юра! – раздосадованно всплеснула руками Лидия Андреевна. – Мы сами со всем справимся и елку бы купили! Лучше бы ты сам с нами поехал. Вот это был бы праздник! Тем более если... – она запнулась, испуганно посмотрела на мужа и все же договорила: – ...если «подчистую». Что бы тогда не поехать к Варе?

А Костромин, совершенно неожиданно для себя самого, спросил, словно искал в них обоих поддержки и уверений в том, что все будет хорошо и все не напрасно:

– А Варюха-то меня дождетсЯ? Примет? Нужен ли я ей теперь?

Чета Добродеевых переглянулась, и Леонид Николаевич ответил за них обоих:

– А вот этого мы не знаем, Юра. Вы уж сами разбирайтесь со своими делами сердечными и семейными.

Осталось последнее дело – теперь уж точно самое, что ни на есть главное, единственно важное, которое сейчас только и имело значение, – поговорить с женой.

Больше всего на свете Костромину хотелось обнять Варюху, прижать ее к себе и так держать, уткнувшись лицом ей в волосы и вдыхая ее неповторимый аромат. Никуда не ехать и вообще больше не двигаться – обнимать ее, и все!

Он долго смотрел на черный экран смартфона, который держал в руке,

собираясь с душевными силами, чтобы позвонить Варе и сказать все, что надо сказать.

Или не сказать все, что очень хотел.

Резко вдохнул-выдохнул и набрал ее номер.

– Привет, Юра, – ответила Варюха, улыбаясь.

Он слышал и чувствовал эту ее улыбку, словно ощутил ее солнечным лучиком, пригревшим ему щеку.

– Привет, – тихо ответил он, прикрыл глаза рукой от силы нахлынувших эмоций и спросил: – Ты как там поживаешь?

– Я тут хорошо поживаю, – усмехнулась она и расширила свой ответ: – Пишу с удовольствием почти каждый день. Мне очень нравится писать красками. Гуляю много. Читаю. Курорт, одним словом.

Он молчал, не мог говорить. И она внезапно замолчала.

– Юр, – осторожно позвала Варвара после продолжительного молчания, – ты чего там?

– Ничего, Варюш, – просипел Костромин, смахнув предательскую слезу, скатившуюся по щеке, и улыбнулся сквозь слезы. – Слушаю твой голос. – И признался через паузу: – Я ужасно по тебе соскучился. Ужасно.

И снова замолчал.

Варвара торопливо прижала ладошку к губам, чтобы не выдать себя, прикрыла глаза и стояла так, переживая целую бурю эмоций и чувств, чуть покачивая головой от невозможности оказаться рядом с ним.

Она тоже соскучилась по нему. Ужасно.

Ей так хотелось прижаться к нему, спрятаться под его рукой и не двигаться – стоять так, слушать, как бьется его сердце, вдыхать его запах и чтобы он больше никуда не делся. Никуда!

Она почувствовала, что по пальцам, прижимающимся к губам, потекли горячие как кипятки слезы.

– Это здорово... – прохрипел резко севшим голосом Костромин, не выказав ни намека на радость.

– Что здорово? – все же хлюпнула непроизвольно Варя и быстро запрокинула голову, загоняя слезы назад.

– Что у тебя все хорошо, – пояснил он, справившись с нахлынувшими эмоциями, не дававшими продышаться. Прокашлялся, опустил голову, подперев лоб рукой, словно каясь, и попробовал что-то ей объяснить: – Варь...

И снова замолчал.

– Что-то случилось? – встревоженно спросила она.

– Варь... – повторил Костромин попытку, на этот раз более удачно. – Я

расстался с той женщиной.

Теперь молчала она. Молчала и дышала в трубку тихо-тихо.

– Совсем? – спросила Варвара наконец нейтральным тоном.

– Совсем, – подтвердил он и даже кивнул, забыв, что она его не видит.

– А это твое... – споткнулась Варюха на определении, – влечение, как ты утверждал, болезненное и ненормальное, прошло?

– Прошло, Варюш, совсем прошло, – снова покивал Костромин.

– И что ты теперь намерен делать? – осторожно поинтересовалась Варя.

Он снова помолчал какое-то время, справляясь с собой.

– Больше всего на свете я бы хотел быть сейчас с тобой. Если бы ты только знала, как я хочу быть с тобой. Но... – глухо заговорил он, не поднимая головы.

– Что? – спросила она.

– Но у меня возникло странное чувство, даже не чувство, а уверенность, – попытался он объяснить ей то, чего и сам толком не понимал, – словно я болен тяжелой вирусной болезнью, которой могу заразить и тебя, если окажусь рядом. Я ощущаю себя грязным и больным, понимаешь?

– Нет, – подумав, ответила Варвара. – Не очень.

– Я и сам не очень хорошо все понимаю, – признался он. – Но одно чувствую точно, что если я сейчас окажусь рядом с тобой, то разрушу все окончательно и могу нанести вред твоему здоровью.

– Юра, – насторожилась Варя, – ты говоришь очень странные вещи.

– Я знаю.

– Но если ты считаешь, что можешь меня заразить чем-то непонятным, то, наверное, правильно, что ты не хочешь со мной встречаться, – так же настороженно проговорила жена, старательно выговаривая каждое слово.

– Я хочу с тобой встречаться, – возразил он с отчаянной силой. – Если бы ты только знала, Варюха, как я хочу с тобой встретиться!

– Но не можешь. Я поняла, – подтвердила она.

– Не могу, – повторил он и вдруг спросил: – Варь, а ты меня сможешь простить? Ты меня... ждешь?

Она снова помолчала и ответила с осторожным старанием:

– Я не хочу говорить о таких важных вещах по телефону, Юра. – И спросила: – Что ты собираешься делать с этой своей... – споткнулась, но закончила: – ...болезнью?

– Вовка Сомин везет меня на Тибет в какой-то монастырь. Говорит, что там монахи помогут, – чуть не плакал Юрий.

– Юра, – вдруг испуганно воскликнула Варвара, – ты что, по-настоящему болен? Что с тобой? Ты мне не говоришь правды?

– Да ничего страшного, – поспешил заверить ее Костромин, позволив себе робкую надежду, что все-таки он еще важен ей. – Общая потеря тонуса от усталости и переутомления, видимо, и этот психоз по поводу своей грязности тоже от них.

– И как надолго ты уезжаешь? – более спокойным тоном выясняла она.

– Не знаю, – пожал он плечами, продолжая так и сидеть с опущенной головой. – Месяца на два. Может три. Может, и на все полгода. По крайней мере, визы у нас на полгода.

– Понятно, – протянула Варвара.

– Варь, – продолжил объяснения Костромин, – там, скорее всего, связи не будет. Я твоим родителям все объяснил, они тебе потом перескажут.

– Это опасно? – встревожилась Варюха, и Юрий снова уловил согрешившие его нотки беспокойства за него.

– Да нет-нет, – поспешил уверить Костромин. – Просто монастырь. Вовка говорит, что надо ауру мою полечить и энергию восстановить. А монахи в этом вопросе самые крутые специалисты...

– Юр, – перебила она его решительно, – тебе что, настолько плохо?

– Да нет, Варь, не все так фигово, – улыбнулся он ее заботе.

– Ты... не рискуй там, Юр, – попросила жена.

– Не буду. – Он поднял голову, снова уловив тревогу в ее голосе и забытые нотки любви, что ли, и признался вдруг: – Я люблю тебя, Варюха.

Она помолчала и произнесла непонятным тоном:

– Возвращайся, Юра.

– Я вернусь, – пообещал он.

– И береги себя! – почти крикнула она торопливо напоследок и отключилась, не прощаясь.

Костромин провел ладонью по лицу, стирая все пролитые и не пролитые слезы, откинулся на спинку дивана и повторил как клятву:

– Я вернусь.

– Возвращайся, – произнесла шепотом Варюха.

Глядя в окно туда, в ту даль, где сейчас находился он, словно просила его выполнить данное обещание.

В тот же день Костромин расплатился с хозяйкой за аренду жилья и перевез все свои вещи в их с Варварой квартиру.

Дом встретил его настороженной тишиной и выстуженностью жилого

духа, вздохнул с обидой.

– Да, я тебя понимаю, – поддержал его жалобу хозяин.

Он постоял в спальном комнате над их с Варюхой большой кроватью и... постелил себе в гостиной на диване. Там и проспал ночь перед вылетом.

Пока длилась первая часть перелета из Москвы в Китай, Костромин еще держался бодряком, вполне соображал, с интересом слушал рассказы Володьки о Тибете и даже вопросы задавал.

Оказывается, гора Кайлас считается святой у всех буддистов и индуистов мира. То есть у нескольких миллиардов человек, на минуточку. И озеро Манасаровар у ее подножия так же наделено не меньшей святостью. Считается, что на этом озере медитировала богиня Парвати, а это для индуистов и буддистов почти как наша Богоматерь.

Кайлас является самой высокой вершиной горной цепи и самой древней на земле, это доказанный наукой факт. Интересно еще то, что никому ни разу не удалось подняться на вершину этой горы. Местные жители считают Кайлас не просто священной горой, они уверены, что на ее вершине живет бог Шива – высшее божество индуистской и буддистской религий.

Любые поездки на Кайлас носят паломнический характер. Считается, что, для того чтобы полностью очистить свою карму, надо совершить так называемую «кору», то есть произвести предписанные действия: сначала требуется обойти озеро Манасаровар и лицезреть священную гору на рассвете и закате, в полнолуние и днем. Затем, читая определенные мантры, обойти вокруг Кайласа. Но сделать это непросто, поскольку гору опоясывают так называемые два круга – внешний и внутренний.

Внешний составляет 53 километра, и если вы хотите полностью очистить свою карму, то обойти гору надо двенадцать раз, и только после этого вас допустят до внутреннего круга.

А если обойти еще и тринадцатый раз, то ваше тело очистится от всех болезней и вы станете нетленным, так считают тибетские жители.

Можно верить или не верить, но имеются прецеденты в нетленности телесной, проверенные, между прочим, учеными.

Как можно верить или не верить в то, что тибетцы считают, будто на вершину Кайласа людей не пускают высшие силы и боги, поскольку кто бы и когда не замыслил подъем туда, каждый раз возникали непреодолимые препятствия и происходило нечто, не дающее такой возможности. А уж сколько раз это пытались сделать ученые и путешественники разного рода, но всякий раз терпели фиаско в самом начале пути.

Вот так все загадочно. Даже религия у тибетцев особая – древняя тибетская религия Бон, тантрический буддизм.

Вот туда они сейчас и направлялись, в этот загадочный и мистический Тибет вместе с научной экспедицией, сформированной в кратчайшие сроки.

Когда же сделали пересадку в Китае и вылетели в столицу Тибета Лхасу, Костромин отключился напрочь и проспал практически весь полет.

Они заселились в достаточно приличную гостиницу, оказавшись там чуть ли не единственными постояльцами – конец декабря, никаких туристов! Вообще-то никто зимой в горах не путешествует, это как минимум глупо, а как максимум невозможно и полный идиотизм с огромной вероятностью сгинуть к той самой матери.

Морозы и снег!

Экспедиции повезло необычайно, что до сих пор снега в Тибете выпало очень мало и некоторые горные перевалы были еще проходимы и открыты для транспорта. Поэтому они и отправились на следующий день сразу после рассвета дальше – на джипах «Лендкрузерах» с проводниками высшей категории по Западно-Тибетской дороге в сторону Кайласа.

Вот этот отрезок пути, длившийся почти десять дней, Костромин запомнил смутно, практически постоянно пребывая в пограничном состоянии между потерей сознания и хоть немного осмысленным бодрствованием. Для него слилось все в один сплошной поток – дорога, отсиженная и отбитая на колдобинах до боли задница, какие-то блокпосты с военными, поселки и городишки, в которых они ночевали, ранний подъем и снова попытка дорогой – и так бесконечно.

Иногда он словно просыпался и приходил в себя и тогда замирал, пораженный до глубины души открывающимся из окна машины величественным пейзажем.

Однажды Юрия так пробило этим потрясающим видом, что перехватило дыхание, и душа словно воспарила – джипы бежали по дороге, и неожиданно открылось взору озеро Манасаровар, по другую сторону которого поднимались величественные горные вершины, в снегах которых отражалось ало-розовым светом встающее солнце...

Все ничтожно, когда видишь такое и приобщаешься к такой высоте.

Молчали потрясенно все, кто находился в машине, – молчали и смотрели неотрывно на эти божественные горы.

А дальше Костромину стало совсем трудно.

Их экспедиция добралась до крайней точки, куда могли доехать джипы и где паломников уже поджидали монахи монастыря с лошадьми и осликами, на которых сноровисто перегрузили всю поклажу.

Эту часть пути Костромин не помнил вообще – все, он уже вырубался постоянно, изредка лишь смутно понимая, что едет на лошади и кто-то, сидящий сзади, крепко держит его за талию, чтобы он не свалился, а потом снова отрубался, словно погружаясь в какой-то кисель.

А когда пришел в себя и смог более-менее соображать, они уже находились на территории монастыря, где их размещали в специальном доме для паломников, ему оказали первую, можно сказать, медицинскую помощь – напоили отваром жутко горьких трав, на удивление весьма ощутимо взбодривших, по крайней мере, глаза у Юрия открылись, он сумел осмотреться и что-то понять.

Вот тогда Владимир и объяснил, что это еще не конечная точка их путешествия и не тот монастырь, куда они направляются. Этот как бы считается нижним, расположенным у подножия горы, и сюда разрешен допуск паломников, а до того закрытого верхнего монастыря еще пилить и пилить, может, и несколько дней по горам на осликах и...

– И у нас проблемы, – тихо сообщил другу Володя.

– Нам отказали? – предположил Костромин.

– В том-то и дело, что нет. Не отказали, – заинтриговал Вова.

– Но...

– Но настоятель того монастыря разрешил посетить его только двум людям из всей нашей экспедиции, – и посмотрел несколько ошарашенно на друга. – Он назвал меня, причем совершенно определенно: «Того, кто долгие годы присылал нам просьбы об обучении», – процитировал Владимир. – А кто станет вторым, настоятель этого монастыря объявит сегодня вечером.

– То есть я пролетаю? – уточнил Юрий новую вводную.

– Скорее всего, да, – вздохнул тягостно Владимир. – Мы посоветовались и решили, что, вероятней всего, они назовут Варанова.

Лев Леонидович Варанов был начальником экспедиции наравне с Владимиром, тот как бы выступал со стороны религиозной практики, а Варанов от научной части. Он являлся ученым с мировым именем.

И тибетцы Варанова знали и уважали, он часто и много работал в этой стране, и здесь знали о его научных работах.

– Ну и ладно, – смирился Костромин и добавил, успокаивая друга: – Ты же понимаешь, что я бы туда и не добрался, скорее всего. Что-то я совсем расклеился.

– Мы уже обсудили с настоятелем твою болезнь, он уверил, что они постараются тебе помочь. Так и сказал: ему будет дана помощь.

Весь день Костромин пролежал на жестком тонком матрасе на полу в

паломническом домике. Приходили разные монахи, Владимир и другие члены их экспедиции постоянно давали ему что-то пить и кормили дважды. Ночь Юрий проспал, как одну минуту, без сновидений.

А утром настоятель монастыря объявил им всем, что в закрытый для всех монастырь допущены только Володя и... и Костромин.

– Как? – охнула вся группа в недоумении и, одновременно повернув головы, посмотрели потрясенно на Юрия, скромненько стоявшего чуть в сторонке.

– Это однозначное решение, – объяснил им настоятель, – которое не может трактоваться как-то иначе. – И процитировал: – «Тот, кто просил об обучении, и его больной друг, что не является ученым».

– Но вы же сказали, что мне будет дана помощь? – ошарашенно спросил Костромин.

– Вот она и дана, – кивнул настоятель и распорядился: – Вы выходите прямо сейчас. Братья вас проводят.

Кстати, ученых тоже не обидели, им разрешили поселиться в специальном доме для паломников за стенами монастыря, практически примыкающего к нему, и обещали многое показать и рассказать. А также сопроводить в другие монастыри и горные поселения, показать быт и жизнь местных жителей и... ла-ла-ла всякое.

Словом, задобрили как-то.

Зачем только это было нужно, так и непонятно. Но Владимир тихонько пояснил Юре, что вообще-то, если честно, ученые эти ему, как говорится, «на хвост упали». Варанов много лет мечтал попасть в какой-нибудь из совершенно недоступных монастырей Тибета. Но монахи тибетские ученых не очень жалуют. И когда ученый узнал, что Володя получил разрешение на посещение монастыря, то решил присоединиться к нему, а там как получится, надеясь уговорить настоятеля.

Вот оно и получилось как-то.

– И заметь, этот интерес к закрытым монастырям далеко не праздный, – объяснял Сомин. – Финансирует экспедицию частное лицо, один очень непростой человек. Это же не дешевая развлекательная поездочка.

– Но мы же вроде... – начал Юра.

– Вот именно поэтому мы с тобой за себя платим сами, хоть и входим с состав экспедиции, – перебив его, кивнул тот. – Я от всяких таких благотворителей и благодетелей стараюсь стороной держаться и тебе советую. В науке благотворительность чаще всего имеет устойчивый запах пороха, кирзовых ботинок и грязного дохода, закамуфлированных дорогим

парфюмом.

– Объясни мне другое... – начал было Костромин.

Но Владимир, усмехнувшись, перебил его:

– Не объясню. Я не знаю, каким образом о тебе узнал настоятель и почему разрешил посещение именно тебе.

– А как он вообще мог узнать о моем присутствии в составе экспедиции, они что, созвонились с тем другим настоятелем? – пытался понять Юрий.

– Может, голубиная почта? – усмехнулся Владимир.

– Да? – поразился Костромин.

– Думаю, мы не узнаем, – улыбался загадочно Володя.

Больше они практически не разговаривали. Во-первых, потому что дорога, мягко говоря, была непростой: холодно, морозно, высокогорье – дышалось тяжело, двигалось еще тяжелее, голова болела и кружилась у обоих, сил вообще никаких, да и снег пошел. Хоть и мелкий и еле-еле, но противный, залеплявший лицо. А во-вторых, Костромин снова провалился в некое пограничное полубоморочное состояние, и его сознания хватало лишь на то, чтобы держаться в седле и не свалиться с ослика.

Они сделали несколько привалов и одну ночевку.

Было ужасно холодно! Спать просто пытка, хотя Владимир с Юрием и экипировались в специальную одежду, рассчитанную на морозы, разбили палатку и даже мини-обогреватель на батарейках включили, но Костромина всю ночь колотило крупной болезненной дрожью, зуб на зуб не попадал, и согреться хоть немного, расслабиться и уснуть ему удалось лишь под утро.

В монастырь они прибыли вечером практически в темноте. Но этого знакового события Костромин уже не помнил – на спине ослика его поддерживал Владимир, ехавший последние несколько километров рядом с другом. И как они оказались за стенами монастыря и что с ним там делали, Юрию к тому моменту было совершенно безразлично, он находился в глубоком бессознательном состоянии.

Очнулся утром на тонком плоском матрасике, укрытый неубедительным одеялком, проснулся от сильной потребности организма посетить местный туалет. Огляделся вокруг и не обнаружил никого.

Решил, что придется самому идти на контакт с местными монахами с целью выяснения, где находится «стратегический объект типа туалет» или дырка, что скорее всего.

Аборигенов искать не пришлось. Володя пришел за другом сам.

И выглядел он сильно недоумевающим.

Можно сказать, совершенно ошарашенным.

Помог Юрию посетить туалет и повел куда-то в другую сторону от той комнатки, в которой они провели ночь.

– Вов, что случилось? – спросил Юрий. – У тебя такой вид, словно ты встретился с самим богом Шивой.

– Где-то так, – усмехнулся Владимир. – Сейчас сам все услышишь: нам назначена аудиенция с настоятелем, где тебе все объяснят.

– Мне? – поразился Костромин.

– И мне заодно.

Настоятель оказался очень симпатичным дядькой неопределяемого возраста, наголо бритый, закутанный в традиционные одежды тибетских монахов, очень улыбчивый и обманчиво простоватый на вид.

Они поклонились и соблюли все приличествующие обряды приветствия, которым специально обучал Костромина Владимир еще в Москве. Настоятель пригласил их присесть напротив него, разумеется, на пол на подстилки в позе лотоса, как здесь принято, и обратился к гостям на тибетском языке, который переводил Володя, хотя иногда настоятель переходил и на английский, чтобы Костромину было понятней.

То, что он сказал, привело Юрия в такой же шок, что он решил, будто у него продолжается бредовый сон. Даже рот открыл, как дурачок деревенский, уставившись на настоятеля вытаращенными глазами.

– Наш просветленный брат, что живет в уединении в горах, – начал свою проникновенную речь настоятель, – призвал тебя и твоего друга, Владимир, сюда. Он дал наставление, следуя которому ты, как и стремился, останешься в монастыре и будешь приобщен к некоторым нашим сокрытым практикам, предварительно пройдя обряд, не позволяющий распространять это учение и посвящать в него людей, не допущенных к этим сокровенным знаниям, используя их лишь для собственного развития и расширения своего сознания, разума, своих знаний и работы души, – и он чинно поклонился после сказанного.

Владимир поклонился в ответ, принимая решение наставника.

– Тебе же, Юрий, дано право выбора, – продолжил наставник. – Ты воевал с демоном и победил его внутри себя, но в этом сражении потерял все свои жизненные силы и энергию, которую черпал даже из будущего. Ты разорвал нити, связывавшие все твои тела, и практически полностью израсходовал духовную силу. Чтобы восстановить потери: энергию, течение жизни и гармонизировать прошлое, настоящее, будущее, все твои тела и упорядочить течение твоих жизней, понадобится много времени, проведенного в жесткой аскезе, молитве и в постоянной духовной работе. Но ты воин духа, которых теперь практически нет на земле, с помощью

силы любви, сам не осознавая того, ты справился с темным демоном, поэтому мы с братьями выказываем тебе свое особое почтение и готовы помочь всем, чем возможно.

Костромин настолько прибалдел от этой тронной речи, что вообще-то почти ничего не понял. Как потом ему растолковал Вовка, это было нечто вроде официального меморандума. Потом-то настоятель заговорил с ними более просто и доступно.

А то «воин духа» какой-то! Прямо боец из редких, на земле не найти! Бодрый такой мальчонка: демона какого-то уканоупил, не заметив, и сам чуть не помер! О Господи, чудны дела твои...

– Я готов предоставить тебе возможность жить среди нас, восстанавливать свои жизненные силы и гармонизировать все тела и времена, – продолжил настоятель, пока обалдевший Костромин тихо «плыл» и рефлексировал. – Но это может занять год, а то и больше времени, слишком уж сильны твои потери. Можем оказать помощь и в укреплении твоего физического тела для того, чтобы ты смог вернуться домой и гармонизироваться там, поселившись на природе, посещая ваши святые места и святые источники, обратившись к вашим святым старцам за помощью, молясь и живя в аскезе. Это может занять несколько лет, но обязательно поможет. – Он помолчал и продолжил: – Но есть и еще одна возможность. Тебя призвал наш просветленный брат Тон. Он живет в полном уединении в горах и выказал свою готовность оказать тебе помощь. Если ты воспользуешься его предложением, то должен знать, что процесс исцеления, который предлагает брат Тон, будет настолько трудным, болезненным и жестким, что тебе покажется, что ты проходишь пытки. Но это единственная возможность исцелиться за несколько месяцев.

– Я согласен, – сразу же ответил Костромин.

– Твое рвение к любимой жене похвально, – улыбнулся настоятель, – но главное для человека – это его единение с Высшим разумом и Просветление его души, а не человеческие привязки.

– Откуда вы про жену... – обалдел Костромин.

Но Владимир тут же легонько стукнул его локтем в бок.

Да, действительно, чего это он – вроде как «воин духа», а задает такие тупые вопросы. Откуда, откуда? Оттуда! А откуда господин Костромин тут вообще образовался и каким образом – он-то ни сном ни духом ни на какой Тибет не собирался, а вот сидит тут и слушает милого дядьку, настоятеля секретного какого-то монастыря?

– Прежде чем согласиться, ты должен серьезно обдумать мои слова. А также запомнить, что не сможешь никому и никогда рассказать о своей

встрече с учителем Тоном.

– Если выживу? – якобы пошутил Костромин, произнеся по-английски, и кивнул, давая понять, что услышал наставление.

– Если выживешь, – без какого-либо намека на шутку подтвердил настоятель и повторил: – Просветленный Тон дал тебе возможность выбора между болезненным, трудным, но быстрым исцелением и более мягким, но долгим. Решение ты должен принять в течение часа.

После этих его слов как ниоткуда появились два монаха, что означало, что официальная аудиенция закончена, Юрия с Владимиром пригласили в общую комнату, в которой все братья монахи принимали пищу. Другим выдали по небольшой мисочке с едой и проводили в отведенную им комнату, предоставив таким образом возможность пообщаться наедине.

– Как такое может быть? – ошарашенно поинтересовался Костромин, отставляя на пол миску, на которую даже не посмотрел.

– Никто тебе не ответит, – задумчиво произнес Володя и улыбнулся. – И никто не объяснит, получил я разрешение посетить этот монастырь из-за своей настойчивости или ты причина этого неожиданного приглашения.

– Как это? – растерялся Юрий.

– Да так, – усмехнулся Сомин, – думаю, мы получили разрешение лишь по причине того, что просветленный Тон решил пригласить тебя к себе.

– Я туплю, Вов, но как такое вообще возможно? – воскликнул в полном недоумении Костромин.

– Знаешь, – продолжал улыбаться загадочно друг, – для людей, серьезно занимающихся духовным поиском и развитием, чудо – это скорее норма, чем редкое невероятное явление.

– А ты слышал про этого отшельника? – выяснял Костромин.

– Это невозможно, – уверил его Владимир. – О своих отшельниках ни один монастырь и никто из тибетцев никогда не расскажет. И под страшной пыткой не признаются, что они вообще существуют. Их нет, только слухи и невероятные легенды.

– Но нам же вот сказали, – недоверчиво напомнил Юрий.

– Думаю, что, покидая монастырь, мы с тобой вряд ли будем помнить эту информацию, – усмехнулся Владимир.

– Это как?

И он объяснил как:

– Это особые люди с точки зрения обычного человека: невероятные, то есть те, кого не может существовать в природе. Их и назвать-то просто людьми уже не совсем получится. Они достигли такого невероятного

уровня просветления, раскрытия разума и сознания, что могут менять физическую форму своего тела силой мысли. И не только своего тела, а любого материального предмета. Могут левитировать, перемещаться в пространстве и времени, обладают телепатией. Сила духа и мысли их такова, что даже постичь пределы их способностей невозможно.

– Но ты же сказал, что информации о них нет, как же ты утверждаешь об их чудесных способностях?

– Информации нет, но слухи и легенды доходят и передаются среди людей, серьезно занимающихся наукой разума и духовными практиками, – пояснил Владимир и с сожалением признался: – Если бы ты только знал, Юрка, как бы я хотел поменяться с тобой местами! Я бы абсолютно все отдал за возможность пообщаться с таким мастером хотя бы час. Ты просто не представляешь, что это такое. – И вздохнул печально, повторив: – Не представляешь.

– Но я собираюсь это узнать, – напомнил ему Костромин.

– Ты твердо решил? – обеспокоился за него тот и напомнил: – Настоятель сказал, что это будет очень жестко. И скажу тебе: не только физически, твои разум и психика подвергнутся испытанию. Есть вероятность, что ты можешь и не выдержать, Юр, подумай.

– Я хочу домой, – вздохнув устало, пояснил ему Костромин. – Я хочу вернуть свою жизнь, и мне надо как можно быстрее к Варюхе. И если для этого потребуются помирать, значит, буду помирать: я накосячил, мне и разгребать. – И усмехнулся: – Воин я света или нет в конце-то концов.

– Воин, воин, – уверил его Вова и с сожалением заметил: – Ах, как жаль, что ты даже рассказать мне не сможешь о том, чему у этого отшельника научишься.

– Может, ничему и не научусь, – пожал плечами Костромин.

Владимир посмотрел на него удивленным взглядом и иронично усмехнулся.

– Поверь, Кострома, на гору ты взойдешь одним человеком, а спустишься с нее совсем другим, кардинально другим, и неважно, будешь ли ты об этом помнить или нет.

– А как я с ним общаться-то буду? – вдруг задумался Костромин. – На каком языке? Я ж тибетского не знаю.

– Юр, не тормози, – посоветовал ему Вова.

– А, ну да, – сообразил Костромин, кивнул и задал еще один вопрос из разряда прежнего, настолько до него с трудом доходило понимание всех этих странностей: – Слушай, а как он сообщил настоятелю о своем решении? У них что, спутниковые телефоны есть?

– Знаешь, Кострома, ты лучше не спрашивай, – развеселился не на шутку Вовка. – Не спрашивай, и все. Так тебе проще будет. Может, и спутниковый, а может, и птица мира, почтовый голубь.

– Да, – удрученно вздохнул Костромин, согласившись со всем сразу: с тем, что спрашивать не стоит, ну и с птицей мира в том числе.

О иных вариантах обмена информацией между настоятелем и отшельником думать было просто стремно, если честно. До мурашек.

Ну, это вишенка к вопросу о том, как он тут оказался и каким образом этот загадочный Тон вообще узнал о его существовании в природе.

Больше они не обсуждали тему просветленных отшельников, словно по умолчанию наложив на нее некое табу. Поели, каждый думая о своем, поговорили об организационных делах – насколько и кто задержится здесь, о том, что обратные билеты у них с открытой датой и действительно еще пять с половиной месяцев и так далее.

А вскоре за ними пришли монахи и отвели к наставнику, которому Костромин дал твердый положительный ответ, согласившись на приглашение просветленного Тона.

И как-то сразу все быстро-быстро закрутилось-завертелось, оказалось, что монахи уже все приготовили к отправлению. Выяснилось, что несколько раз в году братья-монахи относят к определенному месту в горах груз продуктов и чего-то еще непонятного, но нужного для уединенной жизни просветленного брата Тона. Иногда они видятся с ним, если он приходит на встречу, иногда даже разговаривают, вернее, он дает наставление, а они слушают, но чаще просто оставляют на месте баулы с грузом, забирают пустые и уходят.

Костромину дали выпить что-то очень горькое и поесть какой-то плотный комок непонятного вещества, по вкусу похожего на смесь ваты с вазелином. Так же быстро провели какой-то обряд над ним, чтобы, видимо, в пути он не помер, не дойдя до великой цели.

Все монахи собрались провожать их маленькую экспедицию, состоящую всего из трех человек: Костромина и двух монахов, и все оказывали ему особое почтение, кланялись и что-то быстро говорили на тибетском языке.

А Владимир переводил и объяснял, что они таким образом выказывают Костромину особые почести, поскольку еще никто не был призван просветленным братом Тоном к себе, а живет он в горах неисчислимое время, сколько именно, знает только настоятель, а братья, что проживают здесь, даже самые пожилые, придя в монастырь еще детьми, уже слышали об отшельнике Тоне.

Одним словом, очередная легенда для руссо туристо, чтоб позабористей и таинственней – «неисчислимое» прямо время! Вы еще скажите: от начала времен, чтоб вам всем тут весело жилось!

Костромина уже начала откровенно доставать вся эта мистика, таинственность, духовность уровня летающего над землей просветленного, грозящего сверху пальцем.

Хотя, с другой стороны, – мракобесы, конечно, но хорошие ведь ребята.

Они обнялись на прощание с Володькой, посмотрели в глаза друг другу, еще раз крепко обнялись.

– Держись, друг, – напутствовал его Вовка, прижимая к себе. – Если совсем станет неведомо, скажи ему, он тебя отпустит. Это не значит сдаться, это все равно победить.

– Я понял, Вов, – похлопал друга по спине Костромин. – И ты держись, судя по всему, тебя тоже не рахат-лукум здесь ждет.

– Нормально.

Все!

Вышли за ворота, провожаемые всеми обитателями святого монастыря, еще долго махавшими им вслед.

Вообще-то по всем законам физики и биологии Костромину помереть полагалась по дороге к тому загадочному мужику, ибо это была не дорога, а какой-то пыточный путь, ей-богу!

Назвать тропой то, по чему они двигались, можно было только при очень позитивном и богатом воображении, хотя монахи настаивали, что это именно тропа, даже по-английски один из них произнес это утверждение. На взгляд Костромина, шли они по сплошному битому камню, разбросанному везде, только там, где они шли, этот камень был чуть мельче и его было – ну да, правда, на самом деле! – меньше.

Типа тропа!

Трясло его на том осле так, что он откровенно сомневался, что все его основные мужские причиндалы не расплющит. Но монахи жестами и прикольной до смешного мимикой настойчиво давали понять, что надо терпеть, поскольку ослы бегут!

Нет, вы не поняли – ослы бегут!

Животные пилили и пилили, покачивая в такт своему бодрому «аллюру» ушастыми головами, и громко сопели. Монахи громко о чем-то переговаривались друг с другом, но осликов погоняли.

К тому моменту, когда выдохлись окончательно все – и животные, и люди, – ослы просто встали посреди тропы, Костромин решил, что уже все

свои темные грехи пыткой «дерби» на ослах по каменистой тропе искупил напрочь, по ходу лишившись мужского достоинства за те самые грехи и покалечив задницу, и более изощренных истязаний и пыток просто не бывает!

Ан нет, бывает, это все оказались цветочки!

В тот момент Костромин пребывал еще в не пуганой наивности и мало что понимал в пытках.

Голова кружилась и гудела ужасно, сердце бухало, и болело совершенно все тело. Сидеть он не мог, поэтому пил горячий чай, что по-быстрому сделали монахи, и закусывал его какой-то безвкусной лепешкой, стоя у малюсенького костерка, который за несколько минут очень проворно наладили парни.

Но что-то такое крутое ему, видимо, дали в монастыре выпить и «закусить», что он все еще находился скорее в живом состоянии, чем в обратном. По крайней мере, Костромин сознание не терял, вполне нормально соображал и даже мог еще слабо шевелиться.

Вот лучше бы не соображал! Обалдел прямо, когда ему настойчиво предложили снова взгромоздиться на осла.

– Да ну, мужики! – взревел по-русски Костромин. – Я рядом пойду или побегу!

Не-е-е, оказалось, не положено бежать и идти. И парни усадили его на осла. Правда, животные больше бежать не могли и просто шли, но таким бодрым шагом.

В общей сложности на подъем до определенного места ушло около восьми часов. И когда Костромин увидел, куда именно они пришли и что им предстоит, он настолько обалдел, что всерьез решил, что проще было бы помереть по пути – проще и гораздо дешевле обошлось бы всем! Нет, ну ей-богу!

Они поднялись по крутой горной тропинке, вышли и остановились на небольшой плоской площадке, наверное, метров пятьдесят в диаметре, зажатой между двумя склонами. Эта площадка своей третьей стороной упиралась в выпуклую, практически полукруглую, теряющуюся в высоте отвесную стену горного массива. С четвертой же ее стороны находился крутой обрыв...

Красивая картинка – такая дикая величественная природа горного края. Тем более закат начинался – открыточная прямо красота. «Привет из Тибета» называлась бы, к тому же если встать у самого обрыва, то видно вершину Кайласа.

Ага, если не считать того, что они не пришли еще – стой и любуйся,

почему нет!

А потому что тропинка шла дальше – внимание! Опоясывая отвесную стену скалы! То есть где-то не больше метра шириной совершенно неубедительная тропинка, явно рукотворно выдолбленная в скале, может, и несколько тысяч лет назад, но то, что очень, ну очень давно, как-то сразу становилось ясно. А над ней местами нависали также неизвестно в какие дремучие времена выдолбленные карнизы, которые явно обрушились в течение времени целыми кусками сегментов.

Проще говоря, если можно представить в своем воображении самую страшную, самую ненадежную и самую узкую горную тропу, словно искривленным в некоторых местах сегментом кольца выющую над бездонной пропастью тоненьким карнизом, – то это именно то, на что сейчас смотрел Костромин, четко понимая, что ему предстоит по ней идти.

Ну, во-первых, потому что парни мимикой и жестами совершенно ясно объяснили, что именно это им и предстоит, а во-вторых, они торопливо снимали с осликов поклажу, перекладывая весь груз в своеобразные местные, можно назвать, рюкзаки-станки. Высокие мешки, закрепленные на деревянных рамах, которые привязывались к спине, абсолютно такие же, как носят профессиональные альпинисты с жестким крепежом, только в народном тибетском исполнении.

Осликов оставили без привязи, все равно никуда не уйдут, только расседлали и положили им сено у края площадки под стеной, и все это монахи проделывали очень торопливо, периодически тыкая пальцами в закатное солнце, перевод необязателен – мы спешим до темноты.

Понятное дело, никому не хочется оказаться на такой тропе в темноте. Костромину на этой тропе вообще категорически не хотелось оказываться хоть в темноте, хоть при шпарящем солнышке!

Это надо «кукушкой» сильно болеть или стукнуться, чтобы по этой неубедительной «тропинке» идти – идти, передвигаться, да хоть ползти! Над пропастью, у которой не видно дна!

Но его пожеланий и раздумий на эту тему никто не спрашивал, Костромину сноровисто водрузили на спину поклажу братья-монахи и, подталкивая, направили на тропу – бздеть можно, даже плакать разрешается и в штаны навалить со страху, а вот орать, наводить панику и делать резкие движения – нет!

И они пошли – один парень впереди, посередине Юрий, замыкающим второй монах.

Чего Костромин натерпелся!!

Это реально очень страшно! Безумно страшно! Это такой животный

парализующий страх, который преодолеть невозможно – Юра вообще не понимал, как может идти, – от страха парализовало тело, и оно стало словно каменное, разум заполошенно вопил, но Костромин умудрялся еще и по сторонам смотреть – слева скала, притираясь к которой они и двигались, простирающаяся ввысь, и конца ей не видно, вниз тоже дна не видно, а справа открывается фантастический, совершенно нереальный по красоте и величественности вид – заснеженные горные вершины, пылающие всеми алыми оттенками заката на фоне ослепительно-синего неба.

И тишина! Невозможная в мире, звенящая абсолютная тишина!

Это вынос сознания полный! Как космос!

Только ради вот этой тишины и этого вида стоило забраться на любую тропу и скалу! Чтобы ощутить нечто, рождающееся в груди, в душе, когда переживаешь такой момент!

То ли от страха, то ли от духовного потрясения от лицемерия и приобщения к такой красоте, но Костромину показалось, что они прошли тропу как-то быстро, хотя она и тянулась где-то около километра, и уже выходили на ровную площадку, зажатую между холмами и скалами по другую сторону тропы, сестрицу той, первой.

Площадочка и на самом деле была похожа на ту, с которой они «стартовали» – так же окружена с трех сторон скалами, а с четвертой стороны заканчивалась крутым, абсолютно вертикальным обрывом, только была меньше первой площадки, метров, наверное, около тридцати где-то.

У самого обрыва в позе лотоса прямо на снегу сидел совершенно неподвижно мужик, который никак не отреагировал на их появление, когда они друг за другом сошли с опасной тропы на заснеженную площадку.

Не реагировал и вообще не двигался.

Костромин посмотрел вопросительно на монахов, но те лишь перепуганно замахали на него руками, мол, нельзя, нельзя, табу там всякое и все такое типа медитаций и просветлений, которым запрещено мешать и, схватив его за рукав куртки, потащили в сторону от замершего мужика.

Оказалось, что метрах в пяти от того места, где вступала тропа с обрыва на площадку, в скале имелась небольшая пещерка, куда Юрия и привели ребята.

И снова при помощи мимики и жестов... – охо-хошеньки этот язык общения!

...с помощью мимики и жестов мальчик объяснил, что его зовут Хулио...

...эти два сопровождавших его Хулио пояснили Костромину, что

пещера предназначена для укрытия путников, попавших в непогоду.

Собственно, это было понятно и без жестов. Маленькая пещерка – метров пять в длину и метра три в ширину – имела нечто вроде двери, закрывающей вход, сделанной из сплетенных ветвей, производившей довольно хлипкое впечатление, зато внутри имелось некое подобие лежанки, устроенной из плотно подогнанных и выложенных камней так, чтобы можно было на них и сидеть, и лежать, сверху накрытых толстым ковриком, сплетенным из чего-то не определяемого, похожего на сухой камыш или толстую траву.

Также обнаружился выложенный камнями небольшой очажок и припасенные возле него сухостой, мелкие веточки и высушенные лепешки навоза. А на выдолбленной в стене полочке приспособления для добывания огня: трут и огниво, засохший кусок меда в глиняном горшке, пакет с сухими фруктами, пакет с рисом и какое-то масло куском каменным тоже, в пакете.

«А что, – спросил, блин, мимикой и жестами Костромин, – тут бывают путники?»

«Не-а, – ответили проводники, – убежище есть, а путников нет».

«Тогда зачем оно?» – просемафорил он, выделявая нечто бесподобное по своему «красноречию» руками.

«Давно стоит, как тропу сделали, тогда путники были, пастухи ходили и другие люди, а теперь нет никого, вот только они сегодня ночевать будут».

Но тут один из них насторожился, словно прислушался к чему-то, посмотрел в сторону двери и махнул рукой – иди, мол, надо.

Что он там услышал-понял, бог знает – мужик так и продолжал сидеть неподвижным изваянием у самого края обрыва, но теперь почему-то оказалось можно к нему подойти, и Костромина так же за руку потащили вперед. Показали, что надо поклониться глубоко, сложив ладони вместе, и сесть рядом.

Он поклонился и сел, с огромным любопытством разглядывая незнакомца.

Мужик на первый взгляд был самым обычным, даже каким-то простецким и серым – одет не в традиционные монашеские одежды, а свободные шаровары из плотного хлопка, сверху длинная рубаха со свободными длинными рукавами и стеганая тряпичная куртка на завязках. Никаких бороды и усов, ожидаемых при одном упоминании об отшельничестве, – чисто выбрит, а на голове короткий ежик только-только отросших волос непонятного пегого цвета. Темное от загара лицо

совершенно неопределенного возраста – никаких глубоких морщин или признаков старческого увядания, да вообще непонятно, сколько ему может быть лет.

Он сидел неподвижно, но казалось, в совершенно расслабленной позе, хотя ноги сплетены в полный «лотос», спина прямая как доска в одну плоскость с приподнятой головой, руки на коленях, а ощущение создавалось такое, что у него расслаблена каждая мышца, каждая клеточка тела, не было заметно даже, как он дышит.

Он так сидел и, совершенно не мигая, смотрел на затухающий закат, а Костромин не мог взгляда отвести от загадочного незнакомца, чувствуя всем своим телом идущую от этого человека невероятную энергию и силу и что-то еще... необъяснимое.

Вот всем своим существом он чувствовал пульсирующие волны исходящей от него мощнейшей энергии.

И вдруг человек повернул голову и посмотрел прямо ему в глаза...

Ох! Лучше бы он этого не делал!!

У Костромина возникло ощущение, что тот смотрит конкретно в его мозг, в его мысли, в его нутро неподвижным взглядом совершенно черной радужки на белоснежных белках глаз. Проникая этим взглядом во все его мысли, даже самые потаенные, самые черные, в его сокрытую даже от самого себя сущность.

И так это было страшно, так жутко до ступора, что сердце остановилось...

Юрий моргнул... и оказалось, что он смотрит в темно-серые смешливые глаза удивительно приятного, располагающего к себе человека неопределенного возраста, от мягкой улыбки которого в груди становилось тепло и радостно.

«Господи! – подумалось Костромину. – Совсем он уже крышей едет! Мерещится такое от слабости и переутомления, что самому страшно становится».

Просветленный Тон, а это был именно он, тем временем в одно неуловимое движение оказался на ногах, раскланялся с монахами и быстро о чем-то заговорил с ними на тибетском языке.

Они что-то обсудили, снова раскланялись, монахи поклонились до самой земли и снова объяснили Костромину на «любимом» им уже привычном языке жестов, что он должен надеть свою поклажу на спину и идти дальше.

– Что? – возроптал Юрий, правда, без должного напора. – Опять идти? А как же та милая пещерка для путников? Я хочу в ней отдохнуть, я

путник, мне положено!

Оказалось, что не положено, и, раскланявшись с парнями, он получил направление дальнейшего движения, указанное рукой просветленного – вперед и вверх.

Куда они шли, зачем, на ночь-то глядя: это же горы – солнце село, и привет! Сразу же темень господня обрушивается на мир! И все же куда-то шли – отшельник впереди со своей поклажей, что принял у братьев-монахов, Юрий за ним: след, как говорится, в след.

И до такой степени он уже отупел от усталости и слабости, что, уже ничего не понимая, монотонно переставлял ноги.

Куда-то они все-таки дошли, потому что Костромин почувствовал, как ему помогают снять рюкзак и укладывают на горизонтальную поверхность.

Все! На этом Юрий закончился.

Он проснулся от того, что яркий, жалящий луч восходящего солнца бил ему прямо в глаза. Костромин поморщился и попытался было повернуться на бок, сбега от этого назойливого «прожектора», но повернуться не получилось – тело болело так, что не только дышать, даже думать было больно. Даже не так – боль была единственной и основной составляющей всего его организма, сознания и разума, он и стонать не мог, потому что это оказалось больно. Нет, не единственной – еще была невероятная слабость.

Но ему как-то удалось заставить себя открыть глаза, сесть и осмотреться. Первое, что увидел Юрий, – это великое встающее огненное светило, которое сияло прямо ему в лицо через открытый проем...

Открытый куда? – спросил себя Юрий и принялся осматриваться по сторонам.

Действительно, где это он?

В пещере. Ну, удивительно было бы, наверное, подняться высоко в горы и обнаружить себя поутру в комфортной современной квартире.

Вот пещера как раз в тему этого вояжа и, кстати, в гораздо большей степени соответствовала пониманию жилища отшельника, чем сам тот отшельник.

Такая... аскетичная? Нет, аскеза, это когда человек весь в поиске духовного просветления отказался от всего социального и цивилизационного по максимальной возможности: маленькая комнатка, одеяла в углу в качестве постели, очаг, может, стол-стул, еда-одежда в виде даров от людей – это да, она самая!

В этом же жилище все было... не так, а как-то – по-настоящему, что ли, без лишней атрибутики отреченного от мира.

Овальная пещера, наверное, метров двадцать пять, в противоположной от входа стене зияла совсем узкая, где-то сантиметров сорок шириной, щель по всей высоте пещеры, уходящая в глубь скалы, в темную ее неизвестность.

В самом же пространстве пещеры имелся небольшой очаг, сложенный из камней рядом с той щелью в стене, циновки и какие-то... пледы, что ли, сложенные стопкой у стены, служившие, скорее всего, спальным местом отшельнику. Напротив, у другой стены, сейчас располагался Костромин на принесенном с собой спальнике, укрытый своим же одеялом и курткой. Ногами он упирался в подобие шкафа – выдолбленную в скальной породе нишу, внутри которой сделаны деревянные полки. Там хранилось что-то, уложенное во множество грубых тканевых мешочков, и какая-то хозяйская утварь: глиняная посуда, сковородка, что-то еще, он не рассмотрел подробно.

С другой стороны от входа стоял «рюкзак» Юрия, прислоненный к чему-то объемному, высотой с метр, накрытому куском ткани, украшенной традиционным тибетским рисунком, а рядом аккуратной стопкой лежали какие-то тряпичные вещи. Пол усыпан сухими травами, сверху застелен самыми простыми домоткаными ковриками тоже традиционно тибетского исполнения.

Вот теперь все.

Ни столов, ни стульев, ни уступчика какого каменного, на котором можно было бы посидеть.

Юрий заставил себя перевернуться и встать на четвереньки, подождал, пока прекратят светиться круги перед глазами, подышал глубоко, прихватил куртку и подняться на ноги, постоял, переживая приступ головокружения, натянул кое-как со стенами и матами на себя куртку и медленно побрел к выходу, делая щадящие скупые движения больного напроць человека, не желающего добавлять себе лишней боли.

Не поверите – пещера выходила на ровную небольшую площадку диаметром, наверное, метров тридцать-сорок с уклоном прямо... к вертикальному обрыву. Зато за пещерой и с остальных сторон не поднимались грозные скалы. То есть скалы, конечно, имелись, собственно, чего другого можно ожидать в горах, но они все располагались как бы в отдалении, а окружали эту площадку и пещеру не такие уж крутые подъемы, только один огромный кусок скалы торчал чуть вправо в стороне... на плоской вершине которого и увидел Костромин сидящего в позе лотоса брата Тона.

Медитирующего, судя по его неподвижности.

– Хозяева, а где у вас тут удобства, которые можно было бы посетить? – ворчливо поинтересовался себе под нос Костромин.

И отчего-то посмотрел влево, постоял немного и двинулся в ту сторону – вот почему-то ему захотелось пойти именно туда.

Отошел Юрий от площадки и пещеры прилично, метров приблизительно на сто пятьдесят, по не очень крутому, можно сказать, почти пологому подъему вверх. Услышал где-то рядом звон ручейка, двинулся на этот звук и обнаружил бодрый и сильный родничок, стекающий со скального уступа в небольшую ложбинку.

Родничок весело журчал и, странное дело, не замерзал, хотя морозец был вполне приличный.

Ну, ладно, водички Костромин попил и даже кое-как умылся, хоть его всего и скукожило от леденящего холода. Но где же все-таки тут отхожее место или хоть где – вся природа в твоём распоряжении?

Выяснилось, что не вся.

Метрах в десяти от родника обнаружилась... дыра в земле.

Точнее, в скальной породе, и дыра бездонная – его кислое «ау» вглубь осталось без ответа, а падение пущенного туда камня он даже не услышал.

Ладно, природа, мать наша!

Почему Юрий решил, что это туалет? Вот почему-то определенно решил так, словно точно знал. Можно, разумеется, еще спросить, как он его нашел – тут хоть направо пойдешь, хоть налево, хоть вдоль, хоть поперек, хоть целый день блуждай, эту небольшую дыру едва ли сыщешь.

Да отчего-то у Костромина пропало всякое желание задавать какие-то вопросы.

После опробования работы «сливного бачка» в этой загородной «резиденции» он снова вернулся к роднику, помыл руки и умылся более продолжительно, помогая себе матом стойко переносить «заморозку» водой, и поплелся обратно к пещере.

Возле пещеры, точнее, закрытой двери, которую он не заметил раньше, собственно дверь это слишком крутое название для некой конструкции из плотно переплетенных тонких ветвей. Но не суть. Так вот, возле входа его ждал брат Тон, который молча протянул гостю глиняную кружку. Юрий взял и, не задавая вопросов, что было бы сложно с его полным незнанием тибетского языка, да и глупо в такой ситуации, выпил горячий, насыщенный, терпкий напиток и вернул кружку владельцу, поблагодарив кивком головы.

Тон поставил кружку на землю у входа и махнул рукой, приглашая Костромина следовать за собой. И, как ни странно, привел его к тому

самому родничку, указал жестом сесть рядом с водой, сам опустившись на снег, тут же переплел ноги в позу лотоса. Вообще заметить, как он это сделал, в том смысле, что сел и ноги переплел, Костромин не смог, тот словно перетек из одного состояния в другое, вот стоял, а вот уже сидит.

Ну, ладно, про чудеса напрягать мысли не будем, примем за усталость и слабость, боль во всем теле, не дающую сосредоточиться и вот такую выдающуюся ловкость человеческого организма.

Кряхтя и постанывая, в несколько приемов, Юрий как-то уломал свое тело, опустив его неловко задницей на снег, даже не пытаясь изобразить гибкость ног, сел и оперся спиной на выступ скалы.

– Рассказывай, – мягким жестом руки предложил ему отшельник.

– Что? – спросил Юрий. – Про свою жизнь? Про то, что случилось?

Брат Тон кивнул почти величественно.

Костромин заглянул в его серые улыбчивые глаза и стал рассказывать. Понятное дело по-русски, не особо понимая смысл в этом рассказе, совершенно недоступном его собеседнику – переводить-то некому.

Почему-то он начал свое повествование с самого начала, с того момента, когда они встретились с Варюхой. Рассказывал сбивчиво, ломко как-то, перескакивая с одного события на другое, но постепенно втянулся, слова полились плавно, и он уже посмеивался и улыбался, вспоминая Варюхины шутки и курьезные моменты из их жизни, и не заметил, что говорит все более красочно, увлекаясь...

Через какое-то время Юрий настолько погрузился в свой рассказ, что перешел в некое странное, какое-то трансовое, что ли, состояние, словно выключившись из реальности и полностью погрузившись в то, о чем повествовал, и он говорил, говорил, откуда-то издали слыша свой голос...

А когда очнулся, то на горы уже опускался вечер, солнце почти полностью спряталось за дальней горой, посылая последние алые лучи перед расставанием.

Костромин припух от такого фокуса, посмотрел шалым взглядом на невозмутимо сидящего все в той же позе Тона, подвинулся к родничку, сложив ковшиком ладони, жадно попил воды, набирая несколько раз, стараясь не обращать внимания на резкую болезненную ломоту в зубах от холода, и даже провел мокрой ладонью по лицу, пытаясь прийти в себя. И вдруг осознал, что движения даются ему легко, без боли.

Тон поднялся и жестом велел гостю следовать за ним.

Зайдя в пещеру, он указал Костромину на его «лежку», а сам занялся разведением огня в очажке и что-то там делал минут десять, Юрию было не видно за его спиной. Но отшельник скоро развернулся, подошел к нему и

снова протянул кружку с каким-то напитком.

Костромин выпил и, повинувшись руководящему жесту хозяина, вытянулся на спальнике, укрылся сверху одеялом и своей курткой.

И как-то поплыл, поплыл... И только перед самым сном вдруг подумал, что сегодня ничего не ел.

Это был последний спокойный и можно с уверенностью сказать – прекрасный день. И ночь.

На следующее утро для Костромина начался личный индивидуальный ад. Бесконечный, как и положено по всем канонам.

Проснулся он от того, что его пробило жесточайшее расстройство желудка, сопровождавшееся удушливым приступом тошноты. Чуть не снеся хлипкую дверцу с петель, не надев ни куртки, ни ботинок, он лосем, перепуганным насмерть, ломанулся к той самой дырке...

И началось!

Солнца больше не было, как и не было его потом еще много дней, зато в изобилии хватало снега в любых ипостасях, валившегося с небес нескончаемым плотным покровом и в виде сугробов, и растаявшей на теле воды.

Юрий мотался по этому пушистому девственно-белому покрову от дырки в скале к ручейку и обратно, без обуви, в носках и без куртки, без шапки и варежек, не помня себя от выворачивавшей его рвоты и поноса.

Просветленный Тон сидел рядом с ручейком, с невозмутимым лицом наблюдая за его мучениями.

Полоскало Костромина несколько часов подряд.

Он настолько измучился и потерял любые силы, что просто ложился на снег рядом с дыркой и лежал так до следующего приступа.

Там его и посетил ближе к вечеру брат Тон и снова протянул кружку с каким-то питьем и помог выпить, придерживая под голову. Подхватив под локоть, он помог Юрию встать и проводил в пещеру, где Костромин рухнул на свое лежбище бесформенной тушей, не в состоянии двигаться.

Но где-то через час, наверное, Тон растолкал его и снова напоил какими-то травами.

Утром повторилось все то же самое. Только еще в более отягощенном варианте – теперь Костромин практически не отходил от «толчка», умудряясь в коротких промежутках между сотрясавшими его спазмами подумать: откуда в его организме такое количество отходов, простите за натурализм, дерьма? Ощущение такое, что он уже спустил в ту дыру все свои внутренние органы вместе с мышечной тканью, а его все несло и несло...

На третий день он уже ни думать, ни размышлять не мог – постоянно соскальзывая в забытие, Костромин просто поселился у той дыры.

Утром четвертых суток он проснулся в пещере на своем спальнике, совершенно не понимая, каким образом тут оказался, проснулся от того, что его легонько потряс за плечо Тон.

Юрий сразу же прислушался к себе, но позывов мчаться к дырке не уловил и выдохнул освобожденно.

Тон показал ему жестом вставать и следовать за ним.

– Вставать? – поразился Костромин.

Какое вставать?! Он даже мизинцем пошевелить не в состоянии, но Тон показал вставать более настойчиво, и Юрий признался, еле ворочая языком:

– Я не могу.

– Преодолей себя, – вдруг сказал на чистом русском языке Тон, – и вставай.

– Нечего преодолевать, – хрипел обессиленно Костромин, – все, что можно было, я уже преодолел.

– Ты не знаешь ни себя, ни своих возможностей, – ровным тоном произнес просветленный.

И сделал шаг вперед, неожиданно оказавшись рядом с Костроминым, присел и заглянул ему в глаза.

Сил не было даже на то, чтобы удивиться тому, что Тон заговорил на русском языке, но Юрий начал переворачиваться на бок, непроизвольно застонав, не заметив скатившуюся по щеке слезу, шлепнувшуюся каплей расплавленного свинца на ладонь, которой он опирался на пол.

Пока Костромин ковырялся на своей постели, пытаясь встать на четвереньки, продышался от приступа накатившей слабости, поднял одну ногу, оперся на нее, снова подышал, действуя на силе воле, мате и еще на чем-то непостижимом, заставляя себя двигаться, а затем как-то все же поднялся, Тон стоял рядом и наблюдал за его мучениями.

Когда Костромин распрямился, тот, одной рукой прижимая к себе что-то замотанное в ткань, другой махнул гостю, призывая следовать за собой, и вышел из пещеры.

Костромин опустил голову и посмотрел на носки на своих ногах. Так, вариантов нет – обувь ему не надеть! Куртку, кстати, тоже! А на улице совершенно определенно мороз. И он двинулся следом за Тоном – наплевать! Помереть все же лучше, чем корячиться над той дыркой в муках!

Ну, про муки это он погорячился, как выяснилось.

В промокших носках на босу ногу, непонятно каким чудом еще двигаясь, Юрий шел, видя впереди только спину Тона, совершенно не понимая, что делает и как вообще передвигается.

Он не ощущал холода, в какой-то момент его мутное сознание словно отделилось от тела, и он перестал что-то чувствовать. Много раз он оскальзывался на невидимых под снегом каменных валунах, падал, один раз приложился лбом об камень настолько сильно, что рассек кожу и побежала кровь. И каждый раз Тон стоял возле него и повторял ровным голосом без эмоций:

– Вставай, – дожидался, пока Юрий, ковыряясь, как жук-навозник, кое-как поднимался, и давал новое распоряжение: – Идем.

И он шел. Наверное, так шли на расстрел российские мужики во все войны, сохраняя последнее достоинство и волю, принимая свою судьбу, но не кланяясь ей.

По крайней мере, в какой-то момент Костромину показалось, что он идет именно на смерть. А раз так, то надо все же держаться, – и он шел, делая то, что велел ему с самого начала Тон, – преодолевая себя.

А они все шли по занесенной снегом тропинке между каменными глыбами, пока не пришли к небольшому горному озерцу, неожиданно показавшемуся из-за очередного поворота.

Поразительно, как оно не замерзло, ведь, наверное, было градусов пятнадцать мороза. Тон повел гостя в обход, и они вышли к озеру чуть правее того места, откуда оно первый раз открылось взору. Костромин увидел небольшой водопадик, метра три высотой, поразительно тихий – шума падающей воды не было слышно до самого последнего момента.

Тон показал Юрию жестами, чтобы тот разделся и шел в воду.

– Не, ты серьезно? – переспросил его Костромин, немного пришедший в себя, и жестами же повторил вопрос: – Мне туда? В озеро? Ты уверен?

Оказалось, Тон уверен и, мало того, настойчив.

– И зачем было так далеко ехать и столько денег вбухивать, чтобы помереть где-то в горах, в чужой стране? – интересовался Костромин, начав раздеваться. – Не проще ли было отдать концы в Москве, не хлопотно, без проблем и мучений?

И все же он разделся догола, шагнул в воду... и обалдел! Она была теплой! Приятно теплой! В сравнении с морозом, так вообще обжигающе горячей!

А Тон показал ему, что надо встать под водопад и стоять там.

Ну, водопад так водопад.

Это оказалось так классно! Так непередаваемо, до слез хорошо после

всех издевательств на той дыре и этого пути сюда! Так прекрасно, как награда, так... что Костромин, не сдерживая слез обыкновенной слабости, которых никто не видит, от души и с удовольствием плакал.

Он согрелся до самых чудом не вышедших в дыру потрохов, до размягчения каждой клетки тела, когда вывалился из-под водопада и, подчиняясь жесту отшельника, выбрался из воды.

Тон протянул ему кусок холстины, Костромин растерся посильней, а отшельник уже протягивал ему какую-то одежду.

Юрий, к которому вернулось сознание и немного сил, начавший подмерзать после теплого источника, не задавая лишних вопросов, облачался, сообразив, что экипировка точно такая же, как и у самого Тона – шаровары из плотного хлопка, длинная рубаха из того же материала и сверху тонкая стеганая куртка ручной работы с чем-то теплым внутри, на веревочных завязках. А на ноги ему дали что-то вроде портянок из шерстяной ткани, сверху же кожаные закрытые туфли вроде мокасин на завязках, тоже кустарного производства.

Вот отдельное вам спасибо за обувь – мысленно поблагодарил Костромин, не то я совсем уже... – и тут неожиданно понял, что вовсе он и не совсем!.. Что дома он бы уже обморозился насмерть, заболел и слег, это сто пудов, если бы вот так бегал три дня в одних носках по снегу и по морозу в пятнадцать градусов без куртки, шапки и перчаток! Да даже говорить не о чем, отморозил бы все конечности и все нутро к той бабушке, ежики ушастые!

А тут!

Ему не было холодно! Ну, не то чтобы комфортно и тепло, но и непереносимого холода он не ощущал! Да и тело перестало болеть, и слабость прошла! Как такое возможно? А?

Да вот как-то! Советовал же Вовка: не задавай вопросов, и проще будет! За этими размышлениями о странных явлениях и внимательным, чутким прислушиванием к своему состоянию и организму Костромин и не заметил, как они вернулись к пещере.

Привычно повинаясь указующим жестам Тона, Юрий зашел следом за ним в пещеру, взял из тряпичной стопки что-то вроде плоской подушечки и последовал за отшельником. Тон привел его к тому самому валуну, на котором медитировал по утрам, показал, как подняться, и поднялся на вершину первым.

Бесконечно оскальзываясь и пару раз едва не сорвавшись, прижимая подушку подбородком к груди, Костромин каким-то чудом вскарабкался на вершину, где уже сидел в своей излюбленной позе Тон, который указал

гостю на место напротив себя.

Юрий положил подушку, сел, свернув ноги в некое подобие лотоса, поерзал, устраиваясь хоть немного поудобней, повздыхал, поморщился, почувствовав, что мерзнет все-таки весьма ощутимо, а тут хлопковые порты на попе и более ничего, повозился еще... Тон терпеливо переждал его суетливость.

Ну, наконец Костромин как-то устроился, успокоился, посмотрел окрест и прямо перед собой увидел возвышающуюся колоссальную во всех смыслах вершину Кайласа, которую вдруг перекрыл указательный палец Тона, вертикально выставленным жестом, призывающим к вниманию.

Юрий перевел взгляд на этот палец. А палец медленно опустился, указывая теперь куда-то в область его желудка, потом рука отшельника протянулась вперед, и палец пребольно уперся Юрию в центр солнечного сплетения.

– Дыши сюда, – сказал по-русски Тон, – останови все свои мысли и направь все внимания в эту точку.

И убрал палец.

Костромин тупо уставился на учителя, чувствуя острую боль в том месте, куда надавил его палец.

Но удержался, не стал ни о чем спрашивать. И молодец.

После той первой не сильно-то и получившейся медитации на вершине валуна, скорее пародии на таковую, дни Костромина потекли в определенном режиме.

Он просыпался на рассвете, шел умываться к роднику, потом лез на валун, пару раз падал, ощутимо так приложившись то боком, то спиной, то задницей, но с подушечкой хоть в зубах карабкался на вершину. Садился рядом с Тоном, который давал ему какие-то короткие наставления или жал на какую-нибудь точку в его теле пребольно пальцем, заставляя сосредоточиваться на этом месте. Через несколько часов они оба спускались с вершины, и Юрий выпивал кружку теплой воды. После чего отправлялся... бегать по пересеченной разного размера и вида камнями заснеженной местности.

Сначала до озера и стоял под водопадом, потом Тон провел его по еле видимой тропинке дальше, и с каждым днем все дальше и дальше до той самой площадки с узкой пещеркой для уставших путников, где они расстались с монахами. Возвращался бегом – ну, как бегом, первые несколько дней чуть не ползком на четвереньках, изрядно разнообразив досуг окружающих его безмолвных гор вариациями русского мата, потом-то уж бегом – назад к пещере отшельника, снова вскарабкивался на

вершину валуна и продолжал попытки остановить свой мысленный поток.

Вы пробовали? Рекомендую попробовать – без вариантов!

Невозможно ни о чем не думать, будет лезть в голову всякая фигня, какая-то такая ерунда и каша, что и не представить, вот в этом и смысл медитации – направить свои усилия на то, чтобы вообще не думать, сосредоточившись на тишине своего сознания.

Говорят, тогда можно услышать Высший Разум.

Может, оно и можно, но пока – бу-бу-бу про что угодно от ботишков любимой бабушки до прокисшей простокваши!

Через несколько часов Костромин спускался с валуна и делал какие-то не совсем понятные ему физические упражнения, которые показывал Тон.

Тело болело все время, не переставая, Юрий уже, казалось, свыкся с этой не проходящей, бесконечной болью и отодвигал ее куда-то на край сознания, и все бы ничего, только постоянно тяжело кружилась и болела голова, очень сильно колотилось сердце, и дышать было практически невозможно, казалось, легкие разорвутся и выйдут кусками через горло.

Это была настоящая жесть! Но Костромину бредило, что его сознание каким-то образом отделяется от физических ощущений и живет своей собственной жизнью, не привязанной к телу, или просто от бесконечной боли он пребывал в странном обморочном состоянии?

Ах да, он не ел. Вообще.

Кроме той единственной кружки воды после медитации, он больше ничего не ел и не пил. Поначалу Тон каждое утро сообщал ему, что сегодня принимать пищу он тоже не будет, а потом где-то через неделю и говорить перестал.

Тон вообще практически с ним не разговаривал, только крайне редко отдавал короткие указания, наставления на русском языке, с каждым днем лишь увеличивая физические нагрузки Юрия.

Зато ночью.

Костромин начал видеть сны. И были они настолько странными, удивительными и подробными до запахов, вкусов, звуков и ощущений, что, когда Юрий просыпался, ему казалось, что все поменялось местами – там, во сне, он проживал настоящую, наполненную, яркую жизнь, а здесь, в реальности, это была иллюзия, сон.

Каждый раз во сне к нему приходил Тон, и они куда-то перемещались – в какие-то неизвестные страны и города, в разные времена, в какие-то священные места и капища. Видели много интересных людей, даже исторических личностей и общались с ними.

Тон во сне постоянно беседовал с Юрием и рассказывал, объяснял

настолько поразительные вещи про истинные законы мироздания, наглядно показывая, как они работают, про истинную историю земли, начиная с миллионов лет назад. Это было бесконечно увлекательное путешествие и завораживающие сны с таким огромным объемом информации, которую не то что услышать и осмыслить, но и просто охватить в обычном времени невозможно и за несколько лет.

На двадцать второй день Тон дал Юрию выпить теплой воды с густо размешанным в ней медом, а вечером пару горстей полусырого риса без соли.

Было невероятно вкусно.

Ест ли Тон сам и вообще как тот живет, сколько и когда спит и вообще ведет ли нормальный человеческий образ жизни, ну пусть даже ненормальный, но какой-то образ жизни, Юрий не знал: он много времени проводил в одиночестве – бегал по тропам, стоял под водопадом три раза в неделю, выполнял трудные физические упражнения, пытался медитировать, выполняя наставления Тона, найдя себе другой валун тоже с относительно плоской вершиной и достойным видом на священную гору Кайлас, только подальше от пещеры.

Однажды вечером, когда село солнце и рухнула на землю темнота, как всегда бывает в горах, Тон развел маленький костерчик, поставил на него чайник, собираясь заварить травы, и подозвал к себе Юрия, приглашая присесть рядом у огня.

В этом вдруг почудилась Костромину какая-то домашность, что ли, интимная уютность – за пределами их пещерки, в непроглядной черноте ночи, валил огромными хлопьями снег, и в хрустальной тишине гор, казалось, слышалось тихое шуршание этого его падения, а здесь, в этом маленьком уютном мирке пещеры, у небольшого костерка сосредоточилась жизнь и человеческое тепло на многие, многие километры вокруг.

И это ощущение теплой жизни в проекции величия безмолвной природы настолько пронзительно почувствовал Костромин, что вдруг вспомнилась ему Варюха, и он чуть не задохнулся от острого чувства к ней и, не удержавшись, почти простонал:

– Как я умудрился все испортить? А, Тон? – и посмотрел на отшельника. – Почему меня так повело на ту бабу?

– Да, – словно согласился с ним Тон, улыбнулся своей бесконечно недоступной и всегда загадочной улыбкой и произнес: – Надо благодарить Высший Разум, что удостоил тебя такого испытания.

– В каком смысле благодарить? – обалдел от столь неожиданного заявления Костромин и аж задохнулся от негодования. – Я себя ненавижу,

чуть не помер, у меня семья разрушилась. Варюха меня бросила, уехала, сбежала подальше, от меня родители отrekliсь. За это благодарить?!

– Катастрофы стимулируют развитие, – невозмутимо заявил Тон и посмотрел в глаза Юрию. – Все, что кажется самым страшным испытанием, всегда оборачивается только пользой для человека. Ведь чем темнее ночь, тем ярче звезды.

– А если умер ребенок или близкий человек? А если был уважаемым человеком и оказался в тюрьме или на помойке бомжом? Это тоже на пользу? – возмутился Костромин.

– А ты хочешь поговорить об их судьбах и испытаниях, разобраться, кому и для чего дана такая судьба, или тебе интересней твоя жизнь? – ровным тоном поинтересовался Тон и улыбнулся.

Костромин балдел от этой его улыбки. Тон улыбался часто, и все равно, каждый раз это было явление – у Юрия возникало ощущение, что все вокруг озарялось светом. Когда отшельник улыбался, его глаза излучали такую непостижимую доброту и мудрость, такую силу, что Костромин ее физически ощущал. И было столько таинственного и недоступного в этой его улыбке...

А еще отшельник посмеивался тихо, мелодично, и смех этот был так же непостижимо загадочен и удивителен, как и его улыбка, и сам Тон – какой-то вселенский, космический и при этом очень теплый смех.

– Моя-то, понятное дело, интересней, – согласился Юрий. – Но и как быть с такими явлениями тоже вопрос, их же точно к большой удаче не отнесешь?

– Ничего не происходит просто так, и ни в чем нет случайности, – ровным тоном принялся пояснять учитель. – Для всего, что случается с человеком и происходит в природе, есть Высший смысл, Высшая задача и Высшая справедливость. Вот ответ: с твоей точки зрения, если человек убил безвинного младенца, или, будучи диктатором, уничтожил миллионы людей, или украл нечто очень ценное и важное у другого человека, он заслуживает наказания?

– Без сомнения, – кивнул Юрий.

– А если он совершил это в прошлой жизни и там не получил за содеянное наказания, тогда как быть? – посмотрел на него улыбающимися глазами Тон.

– Нет весомых доказательств, что душа проживает несколько жизней, – заметил Юрий.

– Доказательства есть, их так много, что ваши ученые уже смирились с этим фактом и обосновали его. Так что, Юрий, как, по-твоему, если человек

в прошлой жизни избежал наказания за свои деяния, то когда он в этой жизни вдруг окажется на помойке за грабеж, что совершил в прошлой, это будет справедливо?

– Не совсем, наверное, – подумав, ответил Костромин и пояснил свою мысль: – Ведь в этой жизни мы ничего о своих прошлых жизнях не помним. Мы живем свою отдельную, одну жизнь.

– Не совсем так, – объяснял Тон. – Душа помнит и знает все до малейших подробностей, все свои воплощения и деяния. И она же формирует характер человека, его поступки и дела в этой жизни и, как вы их называете, комплексы и страхи, которые приходят вместе с человеком в его новое воплощение, его устремления и таланты, тоже сформированные прошлыми жизнями. Очень многие люди знают свои прошлые воплощения или подозревают о них, но боятся кому-нибудь рассказывать, чтобы не прослыть ненормальным. Так что вины за содеянное никто с человека не снимает. И что, по-твоему, справедливо ли, если бывший вор, обокравший своего друга до состояния нищеты и потери жизни, сам же пользовавшийся его богатством и деньгами, внезапно окажется на помойке? А человек, убивший младенца, не заслужил быть убитым во младенчестве или принять мучительную смерть во взрослой жизни в следующем воплощении?

– Ну, если брать за основу как факт, что он сотворил это в какой-то из своих жизней в прошлом и несет в себе эти дела и воспоминания в этой жизни, то, наверное, да, в этом есть определенная справедливость, – с сомнением, но все же согласился Костромин.

– А если, – улыбнулся загадочно Тон, – тот младенец, которого убил человек, стал бы Гитлером или каким-то иным деспотом? А диктатор лишил бы жизни сотни тысяч тех людей. Кто же наш обвиняемый: убийца или воздаятель? А если тот, которого ограбили и лишили всего нажитого, и он оказался бомжом, в свое время убил много людей, чтобы обогатиться? Какое наказание будет справедливым? И нужно ли это наказание?

– Ничего себе вопросик, – растерялся Костромин.

– Да, – усмехнулся Тон. – Когда видишь течение жизни в объеме, просветленным взором, только тогда осознаешь, что ни одному человеку не дано даже приблизиться к пониманию истинной справедливости и уж тем более к ее становлению.

– В смысле «аз воздам»? – уточнил Костромин.

– «Аз воздам» тоже в довольно узком спектре справедливости и установления равновесия, это тебе пока недоступно, – ответил Тон и вернулся к первоначальной теме их разговора. – В твоём же случае то, что

ты называешь бедой, на самом деле было великим благом для тебя и твоей жены. Твоя жизнь изменилась безвозвратно, сделав качественный скачок вперед в своем развитии. Как и жизнь твоей жены.

– Это какой такой скачок? – все еще сопротивлялся Костромин, не желая видеть хоть что-то позитивное в той дикой связи с Ритой.

– Качественный, – улыбнулся Тон и принялся объяснять: – Начнем с того, что ты пережил невероятное сексуальное удовлетворение, которое редко кому выпадает возможность испытать. Я объясню тебе на простом законе сохранения энергии. Существуют, скажем примитивно, светлая энергия и темная энергия мира мертвых. Светлая постоянно вырабатывает и аккумулирует поток положительной живой энергии и отдает ее в мир, а темная ничего вырабатывать не может, она только потребляет, и ей всегда не хватает этой энергии, чтобы набраться достаточно силы, чтобы прорваться в живой мир. Поэтому она притягивает к себе любой источник, способный создавать энергию, и полностью его опустошает. Это самое примитивное из объяснений, которое ты способен сейчас воспринять. В твоём случае женщина, с которой ты столкнулся, была очень сильным представителем темной стороны, так называемой демонессой, она смогла отыскать пробой в твоём поле, то самое темное, что есть в любом человеке и что по неким причинам в момент вашей встречи было открыто. Через эту брешь она тут же вторглась в твою жизнь, зацепилась за твоё темное, глубинное начало и стала поглощать, высасывать твою энергию с такой невероятной силой, что это чуть не стоило тебе жизни. Зато ты почувствовал и теперь знаешь, какой мощью обладает темная сторона, какое удовольствие она может давать и насколько разрушительно опасны такие удовольствия.

– И за это я должен ее благодарить? – иронично поинтересовался Костромин.

– Конечно. Во-первых, это знание, подкрепленное опытом, во-вторых, ты попробовал, и результат тебе не понравился, ты осознал, насколько это не твоя сущность и насколько эти вибрации разрушительны лично для тебя. И в-третьих, это послужило толчком к твоему кардинальному изменению. К развитию. И это далеко не все то положительное, что принесла тебе твоя личная катастрофа.

– То есть имеется еще что-то «хорошенькое»? – усмехнулся невесело Юрий.

– Ты сидишь здесь, значит, тебе дали уникальный шанс постичь в короткий срок то, что многие люди пытаются открыть в себе десятилетиями упорных занятий и изучения всевозможных практик, порой

течением всей своей жизни, стремясь к просветлению и пониманию истинных законов мироздания. За время этой связи ты так старательно убегал от себя, что поднял фирму, свое дело до такого высокого уровня, который и не планировал вначале. Тебе удалось вывести ее на международный уровень и заработать надежное имя и втрое увеличить обороты, и это только начало. Далее: ты раньше никогда не занимался спортом, а теперь уже не можешь без физических упражнений, полностью поменял рацион питания и свой образ жизни на гораздо более гармоничный. А также тебе дано было в испытаниях увидеть и понять, кто по-настоящему близкие тебе люди и друзья, а кто предатели и потребители. И ты получил великое осознание вашей глубинной связи с женой и узнал истинную силу твоей любви к ней.

– И потерял ее, – продолжил перечисление Костромин.

– Почему ты решил, что потерял? – спросил Тон. – Она от тебя не отрекалась, на развод не подавала, претензий не высказывала.

– И уехала подальше, чтобы не видиться со мной, – отозвался Юрий.

– Может, она руководствовалась иной причиной. Никогда не следует размышлять за другого человека, предполагая, что он думает и чем руководствуется в своих поступках, проще спросить. – И, внезапно сменив тон, произнес назидательно: – Отсутствуют у тебя потери, лишь приобретения ты получил! Перестань цепляться за привычное мышление, освободи разум от ограниченных установок, пора формировать свое мироощущение и понимание истинных законов мироустройства объемно, а не плоско и обманчиво, как раньше. Тебе предоставлен уникальный шанс сделать это. – И продолжил пояснения снова размеренным ровным тоном: – Мало кому, единицам, дается возможность постичь двойственность человеческой натуры: от великой непостижимой святости и чистоты до безграничной черноты, разрушающей все вокруг в стремлении получать удовольствия и владеть миром. Заглянуть в себя удастся редким людям. Ты опустил в самые глубины своего «Я», своего сущего, и там столкнулся с черными разрушительными материями. Ты находился на таких низших частотах вибраций, которые уже даже не животные, а еще более низкие, из той черноты, что смертельна не просто для физического тела, а разрушительна для души. Но ты смог победить в себе эту темноту, этого демона. А такое удастся лишь единицам – узреть зверя в себе, одолеть его и... признать его право на существование как части своей личности. Не пытайся ненавидеть, не старайся избавиться от него, а признай и научись управлять им.

– Я ничего такого не делал и не чувствую себя победителем, – возразил

Костромин. – Все это время я жил и чувствовал себя мерзким, грязным, порочным, отторгая себя совсем. И вы правы, учитель, я поддавался снова и снова этому притягательному влечению и упивался им...

– И сопротивлялся, – продолжил за него Тон. – А это самое главное. Легче всего сдаться на любом этапе битвы со своей темной стороной. Поддаться ее соблазнительному зову, позволить ей доминировать, растворяться в удовольствиях, в потреблении этих удовольствий, и очень скоро, практически сразу, затихнет любой голос совести, и моральные ограничители куда-то денутся, и остается только чистое убийственное удовольствие, в котором растворяется человек. Есть только одна проблема в этом – удовольствия никогда не может быть достаточно: оно очень быстро приедается на каждом своем этапе, и уже прошлая порция не вызывает такого кайфа, и хочется все больше и больше, и человек берет, ведь все ограничения сняты, можно все. Это так работает и заканчивается почти всегда одинаково. В данном случае я не говорю о физической смерти.

– Как?

– Я покажу тебе позже, – пообещал не очень добрым тоном просветленный. – Это довольно неприятные картины. Но на том уровне, на котором ты пока способен воспринимать информацию, объясню: вспомни, в какой-то момент своей борьбы с искушением ты проходил такую сильную боль души, которую невозможно сравнить ни с какой физической. Бывают душевные страдания такого уровня, что вынести их невозможно, и часто люди намеренно причиняют себе физическую боль, стараясь хоть как-то заглушить эти ужасные мучения, а иногда и лишают себя жизни. Вот если умножить такие муки в десятки, сотни раз, тогда и получишь приблизительное представление о том, что предстоит пройти тем душам. Хотя эти страдания и конечны и их смысл заключается вовсе не в наказании как таковом.

– А в чем?

– Ты еще не готов к подобной информации, – ответил Тон. – Ты даже простые истины не освоил, хотя давно пора бы уж. Например, такую, что после того, как ты прошел свои испытания и победил демона в себе самом, ты поднялся на гораздо более высокую ступень развития и жизни в целом, как физическую, так и духовную ее составляющую. И уже никогда не сможешь жить, как прежде в неведении, и навсегда в тебе поселится стремление к познанию истинного мироустройства и его тайн.

– Все это, конечно, замечательно, – вздохнул Костромин, – про духовность и там победу над собой мерзким и низшим, только я так и не понял, как мне удалось преодолеть эту безумную тягу к сексу с Ритой.

Прямо в один момент, как отрезало, словно чудо какое. Может, просто повезло.

– Ты был не один в той битве, – невозмутимо произнес отшельник. – Тебе помогли.

– О, как, – порадовался Костромин. – И кто, хотелось бы знать?

– Я покажу тебе позже и объясню, что значит для человека его род, который стоит у него за спиной. У тебя сильнейший род, и некоторые из твоих предков поднялись в своем просветлении достаточно высоко. Род всегда стоит за каждым человеком, и то, что сейчас эти связи считаются незначительными и очень ограниченное количество людей знает и чтит своих предков, значительно ослабляет жизненные силы личности. Предков следует помнить и чтить, и обращаться к ним за помощью в трудную минуту. У тебя очень сильный ангел-хранитель, твой дальний предок. А еще, – улыбнулся загадочно Тон, замолчав ненадолго, – у тебя настоящая жена. Ее глубокая, чистая молитва о тебе помогла.

– И я ужасно по ней соскучился, – пожаловался Костромин.

– Вы скоро увидите, – пообещал Тон.

– А... – рыпнулся было спросить Костромин, но просветленный посмотрел ему в глаза, и Юрий так и не задал свой вопрос.

Тон взял чайник с костра, который все это время медленно тлел, плеснул в пиалу очередного непонятного травяного отвара и протянул Юрию.

– Пей! – Подождал, пока тот, обжигаясь и дуя на жидкость, выпил все до дна, и сообщил: – Завтра начнется другой этап твоего постижения.

– Надеюсь, не на дыре, – пожелал самому себе Костромин.

– Нет, – усмехнулся Тон, – все, от чего требовалось избавиться, ты ей уже отдал.

Другой этап постижения, начавшийся на следующее утро, первое время казался Костромину особо изощренной пыткой.

Теперь он бегал по еле заметной тропе вверх и поднимался по ближайшей отвесной скале на ее вершину, причем без намека на какую-либо страховку.

Да, вид оттуда открывался непередаваемой красоты, казалось, ты где-то совсем рядом с богом и он слышит даже твои мысли. Первый раз, когда Юрий, елозя пузом, вытянул свое измученное тельце на эту самую высоту, то, отдышавшись и перекатившись с живота на спину, увидев открывшуюся перед ним панораму, Костромин непроизвольно заплакал от переполнившего всю его сущность чувства.

И сколько бы раз он ни забирался сюда после, всегда переживал такой

же силы и накала эмоции, потрясенный горной красотой, простором и величием открывающейся панорамы. Правда, обходился уже без слез.

После подъема он проводил несколько часов в медитации на этой самой вершине. Для начала в попытках оной – никак у него не получалось надолго сохранить тишину в голове, но с каждым днем это удавалось все лучше и лучше, по несколько секундочек, как по капельке добавляя ко времени мысленного молчания.

Потом он тем же образом спускался по практически отвесной скале и бежал к пещере, в которой встречал его Тон и кормил тем, что приготовил – все аскетично просто: в основном размоченные, чуть сваренные сухие овощи, фрукты, мед с водой, как отдельное блюдо, иногда рис, иногда какие-то пророщенные крупы или вымоченные в воде орехи, а также травяные настои и отвары.

Юрий с первых же дней заметил, что у него отсутствует привычный аппетит, он не чувствовал холода, хотя практически целый день проводил на морозе, как и не испытывал иных привычных ощущений и желаний.

Впрочем, он уже давно перестал чему-либо удивляться.

После совсем легкого обеда они с Тоном занимались на площадке перед пещерой упражнениями. Объяснить, что это за упражнения такие, Юрий бы не взялся никому, пожалуй, что и специалистам, если бы таковые где-нибудь обнаружили. Хотя это маловероятно: ни на йогу, ни на какие иные виды восточных практик и единоборств то, что они проделывали с Тоном, не было и близко похоже.

Но после этих упражнений у Костромина нещадно болела и тянула каждая мышца тела, даже самая потаенная малюсенькая в каком-нибудь внутреннем органе, болели все кости, все суставы и сухожилия, болели даже волосы на голове и ногти на руках, такой удивительной силой нагрузки обладали тренировки.

И их было много.

После занятий Юрию хотелось только одного – сигануть в пропасть с их «дворового» обрыва, чтобы никогда больше не переживать эти ощущения. Но до обрыва требовалось еще доползти, хоть и всего пять метров, однако...

И они с Тоном шли пить чай, после которого Костромин бежал на озеро. Теперь он там не просто стоял под водопадом, а нырял и задерживал дыхание, а Тон наблюдал за этим процессом с берега. Однажды Юрий так надолго задержал дыхание, что потерял сознание прямо под водой.

И пришел в себя... под струями водопада, недоумевая, каким образом здесь оказался.

Потом он снова куда-нибудь бежал, делал серию упражнений и медитировал – и так до бесконечности, увеличивая время медитаций и упражнений и уменьшая время сна.

Но теперь каждый вечер они устраивались с Тоном разговаривать у маленького домашнего костерочка, и Юрию казалось, что кто-то незримый, но домашний теплый и добрый с той стороны щели в стене, садится в темноте, поближе к их костерку, и одобрительно слушает их беседу. Ну как беседу – говорил в основном Тон, а Юрий слушал и впитывал в себя. Станным образом то, о чем говорил просветленный Тон, воспринималось Костроминым объемно, то есть не только разумом, но и всеми чувствами и органами, что-то вроде 4D-объемного кино, только на всех уровнях восприятия. И информация эта не просто воспринималась, она как бы записывалась на его подкорку, прямо в мозг.

А еще он продолжал видеть те самые фантастические сны, которые вскоре стали совсем не снами, а осмысленным пониманием все того же потока информации, приходящего к нему в пограничном состоянии сна.

Занятия становились все жестче, но давались Юрию все легче и легче с каждым днем, медитации глубже, а его понимание мира настолько расширилось и кардинально изменилось, что он вряд ли мог уже назвать себя прежним.

Он менялся как физически, так и интеллектуально, духовно и морально, радовался этим изменениям и принимал их с открытой душой.

Однажды днем, накормив Юрия обедом, Тон не вывел его на занятие, а дал иное задание:

– Братья прислали нам дары в щедрости своей, но дожидаться нашего прихода не имели возможности, поскольку погода неотвратимо портится. Ты сбегай на ту сторону тропы, заberi груз и принеси.

Понятно – известие прилетело по «спутниковой голубиной почте», через эхо в горах или посредством сторожевых костров по вершинам горной цепи, иронично хмыкнул про себя Юрий.

Интересоваться бесполезно, да и так все ясно, что не может быть ничего понятно и до сих пор все еще удивляло Костромина, как ребенка подарки под елкой.

Ну, сбегай так сбегай.

И он побежал. До той площадки с пещеркой, перед тропой по отвесной стене, ставшей для него теперь легкой разминкой и приятной прогулкой с потрясающими видами на горы, и через нее до первой площадки.

Погода портилась все сильнее, и довольно быстро, полюбоваться красотами больше не получалось, все было затянуто низко стелющимися

тучами, поднимался легкий ветерок, и начинал сыпать крупный снег.

Костромин прибавил темп. Почти пробежал по карнизу над пропастью и быстро добрался до первой площадки. Увидел прислоненный к небольшому уступчику одной из скал тибетский рюкзак, спешно закинул его себе на спину, закрепил, шагнул к тропе.

И в последний момент, всем существом почувствовав опасность, он сделал два шага назад от зияющей пропасти обрыва перед тропой и...

И все! Все...

Его накрыло темнотой...

– Юра! – звал его кто-то. – Юра, очнись! – требовательно приказывал знакомый, родной голос. – Юрочка! Просыпайся! – звала она сердито и вдруг потрясла за плечо. – Юра, открой глаза!

Он открыл... И ничего не увидел. Только серая, непроглядная пелена...

– Юрочка, надо вставать! – уговаривала настойчиво Варя. – Очнись, ты всем нам нужен!

И вдруг он увидел!! Увидел мысленным взором лицо своей Варюхи и эти ее прекрасные зеленые глаза со светящимися в них огоньками. Юрий чуть не зарыдал от ударившей в сердце радости, осветившей все его существо, он снова ее видел, видел!! Господи, он не видел ее образ много месяцев, потеряв практически сразу после первой ночи с Ритой.

Он так мечтал, так просил ее вернуться, так ждал...

– Варюха... – позвал Костромин восторженно и попытался протянуть руку, чтобы коснуться хотя бы ее призрачного образа. – Ты здесь...

– Ну, конечно, я здесь, Юра, – откликнулась она и вдруг улыбнулась, сверкнув ямочками на щеках. – Я давно уже с тобой, просто ты очень занят важными делами и не звал меня.

– Я звал, – всхлипнул радостно он. – Звал, все время. Все время тебя звал, Варя.

– Юрочка, – сделалась она серьезной. – Вставай срочно! И выбирайся отсюда немедленно!

– Откуда? – не понял он и попробовал покрутить головой, озираясь.

И у него ничего не получилось. Он глубоко вздохнул, успокаивая свое сознание, как учил Тон, выдохнул и попытался понять, где находится и что с ним произошло. Все, что удалось ему осознать, – это то, что вокруг него спрессованный снег, зажавший его в тиски.

– Правильно, – подтвердила Варюха. – Лавина сошла и задела тебя своим краем. Выбирайся скорей, Юра! – обеспокоенно потребовала она. – У тебя очень мало времени.

– Я сейчас, – пообещал Костромин и начал активно двигаться.

Активно – это очень громко сказано, – дергался, как жук, перевернутый на спину, с той лишь разницей, что не мог свободно дрыгать ногами-руками.

Сообразил, что прикован к рюкзаку, и, пробивая руками снег, стал торопливо развязывать крепеж. Это действие удалось довольно быстро, да и пока Юрий возился, немного утрамбовал снег вокруг себя.

– Попробуй выставлять руки на всю длину в разные стороны, может, получится пробить снег? – посоветовала обеспокоенная Варвара.

Костромин прислушался к дельному совету и принялся тыкать руками в разные стороны, пока не ощутил кончиками пальцев правой кисти свободу и дуновение воздуха. Тогда он спешно начал пробиваться в ту сторону и довольно быстро смог проделать дыру, в которую получилось выкарабкаться.

– Рюкзак! – напомнила ему Варюха. – Его нельзя оставлять!

– Да, рюкзак, – согласился Костромин.

И полез обратно, схватил баул двумя руками, расшатал его в снежной толще и потянул на себя. Рюкзак на удивление легко поддался, и вскоре Костромину удалось выбраться из этого ледяного капкана самому и вытащить поклажу. Он облегченно выдохнул, сел и осмотрелся.

Лавина и на самом деле промчалась стороной, лишь боком, своей малой частью пройдясь по площадке. Да и площадку саму она практически не тронула – ее защитили примыкавшие к ней как сторожа каменные скалы, и только перед самым сходом на опасную тропу над пропастью, там, где находился в тот момент Костромин, она пронеслась частью своего массивного, беспощадного тела.

Если бы он не отступил на два шага – кирдык окончательный ему был бы обеспечен и просил бы он прощения у своей Варюхи в виде бестелесного «иже херувима». Горного.

Ладно, рассуждать будем после, а сейчас и на самом деле следовало поторопиться – погода очень быстро менялась совсем в катастрофическую сторону, ветер со снегом усиливались.

Тропу, прикрытую сверху скальным козырьком, не засыпало лавиной, а вот выход на нее занесло капитально. Надо было как-то перейти с площадки на тот неубедительный карниз и постараться не шагнуть в бездну мимо него.

Костромин надел на спину рюкзак, посильнее привязал его к себе, мысленно попросил помощи у всех, кого надо, выдохнул и...

– Ну, что, Варюшь, пойдем? – спросил с улыбкой.

Ее облик тут же появился перед его взором, и она очень озабоченно произнесла:

– Юрочка, надо торопиться! Только осторожно!

– А как же! – согласился он, внимательно осматривая снежную шапку, перекрывшую путь на тропу. – Теперь мне надо быть очень осторожным. Раз ты появилась, значит, не все у нас с тобой еще пропало.

Но на эту его жизнеутверждающую тираду она не ответила и больше вообще «на связь» не выходила. Юрий сказал себе: это для того, чтобы его не отвлекать. Не сбивать сосредоточенности.

Очень осторожно, нащупывая руками снег впереди себя, он все же смог переползти на тропу и поспешил, практически побежал по ней, тревожно поглядывая направо на наливавшиеся все больше и больше сизо-черным бедовым сгустком тучи.

Он уже радовался, что почти дошел, когда вдруг уперся в снежную кучу на тропе, напрочь перекрывшую дальнейший проход.

– Твою ж... – вырвалось у Костромина от неожиданности. – Ёжики ушастые! – позволил себе только это ругательство он. – И что теперь? Возвращаться?

Осмотреть препятствие и оценить всю его масштабность не представлялось возможности. Единственное, что понял Юрий, видимо, лавин было две, одна из которых прошла в этом месте, а поскольку на этом участке не имелось козырька над дорогой, он сотни лет назад обвалился и рассыпался естественным образом, то снег и перекрыл тропу, не то чтобы глубоко, можно было бы и поверху как-то протоптаться, но тропа же не идеально ровной струной проходит, а с изгибами, уступами, слабыми местами – один, да что там один, неверных полшага, неудачное движение – и ты летишь в пропасть!

– Вот... ёжики, короче! – возмутился Костромин.

– Юра! – вдруг возникла Варвара перед его глазами и быстро, но твердо предложила: – Становись на четвереньки! Ощупывай впереди себя тропу и двигайся так! Тут совсем немного осталось, а надо торопиться! Ты пройдешь!

Немного, это он и сам понимал – изучил уже эту тропу досконально, как родную, мотаясь по ней туда-сюда на пробежках. По заметным и известным ему приметам осталось метров, наверное, сто где-то, может, чуть меньше.

Но... и он опустился на четвереньки!

– Юрочка, быстрее! – совсем растревожилась Варвара.

– Все будет хорошо, Варюш! – пообещал Костромин и больше ни на

что не отвлекался, сосредоточившись на том, что чувствовали его руки.

Он ощупывал под слоем снега каменный уступ тропы и двигался вперед, осторожно, но в темпе. Какая-то сильная внутренняя тревога, нараставшая с каждой минутой, подгоняла его, и он переставлял и переставлял под снегом руки, и подтягивал за ними ноги.

И все же не успел!

По расчетам Костромина, оставалось всего каких-то несколько метров, когда сорвалась с горных вершин перезревшая снежной массой метель и закружилась между двух горных массивов, сметая все на своем пути, словно жесткой метлой выворачивая камни и обдирая поверхности скал, кулаком ударив в лицо и наподдав под дых ничтожному человечешке, раскорячившемуся на тропе.

Он упал на живот, пережидая свирепое нападение метели, каким-то чудом уловил небольшую передышку в череде смертельных ударов, безостановочно наносимых ее кулаками, быстро, уже и не ощупывая тропу впереди себя, пополз вперед.

Белая смертоносная воительница сделала круг, набрала разгон и силу, и с новой, еще более мощной волной обрушилась на него. Костромин вжимался в снег, прикрывал голову руками и повторял про себя одну из мантр-молитв, которой научил его Тон.

И снова в какой-то момент почувствовал, что метель сейчас ненадолго ослабнет – всего на несколько мгновений, – приготовился к броску и, уловив этот момент, вскочил на четвереньки и побежал со всей возможной скоростью. Рюкзак на размокших, ослабших и разболтавшихся креплениях нещадно колотил его по спине, снег залеплял глаза, в крошечной черноте, упавшей на этот мир, не было видно ничего, руки и ноги практически потеряли чувствительность, но он бежал, бежал, опережая эту бешеную карусель, и вывалился на площадку в тот момент, когда она ударила его с новой силой.

Успел!!

– Успел, Юрочка!! – ликовала Варюха. – Ты спасся!

Вообще-то ликовать пока было рановато, требовалось на ощупь в непроницаемой мгле, под непрекращающимися ударами стихии протаститься влево по скалистому выступу, найти пещеру и очень постараться не промахнуться, а это запросто – пещерка узкая и в углублении расположена. Промахнешься – считай, погиб! Однозначно!

Но какая-то интуиция вела сегодня Костромина!

А может, и не интуиция, а те самые, что ни на есть защитные Высшие силы, стоявшие за его спиной, ангел-хранитель и, разумеется, Варвара!

Он придерживался за скалу рукой, прижимался к ней, пережидая очередной ураганный порыв, и снова двигался вперед, когда тот ослабевал. Наконец, Юрий скорее понял, чем почувствовал уже онемевшей от холода рукой под пальцами не скалу, а какой-то другой материал. Ветки! – осенило Юрия. – Сухие, переплетенные ветки двери!!

И он рванулся вперед, выворачивая на себя хлипкую дверцу, из всех возможных сил сопротивляясь ветру. И когда метель окончательно поняла, что упустила свою жертву, от злости она резко переменила направление и зашвырнула его толчком в спину в узкую щель спасительной пещеры с такой силой, что, пролетев жалкие три метра, Костромин со всего разгону ударился в противоположную стену.

А за ним, издав максимально возможно громкий для своей хлипкости звук, захлопнулась дверка, отгораживая это убежище и его в ней от озлобленной стихии, захватившей мир снаружи.

– Ну, вот и наши апартаменты, – пошутил для Варюхи Костромин.

Но она не отозвалась. Совсем.

И не отзывалась больше ни разу, как он ни звал.

Костромин провел в убежище два дня. Метель завывала, то усиливаясь, то отступая, но не сдавая позиций, рвала своими когтями в бессильной злобе дверку, прикрывавшую эту келью, но дотянуться от улизнувшего чудом от нее человека так и не смогла.

А он... Он вспоминал.

Не дозвавшись Варюхи, Юрий расстроился ужасно, и в какой-то момент к нему вдруг снова пришли воспоминания о той их счастливой жизни, отсюда казавшейся ему таким далеким, сказочным миражом. Совсем другой, чьей-то чужой, невозможной жизнью, на другой, неизвестной планете.

Лежа на тонком холодном настиле на камнях, Юрий вдруг так ярко, так отчетливо в своем новом объемном восприятии эмоций и видений, в мельчайших красочных подробностях с запахами, звуками, нюансами и оттенками, с теми забытыми чувствами и ощущениями вспоминал их первую с Варюхой поездку во Францию...

Они, как-то не сговариваясь, вдруг оба заговорили о том, что интересно было бы съездить во Францию, и Костромин в присущей ему деловитости решил-сделал взялся искать туры, разузнавать про гостиницы и экскурсии, но Варюха неожиданно остановила эту его активность:

– Да ну, Юрочка, так совсем неинтересно и скучно!

– А как интересно? – спросил он с удивлением.

– А вот как интересно, – взялась вдохновенно повествовать она. –

Чтобы поехать в Прованс! Я так много про него прочитала и посмотрела, что мне кажется, он совпадает с моей душой, и будет мне там замечательно! Хочу в Прованс!

– Ну, хорошо, – тоном любящего мужа, нещадно балующего свою жену, согласился Костромин. – Мы едем в Прованс. И что, там не надо бронировать гостиницу?

– Наверное, надо, – сказала беззаботно Варька. – Только не одну, а череду гостиниц. А может, и не надо! Лучше быть свободными, как летний ветер Прованса, Юрочка! Взять напрокат машину, прочертить маршрут между самыми интересными городками, чтобы ехать куда мы захотим и когда хотим! В одном городе попробовать их знаменитый сыр, в другом... ты знаешь! – вдруг озарилась она воодушевлением необычайным, аж подскочила с дивана, стала ходить перед мужем и, размахивая руками, пояснять: – Там есть ферма по сбору трюфелей, и тебе даже могут дать свинку-поисковика, чтобы ты лично нашел и откопал трюфели. Я читала! А потом тебе их приготовят, как ты захочешь! Ну, разумеется, если ты их купишь, – уточнила она.

– Разумеется, – криво улыбался Костромин, любуясь раскрасневшейся от восторга женой.

– А еще там есть фермерский ресторан, который принадлежит одной семье уже несколько столетий, и там готовят какие-то потрясающие фирменные блюда из козлятины. А еще есть ресторан натуральной молекулярной кухни и тоже на особой ферме. Есть старинные винодельни и маленькие заводишки, принадлежащие многие столетия одним семьям. Есть городок, где проходят уникальные соревнования по кулинарии и бегу, есть еще множество невероятно интересных местечек! Козы! – произнесла она весело и подняла указательный пальчик. – Там есть потрясающие длинноухие козы, которые дают фантастическое молоко, имеющее вкус и запах луговых трав, из которого изготавливают самый дорогой в Европе сыр! Вот это все-все-все! И еще поля лаванды, луговые цветы, горы, долины, великолепные старинные городки и деревеньки, особый дух и запах. – И устав от восторга, она плюхнулась рядом с ним на диван и со смехом завершила свою тираду, задорно поблескивая своими весенними глазами: – А ты говоришь, гостиницу забронировать!

Конечно, они поехали в Прованс, и именно так, как ей мечталось – свободными, как летний ветер... только предварительно Костромин все же заказал машину в аэропорту, составил маршрут, руководствуясь пожеланиями жены, а по его ходу забронировал номера в нескольких гостиницах разных городков и поселков, запасся русско-французскими

разговорниками и словарями, просидел множество часов в Интернете, выясняя возможные трудности и нюансы местных правил и законов, и обзавелся подробными картами местности.

И получилась у них сказочная поездка.

Просто волшебная, удивительная, в чем-то даже мистическая.

Переполненная любовью!

В каждой минуте, в каждом новом повороте дороги, в каждой новой удивительной встрече с людьми, с природой этого неповторимого края – во всем, с чем они соприкасались, их сопровождала любовь, приправленная запахами и цветовыми оттенками лаванды и винограда, насыщенным вкусом солнечного вина, высоким выцветшим до тонкой голубизны небом...

Эта поездка сохранилась в воспоминаниях Костромина таким тонким изысканным и еле переносимым по чувственности ощущением красоты и любви, от которого каждый раз щемило в груди.

Особенно остро эту тонкую небывалую красоту он прочувствовал в одной случившейся с ними истории.

Они немного запаздывали по составленному Костроминым графику движения, но оба с самого начала поездки не обращали на такие мелочи внимания, решив не ставить себе никаких жестких ограничений, а наслаждаться свободой во всем, в том числе и не быть привязанными ни к каким графикам.

Так вот и получилось, что выехали из одного городка намного позже запланированного, до другого было еще далековато, заметно опускался вечер и уже становилось понятно, что до ночи они в намеченное место не доберутся.

И вдруг из-за очередного поворота дороги, пролежавшей между бесконечными виноградниками, показался рекламный щит. Такой, знаете, стилизованный под старину из грубых досок, на котором старинной вязью было выведено приглашение посетить винодельню и фермерское хозяйство семейства такого-то и продегустировать их продукцию.

– А давай! – лихо предложила Варюха, ткнув в щит пальцем.

– А давай! – согласился Костромин, уже сворачивая на проселочную дорогу в указанную на приглашении сторону.

На небольшом холме расположилась старинная французская усадьба, видная издалека, в окружении столь же старинных платанов и спускавшихся в долину стройных рядов виноградников.

Когда машина подъезжала к усадьбе, до Вари и Юры донеслись звуки классического французского шансона, а в арке, обозначавшей въезд на

территорию усадьбы, стояла пожилая женщина, приложившая руку козырьком над глазами, защищаясь от садившегося солнца.

Варвара торопливо перелистнула разговорник, подбирая слова, и, когда они подъехали к женщине, выскочила из машины и начала старательно произносить по-французски:

– Здравствуйте! Можно ли у вас найти постой на ночь?

– По-моему, ты произнесла не совсем правильную фразу, – высказал предположение по-русски Юрий, выходя из машины следом за женой.

– Вы можете говорить со мной на родном языке, – предложила, улыбнувшись, женщина на русском, украшенном приятным, немного грассирующим прононсом.

– О! – обрадовалась Варя. – Вы говорите по-русски, это так здорово!

– Как у каждой неординарной француженки, у меня есть русская бабушка, – с лукавой усмешкой произнесла женщина и пояснила: – А я считаю себя вполне неординарной француженкой.

– И обоснованно, – чуть поклонился ей Костромин, выказывая особую мужскую уважительность.

И было от чего! И на самом деле женщина казалась удивительной, словно перенеслась из другой эпохи, по виду ей можно было дать возраст, скажем, от семидесяти и до дальнейшей неопределенности.

Высокая, стройная с великолепной, королевской осанкой, по-настоящему красивая той удивительной красотой, которую не убивают годы, лишь придавая ей изысканности и выдержанности, густые седые волосы убраны в красивый пучок, длинное, украшенное настоящим кружевом светлое платье, легкая великолепная кружевная шаль на плечах – и потрясающая аура, излучаемая ею.

– Меня зовут мадам Франсина, – представилась она, – вы найдете здесь и пансион, и радушный прием. Подъезжайте к дому, там вас встретит мой сын Пьер.

Они сидели за длинным старым, как сама Франция, столом с мадам Франсиной, двумя ее сыновьями и их женами, с тремя их уже взрослыми детьми и угощались потрясающе вкусными блюдами, весело беседовали и наблюдали за тем, как угасает день.

А потом Юрий с Варварой поднялись в отведенную им комнату на третьем этаже усадьбы. Комната была угловая, с высоченными потолками, с какой-то потрясающей старинной лепниной над изголовьем королевской кровати. Все три ее огромных окна были распахнуты настежь, и невесомые прозрачные занавески летали белыми крыльями, раздуваемые теплым летним ветерком.

Откуда-то доносились звуки французского аккордеона, наигрывающего нежные мелодии, солнце садилось, пронизывая насквозь всю комнату золотисто-оранжевым светом, пахло лавандой, прогретым виноградным листом, изысканной стариной, великолепным вином и счастьем... бесконечным прозрачным, высоким счастьем!

На широком подоконнике стоял поднос с одним бокалом вина на двоих, которое они согласились попробовать, чтобы не обижать хозяев, не понимавших, как это можно вообще не пить такое вино. Стояла плетенка с кусками свежего, потрясающе вкусного домашнего хлеба, тончайшая старинная фарфоровая тарелка с несколькими кусками сыра разных сортов, лежали гроздья темного винограда, просвечиваемые лучами уходящего солнца насквозь до маленьких косточек в каждой ягодке...

И под все эти великолепные запахи, цвета и звуки они занимались любовью на королевской кровати – медленно, томно, смакуя каждое свое движение, каждый взгляд и вздох, как великолепное вино, и в весенних глазах Варюхи плавился слезами последний исчезающий оранжевый луч солнца...

Невозможно перенести всю высоту того момента их жизни и невозможно забыть... – это в сердце, это в памяти крови, это суть жизни.

– Господи, Варюха, – простонал Костромин, проживая все заново в своих воспоминаниях. – Как же я по тебе соскучился! Как же я ужасно по тебе соскучился! Как же я тоскую по тебе!

Но она так и не отозвалась, снова исчезнув зачем-то и куда-то.

На второй день метель, полностью исчерпав все свои силы, капитулировала, и Костромин смог выбраться из своего убежища. Правда, пришлось долго откапывать вход, заваленный снегом, видимо, сильно осерчала на него снежная воительница за то, что ему удалось улизнуть от нее, и засыпала хлипкую дверцу до самого верха. Потратив пару часов, Юрию удалось откопаться и вылезти на площадку.

М-м-да, снега навалило основательно, но делать нечего, идти все равно придется. И, приторочив к себе рюкзак, он пошел.

К пещере Тона Костромину удалось добраться только к вечеру, пробиваясь сквозь бесчисленные снежные заносы по пути.

Отшельник встречал его у входа, как всегда, совершенно невозмутимый.

– Ну и зачем это было надо? – спросил его Юрий после традиционного приветствия.

Он уже давно понял, что даже приблизиться к пониманию и осмыслению того, что может и какими способностями обладает Тон, не

дано никому. Но то, что тот четко знал, куда его посылает и что с ним произойдет в том пути, в этом Юрий не сомневался ни на секунду.

Тон приподнял немного бровь, что означало в его случае легкую иронию, и спокойно пояснил:

– Ты очень хотел услышать свою жену. Последние дни ты слишком часто об этом думал.

– Ну, вот и пообщались, – проворчал Костромин.

После того похода с вынужденным отдыхом в пещерном убежище нагрузки Юрия, как физические, так и духовные, увеличились в несколько раз.

Он теперь был только учеником, все двадцать четыре часа в сутки – это стало его единственной сутью, не оставляя даже мгновения для уединения с самим собой; делая упражнения, Костромин отключал сознание, концентрируясь только на них, стоя под водопадом или задерживая дыхание под водой, бегая по тропам или поднимаясь на скалу, он открывал свое сознание и повторял определенные мантры. Во сне та информация, что он получал от Тона, стала гораздо более концентрированной и усиленной, а при вечерних разговорах у костра Юрий слушал объяснения просветленного.

Костромину казалось, что Тон торопится многое объяснить ему, подгоняя и направляя, и он принимал его уроки, стараясь максимально сконцентрироваться на каждом своем действии, на каждом услышанном от Тона слове.

А через две недели этой новой невероятно уплотненной получением знаний и навыков жизни, посреди ночи красочный познавательный сон Костромина был прерван сильнейшим чувством волнения за Варвару. Юрий выскочил из своего сна с непроизвольным криком: «Варя!!» – и резко сел в постели.

– С ней все в порядке, – донесся до него негромкий голос Тона.

– Я чувствую, что с ней что-то происходит! – нервничал Костромин, увидев учителя, сидевшего в позе лотоса на своей подстилке.

– Убери эмоции, успокой сознание и посмотри истинным взглядом, – напомнил ему один из новых навыков Тон.

Юрий сел ровно, переплел ноги в лотос, уравновесил дыхание, успокаивая сознание, а Тон немного помог ему:

– Ты же видишь, что у всех твоих родных отсутствуют неприятности, сложности и болезни, – вел его силой своего необыкновенного голоса просветленный.

– Да, – согласился Юрий, выполнявший последовательные мысленные

«шаги», которым обучил его учитель. – У Вари я тоже не вижу и не чувствую беды, болезни и несчастья, но с ней определенно что-то происходит, я не могу понять, что.

– Это нормально, – ответил Тон и повелел: – Выходи из сканирования. – Юрий открыл глаза, а отшельник продолжил объяснять: – Про родных по крови людей очень трудно получить информацию. Ее специально закрывают, потому что человек не должен влиять на обстоятельства их жизни, поскольку жизнь каждого человека – это только его мера ответственности и судьбы. Но любящие люди всегда будут стараться прикрыть родного от беды, предназначенной ему, поэтому незрелым посвященным и людям, освоившим некоторые свои способности, и закрывают такие возможности. Когда идущий за знаниями достигает Уровня Полной Невозмутимости, только тогда ему дается доступ ко всей информации.

– Но с ней что-то происходит, учитель Тон, – волновался Костромин.

– Ну, раз ты почувствовал, что это не горе, не несчастный случай, не болезнь и не беда, то может, это любовь, – выдвинул версию Тон.

– Какая любовь? – совершенно обалдел Костромин и уверенно пояснил: – Я ее любовь.

– Где ты сейчас, а где она? – чуть приподняв бровь, напомнил учитель. – Тебя не было рядом с ней очень долго, скоро год будет. Все, что могла, она для тебя сделала: отмолила у темных сил и передала свою любовь и энергию. Теперь у тебя началась новая жизнь, но и у нее началась своя новая жизнь.

– Ты так видишь? – перепугался ужасно Костромин. – Видишь, что у нее другой мужчина.

– Нет, я не просматриваю твою жену, – ответил невозмутимо Тон. – Это твоя жизнь, в которой ты должен разобраться сам. Но я предполагаю, что у нее может появиться новая любовь, раз ничего плохого с ней не происходит, а эманации сильного переживания ты уловил.

– То есть она сейчас влюбляется в другого человека, так, что ли? В интимной близости? – волновался все больше Юрий.

– Вполне возможно, что в данный момент у нее происходит именно интимная близость с другим человеком, в которого она влюбляется, ты правильно заметил, – ровным тоном подтвердил Тон.

– Так! – выдохнул Костромин растерянно и спросил: – И что делать?

– Спать, – сказал Тон и посмотрел ему в глаза.

Очнулся Костромин самым ранним утром от яркого солнца. Он вскочил одним движением, обулся и выбежал из пещеры, направляясь к

ручью и дырке для утренних процедур.

Тон сидел на вершине своей скалы застывшим изваянием, но, когда Костромин вернулся, отшельник оказался в пещере сидящим уже на своей подстилке в позе лотоса, что было необычно для заведенного им распорядка дня.

– Учитель? – спросил его тихо Костромин, привыкший за это время именно так обращаться к отшельнику.

– Сегодня ты уходишь, – провозгласил Тон.

– Куда? – спросил Юрий.

– Ты возвращаешься в свою жизнь, – ответил отшельник.

– Прямо сейчас?

– Да, – подтвердил Тон и распорядился: – Собирайся.

– Поэтому у нас такая хорошая погода? – осторожно поинтересовался Костромин.

– Да. – Тон улыбнулся. – И потому что весна.

Собирать особо было нечего. Костромин остался в той же одежде, которой снабдил его Тон и с которой, честно говоря, Юрий свыкся, как со второй кожей. Он сложил в свой тибетский рюкзак те вещи, что принес с собой, спальник и куртку, устойчивую к любым морозам и непогоде, ни разу не понадобившуюся ему здесь, да и все.

Они вышли из пещеры и замерли, молча глядя на торжественно поднимающийся из-за горных вершин огненный шар солнца.

– Теперь ты сам легко доберешься до монастыря, без помощи монахов и бегущих ослов, – сказал Тон, чуть улыбнувшись.

– Да, – согласился Костромин, продолжая смотреть на солнце и отчетливо понимая, что этот путь, казавшийся ему когда-то дорогой адовых пыток, на которой он чуть не помер, сейчас представляется для него легкой приятной прогулкой по красивым местам.

– Братья встретят тебя у монастыря.

– Как всегда, «спутниковая голубиная почта», – пошутил Костромин.

– У тебя теперь есть такой же телефон, – усмехнулся Тон.

– Да, но я пока только учусь им пользоваться, – кивнул Костромин.

– Как и всем остальным, – поддержал его отшельник.

И протянул руку, на ладони которой лежал матовый молочно-белый отполированный временем и водой камешек в виде капли с естественной дырочкой в узкой его части, через которую был продет шнурок из какой-то очень прочной телесного цвета веревки.

– Вот, возьми. Пусть будет с тобой до тех пор, пока ты не вырастешь настолько, что тебе уже не понадобятся никакие материальные проводники

и источники для встраивания в течение энергий и защиты себя и своих близких, – сказал Тон.

Юрий принял этот дар благоговейно, как величайшую драгоценность, двумя руками и низко поклонившись. Он тут же надел амулет себе на шею, закинул его на грудь под вырез рубахи и прижал рукой к телу.

– Благодарю тебя, – поклонился он еще раз, а выпрямившись, посмотрел в глаза Тону и попросил, понимая, о чем именно просит, как о великом даре: – Я бы очень хотел помнить все, что со мной происходило, помнить каждое мгновение, проведенное здесь, каждый урок и каждое сказанное вами слово. Я бы хотел сохранить все знания, что получил от вас, и память обо всем, что со мной происходило.

Тон смотрел на него долгим взглядом потемневшими до черноты радужки глаз, а потом внезапно улыбнулся своей непостижимой улыбкой:

– Делать упражнения, которые я тебе передал, ты теперь будешь всю свою оставшуюся жизнь, постепенно все усиливая и углубляя их, так же как и медитировать, и расширять свое сознание и разум ты не перестанешь теперь никогда. На этом этапе бег, плавание и задержка дыхания имеет положительное влияние на слой твоего пространства и прекратишь ты эти занятия, только когда почувствуешь, что необходимость в них отпала. Направление к развитию тебе дано, мастера и источники знаний указаны, путь свой ты определил четко и не нуждаешься более в моем присмотре. Но тебе позволено сохранить память о своем пребывании здесь, обо всем, о чем ты узнал и что смог постичь за это время. И обо мне, – чуть склонив голову, объявил свою волю Тон.

А может, и не свою волю. Сие, как говорится, неизвестно.

– Но ты не сможешь рассказать об этом, – продолжил просветленный.

Костромин понимал, что «не сможешь рассказать», в данном случае было прямым указанием: то есть на всех уровнях и физическом в том числе, если он даже захочет что-то рассказать и откроет рот для этой цели, то не сможет произнести ни одного слова или начнет нести какую-нибудь чепуху, не имеющую никакого отношения к его пребыванию у отшельника.

– Никому и никогда? – уточнил Юрий.

– Когда-нибудь возможно, – подумав, ответил Тон. – Может, своему сыну, если тот изберет путь к просветлению, или другому человеку, но далеко не все, ты и сам понимаешь. Все пережитое и постигнутое за время, проведенное здесь тобой, останется лишь твоим глубоко личным знанием, силой, возможностями и способностями, перестроенной структурой физики твоего тела и полей и только твоим полем любви.

– Благодарю тебя, Великий Мастер, Просветленный Тон, – в глубоком

уважении склонился Юрий перед отшельником, – за великую честь, оказанную мне, и возможность хоть малым краешком приобщиться к Великим знаниям и встать на путь. – Распрямился и спросил: – Мы еще увидимся когда-нибудь?

– Для того чтобы связаться со мной, тебе не требуется проделывать столь длинное путешествие. Достаточно позвать, – усмехнулся Тон и хитро заметил: – Придет время, и ты получишь ответы на все свои вопросы и на тот, который все это время так будоражил твое воображение. Кто знает, может, тогда нам и удастся встретиться.

– Благодарю тебя, – сложив ладони вместе, снова поклонился Костромин.

И, ясно почувствовав, что его время пребывания здесь полностью вышло, развернулся и ушел вниз по тропе. Ни разу не обернувшись.

Он знал, что если бы он вдруг захотел вернуться, что-то сказать или спросить Тона, то, скорее всего, не нашел бы ни тропы, ведущей к пещере, по которой бегал каждый день, ни пещеру, ни озеро и уж тем более не увидел бы самого Тона. Вот так.

Он шел, даже не шел, а бежал неспешно, размеренно и улыбался, вспоминая их разговор. Все то время, что он провел с отшельником, Костромину не давал покоя один вопрос, который он так и не рискнул задать Тону, чувствуя, что этого нельзя делать, – почему из миллиардов людей на планете Тон выбрал именно его? Почему он? Что в нем такого особенного? И почему вообще отшельник взялся его обучать? Ведь сам Просветленный Тон находится на таком уровне развития, который невозможно ни понять, ни даже представить не только простому человеку, но и любому продвинутому духовному мастеру или даже гуру.

Частенько Юрию казалось, что Тон находится сразу как бы в нескольких местах одновременно – вроде бы он с ним и в то же время вроде как бы и не весь с ним...

Да ладно, даже смысла нет пытаться разбираться.

Разбираться – смешно!

И все же почему именно он?

С монахами Юрий встретился у самого монастыря, из которого они только-только вышли, направляясь ему навстречу, удивив их столь небывалой резвостью еще недавно помиравшего от каждого дуновения ветерка паломника-страдальца.

Но с определением времени в категории «недавно» Костромин явно ошибся, оказалось, что прошло больше трех месяцев. Это время он не осознавал и не заметил. А в тот момент встречать его выскочили все

обитатели монастыря, собравшись в стихийный радостный митинг по приветствию особого исцелившегося паломника, как только дежурившие у ворот прокричали о неожиданно быстром возвращении братьев и... Юрия.

Набежала целая толпа монахов, улыбавшихся ему как герою, кланяясь в уважительном приветствии, чуть не до земли с таким рвением, что Костромин несколько даже опешил. Ах да, вспомнил Юрий, – они ж его тут воином духа обозвали! И удивился – как же давно это было, кажется, что в прошлой какой-то жизни.

Братья монахи вдруг расступились, как волны, уловив одним им понятный знак, и навстречу Юрию прошествовал сам настоятель. Они одновременно почтительно приветствовали друг друга, а когда выпрямились, то посмотрели прямо друг другу в глаза, коротко кивнули уже совсем по-иному.

– Кострома! – оторвал Юру от этого церемониала Вовка, подлетевший откуда-то сбоку, развернув к себе и заключив в сильные объятия. – Ну, ты как? Изменился. Сильно изменился. Другой человек стал! Не узнать! А загорел-то как! И мышцы какие накачал! Тебя что, этот целитель в виде профилактической процедуры камни заставлял ворочать? – весело спросил друг.

«Так. Понятно, – сообразил сразу же Костромин, – значит, версия «целитель».

– Что-то вроде этого, – посмеялся он. – Исцеление горше всяких лекарств.

– Я несколько раз пытался прорваться к тебе в их лазарет, но братья не пускали, говорят, посторонним туда нельзя, их целитель охраняет свои секреты. А потом и вовсе сообщили, что тебя отвели в какую-то деревню, где тебе особые процедуры делали и упражнениями лечили.

– Это точно, – честно признался Костромин.

– Исцелить-то смогли? – с тревогой спросил Владимир.

– Полностью, – уверил его Юрий. – Восстановили весь энергетический контур, как они говорят, и гармонизировали все мои жизненные потоки. Да я и сам чувствую, что совершенно здоров и сил стало намного больше, чем прежде.

– Еще бы! Ты и выглядишь как более чем здоровый человек! – похлопал его по плечу Вовка. – Ты на самом деле сильно изменился, и энергия от тебя течет мощная, чувствуется, даже подрос, по-моему. Да и вообще внешне совершенно другой, новый человек.

– Да уж пришлось физической культурой позаниматься, – признался Костромин и перевел разговор на друга: – А ты-то тут как? Получил то, за

чем сюда так рвался?

– Еще как, Юр, еще как! – сверкнул глазами от восторга Владимир. – У них тут невероятные практики, такой силы, я просто улетаю! Такие откровения посещают, такие знания приоткрываются! Жаль, что ты не в теме, – расстроено заметил он. – Я бы тебе объяснил. Это просто фантастика.

– Так ты хочешь остаться и продолжить свои занятия здесь? – уточнил Юрий.

– Конечно! – бодро заявил Вовка. – Останусь до самого конца визы! Это же такая удача попасть сюда!

– Да, удача небывалая, – на полном серьезе согласился Юрий и оповестил: – А я домой. Мне надо поскорей отсюда выбираться.

– Да ты еще не знаешь! – вдруг вспомнил что-то Вовка, разулыбавшись. – наших-то ученых попросили покинуть территорию нижнего монастыря, что-то там Закревская не то сделала или сказала не так братьям, да и вообще женщина. Словом, монахи обиделись, разрешили остаться только одному Варанову, правда, на сей раз в виде уступки позволили ему находиться в самом монастыре, вместе с монахами. А всех остальных попросили на выезд.

– Когда? – быстро спросил Юрий.

– Да вот только сегодня весточку прислали, интересуясь, собираемся ли мы уезжать вместе с ними или остаемся. Они уж и с джипами и проводниками созвонились, договорились об отбытии.

– Я поеду, мне домой срочно надо, – быстро оповестил Костромин.

И подумал про себя: «Ну, спасибо тебе, учитель!» И на какое-то мгновение ему почудилась где-то в вышине тихая усмешка Тона.

Вечером Юрия пригласил к себе настоятель.

Они ни о чем особенном не говорили, ни намеком не касаясь темы просветленного Тона. Настоятель какое-то время изучающе смотрел на Костромина, что-то там сканируя понятное только ему, потом удовлетворенно и даже несколько удивленно кивнул, поклонился с большим почтением и протянул стопку одежд.

– Прими на память эти дары для тебя и твоих близких, брат. Все эти вещи сделаны руками наших братьев и великих мастериц из высокогорного селения. Мы хотели бы, чтобы они сохранили для тебя память о посещении нашей обители и Тибета.

– Это великая честь для меня, – поклонился ему в ответ Костромин. – Благодарю тебя. – Распрямился, посмотрел в глаза настоятелю и добавил от самого сердца: – За все благодарю.

– Это честь принимать тебя в нашем монастыре. Ты можешь приходить к нам в любой момент, когда решишь снова посетить Тибет, ты всегда будешь важным и почетным гостем в нашей обители, – ответил настоятель.

Больше они ни о чем не говорили. Посидели еще немного и выпили ритуальный чай.

Из высокогорного монастыря Костромин отправился в нижний монастырь ранним утром следующего дня вместе с четырьмя братьями-монахами, имевшими и иные хозяйственные нужды и задания, кроме сопровождения Юрия.

С того момента, как Костромин вышел за ворота этой уникальной обители, время и события для него закрутились с невероятной скоростью. Он подгонял парней и животных, не сильно утруждавших себя торопливостью, и из-за его настойчивости в нижний монастырь они прибыли на несколько часов раньше обычного. И успели как раз вовремя, потому что тут же выяснилось, что джипы и проводники уже приехали и ждут, надо срочно выезжать к месту встречи, а то есть вероятность застрять тут на несколько месяцев из-за надвигающейся непогоды.

И погнались...

В каждом городочке и поселке, в котором они останавливались с ночевками по дороге в Лхасу, Юрий вставал с первым просветлением неба, выходил из гостиницы, поднимался на ближайшую возвышенность, находил себе место, медитировал, после чего бегал по еле заметным тропкам и спускался в поселение. Разузнавал, где находится рынок или люди, торгующие своими изделиями и продуктами. Станным, непостижимым образом умудряясь общаться с местными жителями на смеси английского и языка жестов, они прекрасно друг друга понимали.

Костромин делал какие-то покупки, тщательно продуманные и проверенные – подарки, сувениры, местную одежду, украшения, иногда специфичную тибетскую еду и продукты. И возвращался в гостиницу, где только-только просыпались его попутчики.

Кстати сказать, ученые посматривали на него со жгучим любопытством и некой опасливой осторожностью.

Ну, для начала надо сказать: Юрий и на самом деле сильно изменился и обнаружил это, когда заглянул мимоходом в зеркало в первой гостинице по пути их следования, в которой они остановились на ночлег. Для того чтобы побриться, Костромину давно не требовалось ничего, кроме острого, как бритва, ножа, ни зеркала, ни пены для бритья и уж тем более ни одеколонов или какой-нибудь парфюмерии. Он просто закрывал глаза,

сосредоточивал внимание на поросли на своем лице и брился, не оставляя на коже ни единого волоска и даже намека на царапины. Все просто.

А тут заглянул в зеркало, и сам себя не узнал – он словно утратил возраст: по внешнему облику ему теперь можно было дать и двадцать лет, и все пятьдесят. Лицо у него загорело до черноты, а волосы, наоборот, выгорели разными прядями. И что-то еще нечеткое, но явно читаемое изменилось во всем его облике – глаза, их выражение и общая излучаемая энергия, что ли.

Прав был Вовка – другой человек. К тому же Юрий продолжал носить все ту же одежду Тона, а обычные и теплые вещи – куртку, ботинки, рукавицы-перчатки и шапку – затолкал в свой современный стильный рюкзак, с которым прилетел в Тибет, больше ни разу ими не воспользовавшись.

Ученые их группы смотрели на Костромина как на неандертальца, словно он вывалился из другого времени и поздоровался с ними на английском. Вообще-то хоть и был конец марта – начало апреля, но морозы стояли вполне ощутимые, не поднимаясь выше минус десяти, к тому же дули бесконечные ветра, и ребята от науки кутались в свои теплые вещички, прятали носы в воротниках и шарфах, уши в шапочках, а руки в варежках. А тут такой экспонат разгуливает в легких штанцах, неубедительной куртешке какой-то и мокасинах.

Костромина подвергли допросу в стиле научных лабораторных изысканий о проведенном им в монастыре времени и что с ним там такого сотворили, что он настолько изменился и стал нечувствителен к холоду?

– Почему нечувствителен? – искренне удивлялся Костромин. – Очень даже чувствителен, только по-своему.

И, не утруждая себя выдумками, честно признавался, что его держали не в самом монастыре, а лечили в каком-то другом месте, и он мало что может рассказать о жизни монахов и их практиках, поскольку с ними не общался, что являлось абсолютной истиной.

Переоделся Юрий в цивильную современную одежду только в гостинице Лхасы, перед тем как выехать в аэропорт. И весь полет до Пекина чувствовал себя неуютно. Оказалось, что джинсы ему теперь не подходят, мешают и сковывают движения. Он, конечно, может снова привыкнуть к такой одежде, только сначала подумает и решит, насколько ему это надо.

По прибытии в аэропорт Пекина, зарегистрировавшись на свой рейс, Костромин пробежался по магазинам, купил подарков родным-близким, а себе приобрел удобную, приемлемую по теперешним его ощущениям

одежду, вполне современную и даже весьма и весьма недешевую, попросил отпарить и отгладить ее прямо в магазине и там же переоделся – все, можно бежать дальше!

Он и бежал – мыслями, делами и поступками он всю эту дорогу бежал к Варюхе! Он подгонял нерасторопных водителей джипов, а потом и городских такси, он поторапливал ученых и на конечном этапе вообще отделился от них. Группа решила остаться на несколько дней в Лхасе, а потом и в Китае. Он же прокомпостировал билет на ближайший рейс.

Ему надо было к Варе!

И всю дорогу в голове у Костромина звучали слова Тона, предположившего, что она встретила другого мужчину, влюбилась в него и вступила с ним в интимные отношения.

Даже если и так! Даже если и так, он будет за нее бороться!

По фиг там измена, это не измена, теперь Костромин точно знал, что все это ерунда – почистит он потом все последствия ее связи с другим мужчиной, в том смысле, что энергетические и полевые, он теперь знает как, но он вернет Варю! Она его жена, его единственная любимая женщина, его родная душа!

Но! Он-то поборется, но идти против ее воли... уже не сможет.

И если она приняла твердое решение настолько переменить свою жизнь и расстаться с ним, он ее отпустит.

Значит, так надо.

Отпустит. Какую бы боль ему это ни причинило.

И Костромин снова летел, бежал и рвался к ней...

Как только вышел из самолета в аэропорту Москвы, сразу же позвонил тестю.

– Юра! – ответил с большой и искренней радостью тесть. – Ты где, бродяга?

– Выхожу из самолета в Москве, – разулыбался такому искреннему приветствию он.

– Ну ты как, смог исцелиться?

– Полностью, – уверил Костромин. – Совершенно и окончательно. – И тут же спросил о самом главном для себя: – Леонид Николаевич, как Варя? Она где?

– Варя все так же в Сочи, – улыбался тесть, и Юрий почувствовал эту его радость. – С ней все в порядке. Здорова.

– Она там одна? – поинтересовался с осторожностью Костромин.

– Ну-у-у, как... – замялся на мгновение тесть. – Так-то одна. А ты про что спрашиваешь?

У Костромина ухнуло сердце, значит, все-таки есть у нее кто-то. Есть, точно!

– Я спрашиваю: а вы не с ней? – вывернулся он от прямого вопроса.

– Нет, мы только три дня назад как от нее вернулись. – И пожаловался, вздохнув: – Прогнала, сказала, что мы слишком заботливые и переживаем много, а ей это мешает, и отправила домой. – И спросил заинтересованно: – А ты что?

– Да я тогда сейчас к ней полечу, – пояснил ситуацию Костромин.

– Как это к ней? – удивился тесть. – Ты ж с самолета только. Откуда там? Из Тибета?

– Нет, – рассмеялся Юрий. – Из Пекина. Из Тибета, но только с пересадкой в Китае.

– Ну вот, сколько в самолетах-то? Почитай, два дня, что ли? – обеспокоился всерьез Леонид Николаевич.

– Да нет, и суток не будет, – успокоил его Костромин. – Ничего. Тут лететь-то два часа всего. Ерунда.

– Юра, – растревожился совсем тесть, – ты бы передохнул, выспался, а потом уж и полетел.

– Нормально все, – уверил его Костромин. – Я в полете выплусь.

Юрий спешил. Он не мог тратить время на поездку в московскую квартиру, отдых и сон – ему надо было к Варе! Обнять, поцеловать – и все понять! Он поймет и что-нибудь попробует сделать!

Был совсем поздний вечер, когда Костромин подошел к калитке. В доме, в котором жила Варвара, светились несколько окон, значит, она там.

Он скинул с плеча тяжелый рюкзак, перехватил его в руку и вздохнул. Сердце стучало, как молот, он ужасно волновался и никак не мог успокоить свое сознание, отключить эмоции, войти в состояние покоя, да и не хотел, по большому счету.

Он не видел Варвару очень давно! Очень!

Он невероятно по ней соскучился! И боялся, и гадал, какой получится эта их встреча, примет ли она его?

Костромин поднял руку к кнопке домофона на каменном столбе калитки и... остановился. Сжал пальцы в кулак, разжал, помедлил еще мгновение и нажал на кнопку.

Домофон запиликал трелью вызова, сердце у Костромина бухало, все нервы были натянуты, и он услышал ее голос:

– Кто там? – спросила доброжелательно Варвара.

Он ведь ждал, что она ответит, и знал, что вот сейчас она должна

ответить, и все равно ее голос прозвучал для него так неожиданно, так светло...

– Это я, Варь, – прохрипел он внезапно севшим голосом и пояснил на всякий случай: – Юра.

Она молчала. Через небольшую паузу запищал электрический механизм отпираания замка, и калитка, ойкнув металлически, открылась.

Костромин закинул на плечо тяжеленный рюкзак, подхватил другой рукой сумку с ноутбуком и дорожную сумку с подарками, резко выдохнул, распахнул калитку и решительно вошел на участок.

Над крыльцом вспыхнул свет включенного из дома фонаря, открылась одна створка большой входной двери, и на площадку вышла Варюха. Юрий шел ей навстречу, смотрел и не мог отвести от нее взгляда, а она медленно спустилась по ступенькам, остановившись на предпоследней, и смотрела, не отрываясь, на него.

Костромин подошел к ступенькам, скинул на землю рюкзак, поставил, прислонив к нему и сумки, распрямился, сделал еще полшага и оказался прямо перед Варей, стоявшей на ступеньку выше, и все равно остававшейся чуть ниже мужа.

Они молчали и жадно всматривались в лица друг другу.

– Привет, – совсем тихо сказал он и грустно улыбнулся.

– Привет, – шепотом протянула она и тоже улыбнулась печально.

И они снова замолчали.

Юра мчался к ней через полмира – бежал, ехал, летел, торопил людей, машины и самолеты, ему казалось, что он раздвигает руками пространство, спрессованное между ними, так стремилась, рвалась его душа. Вся его воля, вся его жизнь имела в это время одно устремление – к ней! И вот он добежал...

И не в состоянии ничего ни сказать, ни сделать!

Он просто жадно всматривался в лицо Варвары, и какое-то непонятное мытарство и неудобство топталось между ними, не давая...

И тут она подняла руки, придвинулась к нему еще ближе и провела самыми кончиками пальцев по его щекам.

– Ты изменился, – шепотом сказала Варя. – Виски немного поседели. – Провела по лбу, по дугам его бровей. – Загорел. Волосы выгорели, – еле-еле коснулась его век. – Глаза стали другими и взгляд другой, – провела по скулам. – Стал еще красивей и мужественней.

Она водила осторожно кончиками пальцев по лицу Юры, словно слепая, ощупывавшая лик любимого человека, которого дождалась с Великой войны. И Костромин не выдержал, с каким-то утробным стоном

протянул руку, рванул ее к себе и прижал! И уткнулся лицом ей в волосы, вдохнул ее запах, закрыл глаза и замер, обнимая и чувствуя, как колотится ее сердечко.

А она обхватила его за спину, прижалась к нему, закрыла глаза и замерла.

Так они и стояли.

Варя первой сделала движение, освобождаясь из объятий, отодвинулась от него, улыбнулась и просто сказала:

– Идем.

И поднялась на ступеньку выше, увеличивая расстояние между ними. Костромин вдохнул-выдохнул, подхватил свои сумки и рюкзак и последовал за ней в дом, а за ними поспешили и мытарство с неудобством.

– Проходи, – бодрой доброй хозяйкой распахнула Варя створку входной двери и пригласила дальше. – Ставь сюда свои вещи, – указала она на угол в прихожей. – И проходи в кухню.

Костромин скинул вещи в угол и направился в ту сторону, куда его пригласили, а сзади шла Варюха, на ходу преувеличенно бодро что-то объясняя, явно от неловкости, с которой никак не могла справиться:

– Я как раз собиралась ужинать. Чай заварила. Ты, наверное, такой не пьешь: из горных трав. Это даже не чай, воду не кипятят, чтобы травы не варились...

– С удовольствием попью с тобой этого чаю, – прервал ее беспокойную тираду Костромин.

– Да? – переспросила она и посмотрела на него своими встревоженными весенними глазами, помолчала, всматриваясь в его лицо, и спохватилась: – Значит, чаю!

И ринулась к столешнице хозяйничать, чтобы как-то скрыть неловкость, лезущую из всех щелей, такую непонятную между ними.

– Варь... – подошел к ней и встал сзади Костромин, пытаясь как-то начать разговор.

– Юра! – отозвалась она и решительно развернулась к нему. – Ты выздоровел? Тибет тебе помог?

Он взял ее за руку, провел к большому круглому столу, усадил на один из стульев, подвинул второй стул к ней поближе, развернул таким образом, чтобы глаза в глаза, сел сам и снова взял ладошку жены в руку.

– По-моему, мы оба слишком нервничаем.

– Да, – согласилась она и чуть-чуть улыбнулась, лишь наметив ямочки на щечках. – Ты появился так неожиданно, не предупредил, вот я и растерялась.

– А я растерялся, когда тебя увидел, – признался он, жадно разглядывая ее лицо, и улыбнулся. – Ты тоже изменилась, стала еще красивей. – И признался: – Я ужасно по тебе соскучился, просто невероятно соскучился.

– Юр, – обеспокоенно спросила Варя, – ты так и не ответил: ты вылечился? Избавился от того ощущения этой своей грязности и заразности болезненной?

– Да, Варюш, – тихонько мял он ее ладошку, перебирая пальчики. – Я полностью исцелился от всего. И по ходу исцеления умудрился пристраститься к неким духовным практикам, абсолютно поменял образ жизни и свое мировоззрение.

– А от... – Она всматривалась в него и спросила по-другому: – Ты приехал просто повидаться со мной, обсудить, как у нас теперь обстоят дела?

– Можно сказать и так, – кивнул он, понимая, о чем она спрашивает. – Я приехал к тебе, потому что ты моя единственная женщина, моя жена. Потому что я люблю тебя. Потому что я не могу и не хочу без тебя жить.

– Юра... – начала Варя и внезапно всхлипнула от переполнявших эмоций, но шумно передохнула и взяла себя в руки, – а как же та женщина? Ты все еще испытываешь к ней эту болезненную тягу?

– Нет, – твердо отрезал он и честно признался: – Однажды я проснулся и почувствовал, что больше не болен этим ненормальным притяжением, меня словно выпустили на свободу. Я полностью освободился от влечения к ней. Навсегда. Ты же знаешь, что меня никогда не интересовали другие женщины. Нет, они, конечно, волновали мое мужское воображение, как любого нормального мужчину, но мне всегда нужна была только ты. То, что случилось со мной, было болезнью, а не влечением. Но я отдаю себе отчет, как сильно обидел тебя и сколько принес тебе страданий и мучений. – Посмотрел прямо ей в глаза и спросил о самом важном: – Ты сможешь меня простить?

– Я давно тебя простила, Юра, – шепотом ответила ему Варя, напряженно всматриваясь в его глаза.

– Тогда, может, у нас получится вернуть все, что у нас было? – перешел на шепот и Костромин. – И снова быть семьей, как раньше? – Он помолчал и спросил еще: – Снова быть вдвоем.

Они молчали, смотрели в глаза друг другу, и Костромин с холодеющим сердцем увидел, как меняется выражение Вариного лица и как ее прекрасные огромные весенние глаза затапливают непролитые слезы.

Она перехватила двумя руками его ладонь, сжала ее и, неотрывно

глядя ему в глаза, произнесла, как ему показалось с какой-то особой грустью, делая упор на каждом слове:

– Никогда уже не сможет быть так, как было раньше, Юра. И уже ничего и никогда не будет, как прежде. Ничего уже невозможно вернуть и изменить. – Она потрясла его ладонь и закончила то, что хотела донести до него: – И мы уже никогда не сможем быть вдвоем. Это невозможно.

– Варя... – попытался что-то сказать, и не смог Костромин от схватившего спазмом горло и непонимания, что надо говорить и что вообще возможно говорить.

А Варвара стремительно поднялась, вдруг прижала его голову к своей груди, постояла так несколько мгновений, словно прощаясь или прося прощения, или... поцеловала его в голову и сказала:

– Я сейчас вернусь, – и быстро вышла из кухни.

А он остался, потрясенный, опустошенный ее отповедью, чувствуя себя так, словно потерял все на свете, потерял жизнь. Костромин резко встал со стула, прошагал к окну, посмотрел невидяще в темноту ночи...

Значит, все-таки Тон был прав в своем предположении, и у Варюхи есть другой мужчина? Новая любовь?

Как он тогда сказал? «Ты старая любовь, а у нее новая любовь».

Но они же муж и жена, и они любят друг друга. Костромин совершенно определенно чувствовал всем своим обновленным сознанием, всем нутром, что Варя все еще любит его и он ей дорог.

Да, конечно, любит! Она вытащила его из-под лавины, она молилась о нем, пока он боролся со своим темным влечением.

Ну, как иначе? Как иначе?

Значит, не все еще потеряно! Он еще может побороться за ее любовь и за их жизнь! Они ведь даже не поговорили толком!

Надо просто сконцентрироваться, успокоить...

– Вот, – раздался у него за спиной странный голос Варвары.

Костромин резко развернулся и замер от неожиданности и недоумения, она вошла в кухню, держа на руках... ребенка! Совершенно крошечного младенца, что-то тихонько гулившего и сучившего малюсенькими ножками в кукольных носочках...

Юрий остолбенел, он не понимал, что происходит, и не знал, что сказать и как реагировать.

А Варвара подошла к нему почти вплотную, развернулась так, чтобы ему лучше было видно младенца, и произнесла с улыбкой:

– Это Анечка, наша доченька, – и посмотрела на мужа, сияя глазами, – Анна Юрьевна Костромина. Познакомься. Я назвала ее по святцам.

Костромин находился в полной прострации и никак не мог собраться с мыслями.

Какая такая дочка?! Откуда?!

Он до такой степени внезапно ослаб, что пришлось даже как-то, не отдавая себе отчета, привалиться к стене спиной, чтобы позорно не грохнуться на пол.

– Как?.. Откуда? – пробормотал он.

– Я родила ее пятнадцать дней назад, – рассмеявшись, объяснила Варя и посмотрела с великой материнской любовью на ребенка. – У нас сегодня такой вот юбилей.

– Но... когда?.. – никак не мог прийти в себя от потрясения Костромин. – Как? – повторил он непродуктивный вопрос.

– А? – поняла Варвара, о чем он спрашивает, и рассмеялась звонко, рассыпая вокруг огоньки своих глаз и сияние ямочек на щеках. – Мы с тобой ее сделали, когда ты приезжал за вещами и не стал есть крошку.

– Я ел, Варя, ел! – клятвенно заверил Костромин, даже руку на сердце положил, продолжая пребывать в некой эмоциональной прострации. – Всю ее съел в тот же вечер, правда, в три захода, но съел. Даже дышать не мог!

– Ну вот, пока ты ел, – смеялась Варюха, – Анечка в это время как раз и зачиналась у меня в животе.

– Господи, Боже! – вздохнул совершенно растерявшийся Костромин, глядя то на жену, то на малютку ошарашенным взглядом.

– Юра! – снова рассмеялась Варя. – Ты лучше присядь.

– Да, – согласился он. – Лучше мне присесть, это точно.

И с особой осторожностью обойдя по дуге стоявшую перед ним Варю, он подошел к столу и опустился на стул.

– Возьмешь ее? – предложила Варвара, подойдя поближе к мужу.

– Да ты что! – испугался Костромин и поднял руки вверх, жестом полной капитуляции. – Она такая маленькая, я ей что-нибудь могу сломать или повредить.

– Ничего ты ей не сломаешь, не бойся! – твердо заявила Варюха, шагнула еще ближе и уже перекладывала ему на руки ребенка.

– Варя... – просипел испуганно Костромин.

– Ничего, – деловито кивнула она. – Привыкай, – и показала, как правильно держать. – Вот так, когда берешь, поддерживай головку. Ну вот, – устроила она у него на руке дочь, сделала шаг назад и произнесла удовлетворенно: – У тебя прекрасно получается.

Но он уже не слышал ее слов... Костромин смотрел на малютку, и что-то странное происходило с ним. Девочка крутила кулачками, что-то

выделывая пальчиками, и хмурила бровки, которых не было, вдруг зевнула розовым маленьким ротиком и посмотрела на отца голубыми глазенками...

А у него сердце задохнулось! И в голову стукнуло как молотком, и окатило горячей волной – вот теперь, именно теперь он вдруг осознал, что держит на руках свою дочь! Его ребенка!

Его! Родная! Дочь! Вот она!

– Варя, – просипел придушенно Костромин обеспокоенным голосом. – Почему она такая маленькая?

– Она не маленькая, – уверила его Варвара. – В ней три пятьсот, для девочки это очень хороший вес. Правда, ростом не очень вышла, всего сорок восемь сантиметров.

– Вот-вот, – проворчал он испуганно и, оторвавшись от лицезрения ребенка, строго спросил: – А сколько должно быть?

– Да столько и должно быть! – рассмеялась Варюха. – Около пятидесяти сантиметров.

– А у нас всего сорок восемь! – с самым озадаченным видом произнес Юрий и снова посмотрел на младенца. – Варя, у нее такие маленькие, маленькие пальчики. Совсем маленькие. Это нормально?

– Это нормально, Юр, – уже хохотала над ним Варвара. – Ей всего пятнадцать дней. Она просто еще совсем младенец.

– Совсем, – вздохнув, повторил он и, вдруг вспомнив что-то, спросил: – Но ты же сказала, что мы не сможем больше быть вдвоем? И что уже ничего нельзя вернуть и все такое.

– Юр, – перестала смеяться Варвара, – вообще-то я имела в виду то, что ты очень сильно изменился, и я изменилась за это время, и обстоятельства изменились. Мы никогда уже не будем прежними. И у нас Анечка, а это совсем другая жизнь. И уж точно теперь мы не вдвоем. – И спросила осторожно: – А ты что подумал?

– Я подумал, что у тебя другой мужчина, а со мной ты больше жить не можешь. И не хочешь, – вздохнул Костромин и объяснил: – Ты чуть не плакала от печали.

– Вообще-то не чуть, а я таки плакала, – уточнила она и разъяснила: – От радости.

– Вот так, – произнес Костромин непонятно к чему, покивал неосознанно и спросил: – От какой радости?

– От той, что ты вернулся. Вернулся потому, что любишь меня и жить вообще без меня не можешь, а это самое важное. И что ты со мной и все теперь у нас будет здорово. Хотя и совсем иначе, чем прежде, – объяснила она.

– А...

Он хотел спросить что-то еще, но дочка у него на руках решила иначе и издала недовольный писк.

– Что с ней? – сразу же перепугался Костромин.

– Не бойся! – рассмеялась Варвара, забирая у него дочь. – Она просто напоминает, что ей пора кушать, – и посмотрела на мужа с некой заминкой. – Я, конечно, отвыкла от тебя, Юра, и немного смущаюсь, но если хочешь, можешь посмотреть, как она ест.

– Я хочу, – чувствуя, как слезы приливают к глазам, просипел Костромин и улыбнулся.

Они не разговаривали, пока Варя кормила дочь, а он заворожено смотрел на это великое священное действие, старательно загоня глупые слезы назад. Не разговаривали и когда после кормления они пошли в спальню, где Варя уложила заснувшую Анечку в кроватку. Лишь когда вернулись в кухню, Варя спросила:

– Так что, чаю?

Но Костромин, временно отказавшись, пошел в душ, чтобы хоть немного перевести дух и успокоить раздербанные эмоции, стоя под струей воды. А когда вернулся, Варвара уже накрыла стол к ужину, и только тогда они спокойно смогли сесть за стол и хоть как-то поговорить.

– Знаешь, – оглядывая выставленное женой на стол богатое угощение, признался Костромин, – я стал совсем иначе питаться, чем раньше. Совершенно иначе, да и ем теперь мало и... – Он стушевался, не зная, как толком объяснить.

– Я тоже. Мало и по-другому, – улыбнулась ему Варюха и, обведя рукой стол, пояснила: – Я просто волновалась, не знала, что тебе предложить, и вот... расстаралась как-то. – И вдруг вдохновилась одной идеей. – У меня есть дикий рис с овощами на пару. Это моя еда, не торжественная, я ее себе как раз на ужин приготовила. Такое тебе подойдет?

– Да, – улыбнулся он ее энтузиазму. – Это как раз подойдет.

Она подскочила, торопливо засуетилась, накладывая в глиняную мисочку рис из пароварки...

– Почему ты мне не сказала, что ждешь ребенка? – спросил неожиданно Костромин.

Варюха застыла на несколько мгновений с миской и ложкой в руке, потом медленно повернулась к мужу, села за стол, поставила перед Юрием миску с рисом и только тогда ответила:

– Потому что мне надо было, чтобы ты вернулся только ко мне,

вернулся в своей любви и именно ко мне, а не из чувства долга и ответственности. Ты нужен мне полностью, понимаешь? Мне нужно было, чтобы ты закончил эту свою историю, а не стоял бы с ребенком на руках у окошка, укачивая ее, и в это время вспоминал с тоской о той женщине и думал, как тебе с ней было хорошо, и о том, что ты мечтаешь еще хоть раз побыть с ней, но вот дочь на руках и ответственность не пускают. И мучиться этим желанием и зовом. Мне так не надо. – И повторила: – Не надо! Мне надо так, как сейчас. Вот так, как ты вернулся: весь, без болезненного притяжения к другой женщине и чужих желаний, полностью исцелившись и закончив ту историю. Вернулся именно ко мне, – помолчала и внезапно задорно улыбнулась, осветив его огоньками глаз и ямочками на щеках. – К тому же я сама узнала о своей беременности на пятом месяце. Честно-честно, – заверила она, заметив отразившееся на его лице удивление. – И между прочим, благодаря тебе.

Все произошло на ее день рождения в октябре, точнее, за день до этого, когда прилетели родители. Леонид Николаевич вручил дочери подарок от мужа – целую корзину самых любимых ею деликатесов.

Они сели в кухне, составляя список того, что будут готовить на завтра, хоть праздновать собирались только вчетвером – они и, конечно, незаменимая Галочка. А Варвара с детским любопытством и нетерпением начавшая доставать из подарочной корзины продукты, вдруг обнаружила среди них соленого муксуна. Это такая северная рыбка. Ее любимая.

И Варя вдруг почувствовала настолько сильное, непреодолимое желание его съесть, что тут же распаковав, не разделявая, не очищая, даже не положив на тарелку, вгрызлась в рыбу зубами и отрывала куски, пережевывала, закрыв глаза и постанывая от счастья. И снова вгрызалась, как дворовая, помоечная ободранная кошка, которой перепала настоящая еда, качала головой от небывалого счастья и нетерпения, стонала, исходила слюной и чуть не плакала от восторга... пока не подняла голову и не встретилась взглядом с ошарашенными глазами перепуганных родителей, застывшими в безмолвном оцепенении.

– Варенька, – испуганно спросила мама. – С тобой все в порядке, детка?

– Ты, может, заболела? – спросил папа.

– Нет, я не заболела, – заверила она, – просто очень вкусно.

– Ну не до такой же отчаянной степени, – засомневалась мама и выдвинула свою версию. – Может, ты беременна?

– Да ну, – отмахнулась Варвара и...

И теперь остолбенела она, захваченная предательской мыслью. Мама

срочно отправилась в аптеку, пока Варя доедала свой деликатес, на сей раз стараясь хоть как-то контролировать себя, и принесла три разные теста на беременность.

Все три показали положительный результат.

– Дочь, – кашлянув, открыл совещание папа, – мы с мамой, конечно, все понимаем. У вас нелады с Юрой, и он некоторым образом сам... но все же. И мы, разумеется, рады... – И спросил прямо: – А кто отец этого ребенка?

– Юра, – выдохнула Варвара тяжело.

– Но вы же вроде... – не договорил Леонид Николаевич.

– Он приезжал в середине июня за вещами, ну и вот... – покаялась она.

– Но тогда получается, что у тебя... – задумалась мама, – уже пятый месяц! – И возмутилась: – Как ты могла не знать?

– Да вот так! – радовалась Варвара. – Переживала очень, а потом рисовать начала и не заметила.

– А это можно не заметить? – уточнил папа.

– Можно, – уверила его дочь.

Родителям говорить кому-то о своей беременности Варвара строго-настрого запретила, и уж тем более сообщать Юрию, изложив им те же аргументы, что и ему сегодня: он должен вернуться именно к ней, а не к ребенку из чувства порядочности и ответственности.

Все. Точка.

– Юр, – предложила Варя, – давай завтра, что ли, обо всем поговорим. Устала я сегодня совсем, испереживалась. Да и ты с самолета.

– С трех, – усмехнулся он.

– Как с трех? – ахнула Варвара.

– А я к тебе прямиком из Тибета. Сначала из Лхаса до Пекина, из Пекина до Москвы и сразу сюда.

– Тогда тем более тебе надо спать и отдыхать! – беспокоилась она. – Все завтра!

Они быстро убрали со стола в четыре руки, как в былые времена – ловко, сноровисто, не задевая друг друга, грустно поулыбавшись этому моменту, на несколько минут вернувшему их в прошлое, и Варюха побежала в душ, а Костромин...

Она обнаружила его в спальне.

Было темно, горел только один ночник на тумбочке, Юрий сидел на полу возле детской кровати, просунув руку между прутьями, и держал спящую дочурку за ручку.

– Ты чего тут сидишь? – спросила Варвара тихим голосом и села

рядом с ним на пол.

– Она что-то завозилась во сне, я подошел, погладил ее, а она ухватила меня за палец и держит.

– Открою тебе один секрет, – рассмеялась тихо Варюха, – она всех хватает за палец, кто ей его протягивает.

– Всех хватает, а меня держит, – весомо заявил Костромин. – Это разные вещи.

– Да, несомненно, разные, – поддержала его жена, поджимая губы, чтобы не рассмеяться.

– Варь, – снова забеспокоился Костромин, – ну она на самом деле какая-то очень уж маленькая. Ну, совсем. Ты посмотри: эти ножечки, как у куколки, а пальчики, это же малюска совершенно какая-то... а она их еще и сжимает-разжимает и вон палец держит. Как это вообще... – Он терялся в словах и определениях, в переполнявших его чувствах, доминирующими из которых были непонятный восторг, от которого все дрожало внутри, и тяжелое беспокойство за этого младенца: такая малышка!

– Ты привыкнешь, – пообещала ему Варя и разрешила: – И можешь ее отпустить.

– Нет. Она же держится, – не согласился Костромин.

– Юр, – улыбнулась ему Варвара, – думаю, ты пока еще не осознал до конца масштабность явления, но вообще-то она теперь всю жизнь будет держать тебя за палец, потом за руку и за ноги и сядет тебе на шею, и будет прятаться от всех неприятностей и бед у тебя за спиной. Так что эту ручку тебе предстоит держать всю свою жизнь.

– Да? – переспросил он и выдохнул удовлетворенно: – Это хорошо. Это, знаешь, Варюха, очень хорошо.

И осторожно-осторожно, медленно-медленно вытащил свой палец из малюпусеньких пальчиков дочери. И развернулся лицом к жене:

– Варь, я думаю, нам надо все-таки кое-что обсудить прямо сейчас.

– Да, – тяжело вздохнула она. – Надо.

– Просто от этого зависит то, как мы сможем и будем жить дальше. И мы оба это понимаем, – осторожно подбирая слова, сказал Костромин. – Что называется, обсудить главное на берегу.

– Ты про доверие, я правильно поняла твою мысль?

Он кивнул.

– Сможешь ли ты простить меня до самого дна, абсолютно, так, чтобы не осталось в тебе больной обиды. Ведь если ты все же сохранишь в себе эту обиду, а я не смогу полностью убрать из себя чувство вины, то рано или поздно это разрушит наши отношения. Разъест, как ржавчина металл.

Искорежит. Ты будешь срываться на обвинения, и пусть и не осознанно, но ждать от меня предательства, а я сбегать от вины и уже никогда не получится у нас той чистоты и радости, что была раньше.

– А ты смог избавиться полностью от чувства вины? – спросила она тихо.

– Да, я уже смог сделать это, – ответил он твердо и пообещал: – Я расскажу тебе все, что со мной произошло и почему произошло, и как помогли мне монахи, и как я обрел себя другого. Совсем другого. И что понял, и что смог победить в себе. А ты расскажешь мне подробно о том, как ты жила все это время. Для меня это очень важно. Очень.

– И ты честно, без утайки расскажешь мне все, что происходило у тебя с той женщиной?

– Расскажу, – пообещал Костромин. – Только, разумеется, без интимных подробностей. Это неправильно, да и неприятно нам обоим.

– И тебе?

– Меня от таких воспоминаний начинает тошнить, хотя я не стану притворяться и отрекаться от того, что испытывал в свое время невероятную эйфорию. Я объясню тебе, почему. Я все тебе объясню и расскажу, – пообещал он. – Но сейчас самое важное для нас – снова стать прежней семьей, такой, какой были раньше: муж, отвечающий за все и принимающий решения, любимая жена, создающая уют, нашу жизнь, красоту этой жизни. И полное доверие и никакой внутренней, да и внешней борьбы за непонятно что. А для этого нужно, чтобы ты смогла отпустить обиду на меня. Хотя я и понимаю, что это, наверное, непросто.

– Я не держу в себе этого чувства, – тихо сказала Варвара и посмотрела на спящую дочь. Помолчала задумчиво и снова повернулась к мужу: – У меня нет обиды ни явной, ни потаенной, глубоко скрытой. В какой-то момент я задала себе вопрос: а если бы меня посетила такая чудовищная зависимость, справилась бы я с ней? Смогла бы преодолеть, любя тебя и не желая разрушать нашу жизнь? И знаешь, я не смогла однозначно ответить. Но это не главное. Главное, я точно знаю, что благодарна судьбе за ту беду, что с нами случилась. Вот так. Я даже благодарна той женщине, что она появилась в нашей жизни, заставив пережить такую боль, и даже за то, что она напала на меня.

– Что-о-о? – воскликнул пораженно Костромин.

– Тихо! – напомнила ему Варвара, подняв палец. – Не шуми.

– Не понял? – придушенным, возмущенным шепотом повторил Костромин. – Что значит, она на тебя напала?

– Она плеснула в меня красной краской у подъезда, – ответила Варвара

и отмахнулась: – Да все это неважно и не имеет никакого значения! Плевать мне на ту бабу! Я не собираюсь ей мстить или помнить об этом. Не удосужу. Обойдется. Я о другом. – И она снова посмотрела на мирно спавшую дочь. – Понимаешь, я всю жизнь была оберегаема, находилась под защитой сильных мужчин: сначала папы и братьев, потом тебя. Когда ты ушел к ней, я первый раз почувствовала себя совершенно беззащитной, как маленький ребенок, которого бросили в лесу. Вроде как приехали на веселый пикник, все веселились, играли, а потом взрослые уехали, сказав, что я им больше не нужна, и меня оставили. Сначала я так растерялась, никак не могла поверить, что это произошло, и все ждала и ждала, что ты вернешься и скажешь, что это такая шутка была. И первые недели каждый вечер готовила обед на двоих и продолжала тебя ждать. А потом, как очнулась, и ужасно, ужасно на тебя обиделась и злилась страшно. Еще хуже было от того, что я перестала рисовать, не могла сбежать в свое творчество, и еще от того, что я все время представляла, как ты сейчас занимаешься любовью с той женщиной. А потом папа рассказал мне про Евгению Борисовну, и ты тогда признался, как тебе плохо и тошно. Однажды я набрела на старинную церковь и встретила там священника, который многое мне объяснил. И постепенно, достаточно быстро, у меня начало меняться отношение к этому твоему уходу. Я благодарна той женщине за нападение на меня, потому что оно вынудило меня уехать сюда. И здесь я словно вздохнула свободно и обрела себя. Я изменилась, во мне проснулась настоящая женская сила, которая была где-то спрятана и не извлекалась на свет, потому что в ней не имелось никакой необходимости. А тут я вдруг поняла и почувствовала, что я не боюсь жизни и могу с ней справиться самостоятельно, это было необыкновенное чувство, Юра. А еще я поняла, что могу побороться и за свою любовь, и за свою семью, и никому тебя не отдам. Потому что только с тобой я абсолютно свободна, как ни парадоксально это звучит. Свободна и счастлива. Только с тобой мне не надо ни притворяться, ни изображать из себя что-то иное, не подстраиваться под чью-то тяжелую волю, не прятать свои порывы, мысли, желания, свои слабости и глупости, свои недостатки, не надо бояться выглядеть глупой и некрасивой. Это так. Я не знаю, почему так получилось, но это так, может, потому что это и есть истинная любовь и те самые две половинки. Не знаю.

Она помолчала, посмотрела на него и улыбнулась немного печально.

– Я очень много читала за это время, перелопатила кучу всякой литературы и очень многое поняла и постигла в самой себе. Я постоянно, все время думала о тебе, и от этих мыслей неожиданно начала писать так,

как и предположить не могла, что умею, что во мне живут такие краски и сюжеты. И меня настолько захватило это новое направление в моем творчестве, что у меня создалось ощущение, что я парю, когда работаю. Никогда раньше ничего подобного не испытывала, когда рисовала. Никогда. А тут... И вот Анечка. Даже если все эти мучения, боль, страх и переживания были только ради того, чтобы она появилась на свет, значит, стоило все их пережить, пройти и перетерпеть, и все они ерунда, если в результате родилась она. Наше чудо. За одно это я бесконечно благодарна судьбе со всеми ее выкрутасами. Но та беда, что случилась с нами, дала мне гораздо больше в жизни, чем только дочь. Гораздо больше. Так что мне не на что обижаться, а лишь благодарить судьбу. Но... – Тут она посмотрела Юре в глаза и потребовала: – Ты больше никогда не увлекайся другой женщиной. Ладно? Потому что я точно знаю: второй раз я не прощу, точно.

А он притянул ее к себе и обнял.

– Варька... – шептал Юрий восхищенно и с таким потрясающим нежным чувством. – Варька... – повторил он, потихоньку начав ее раскачивать. – Я так тебя люблю... Я так боялся, что потерял тебя, думал, с ума сойду.

– Я тоже, Юрочка, я тоже, – прошептала она в ответ.

– Мы забыли об одном важном деле. – Он чуть отстранился, чтобы видеть ее лицо.

– Каком? – тоже шепотом спросила она.

– Вот этом... – наклонился Костромин к жене.

И поцеловал. Он целовал ее, передавая всю свою любовь, всю свою истосковавшуюся по ней душу, всю, какая есть в нем нежность, обещая будущее и благодаря за прошлое – это был волшебный поцелуй, очистивший все боли, печали и потери в них обоих.

Она заснула очень быстро после того, как они нацеловались до головокружения. Варюха положила голову мужу на плечо, они так посидели у кровати дочери, и уже через пять минут Варя спала.

Костромин поднял ее на руки, перенес на постель, заботливо раздел и уложил под одеяло. Постоял над ней, посмотрел, испытывая нечто непередаваемое.

Вот как странно бывает, только благодаря беде Варя открыла в себе особую женскую и жизненную силу, а он разглядел эту ее силу женщины и силу жизни с самого начала, достаточно было посмотреть один раз на ее архитектурный проект и на ее потрясающие рисунки.

Костромин нагнулся, осторожно поцеловал ее в лоб и тихо вышел из

комнаты.

Юрий постоял над кроватью дочери, затем прошелся по дому, выключая везде свет, и вышел на веранду.

Он запрокинул голову и посмотрел на черное, величественное небо, усыпанное звездами, не теми огромными и низкими, как на Тибете, а куда как поскромней – домашними, что ли.

– Как вы там сказали, учитель? – прошептал он в небо. – «В данный момент у нее происходит интимная близость с другим человеком, и она влюбляется в него»? Что уж может быть интимнее, чем рождение ребенка и любовь к нему. – Он помолчал, улыбаясь, отчетливо представив себе улыбающееся лицо отшельника. – Согласен, хорошая была шутка, поучительная. На тему полного доверия Пространству и Высшему Разуму. – Помолчал и поблагодарил шепотом: – Благодарю тебя, учитель. Благодарю.

И совершенно явственно услышал донесшийся до него волшебный тихий смех Тона, отзывавшийся колокольчиками во всей Вселенной.